

Джеральд Старк

Крепость Мрака

Глава первая

Время подняться на стены

20 день месяца Тагорн Год Падения Цитадели (Дата по счету людей неизвестна)

Наполовину ослепший от внезапно затопившего маленький зал охотничьего домика пронзительного золотистого сияния, оглохший от испуганных криков и нарастающего завывания чудовищного урагана, умудрившись потерять единственную связующую нить — судорожно цеплявшуюся за его руку ладонь Айлэ Монброн — наследник трона Аквилонии, словно подталкиваемый в спину, сделал шаг. Единственный шаг в сумятице, возникшей после того, как магик Эллар открыл колдовские врата и исчез в их зловеще мерцающей глубине.

... Много позже, пытаясь восстановить в памяти подробности затянувшихся мгновений, Кони вспоминал только стылый, мертвенно-холодный ветер да хаотическое мельтешение сонмища ослепительно белых искр. Он даже испугаться толком не успел, настолько стремительно все произошло. Его затянуло в портал, словно щепку в водоворот, вышвырнув неведомо где, но уж точно не в тихих, дремотных Рабирийских холмах.

Боги дали человеку пять чувств, дабы познавать окружающий мир — и вот теперь все пять чувств Коннахара, сына Конана были оскорблены одновременно.

В глаза ударил яркий солнечный свет, со всех сторон навалилась оглушающая мешанина звуков — воинственные вопли, стоны раненых, лязг железа о камень, грохот, треск, скрежет, частые щелчки арбалетов. Каменная плита под ногами ощутимо содрогалась, ноздри разъедал едкий бурый дым, и от кислого медного привкуса на языке оскоминой сводило скулы. За спиной возвышалась серая громада крепостной башни с наполовину обрушенным балконом и десятком бойниц, прямо — открывался вид на узкую, длинную долину с редкими купами темнолиственных деревьев, стиснутую отрогами скалистых гор. Вдаль уходила единственная дорога, на ней у самого горизонта вздымалось большое пыльное облако.

По всему выходило, что находится он на крепостной стене, и крепость эта только что подверглась атаке. На возвышении слева кренилась набок гигантская катапульта, бессильно свесив изломанные рычаги. Вдоль края площадки тянулись массивные зубцы высотой в рост человека, в их ровном ряду скалилась гранитными изломами широкая брешь. По закраинам пролома, трескуче шипя, ползали лиловые змеистые огоньки — след магического удара огромной силы, сокрушившего камень. Один, извиваясь, устремился прямо под ноги Коннахару.

Моргая, кашляя и отплевываясь, Конни отскочил и споткнулся о труп в легком кожаном доспехе, до пояса заваленный щебенкой. Неподвижные тела, одетые в одинаковые доспехи темно-зеленой кожи с алым тиснением, усеяли весь доступный для обозрения участок стены. Кем бы ни были защитники неведомой цитадели, похоже, ни один из них не уцелел.

Рядом, разминувшись с головой принца едва на пядь, свистнула случайная стрела и раскололась о камень.

Над разрушенным гребнем возникло навершие лестницы с парой зазубренных крючьев на концах. Блестящие лапы крюков раздвинулись сами собой, надежно вцепившись в камень. Между ними вынырнула жуткая медно блестящая харя с решеткой длинных клыков и узкими щелками вместо глаз. Принц оторопело попятился, шаря на поясе кинжал. Самое время было орать в голос, но язык намертво присох к Пересохшей глотке — лишь когда за кошмарной рожей появились широченные плечи и руки в латных рукавицах, сжимающие древко секиры, юноша сообразил, что принял за демонскую личину причудливый бронзовый шлем.

Захватчик грузно перевалился на стену — Конни услышал даже гневное неразборчивое бурчание из-под звериного шлема. С головы до ног покрытый тяжелой броней, помятой и тусклой, хранившей следы множества ударов, он выглядел почти квадратным — ростом принцу по грудь, но втрое кряжистее, с длинными руками и грудью, что твой бочонок. Едва диковинный воин спрыгнул с лестницы, следом высунулся шлем еще похлеще, в виде драконьей головы, и столь же бодро полез наверх.

Ну и толстяк, пронеслось в голове у принца. Да он, должно быть, неповоротливее буйвола!

В следующее мгновение наследник аквилонской короны скакал не хуже ярмарочного

гимнаста, увертываясь от свистящих взмахов вражеской секиры, вертевшейся легким перышком в руках неуклюжего на вид противника.

Воин в драконьем шлеме перешагнул последнюю ступеньку штурмовой лестницы, уступая дорогу следующему, столь же коренастому й низкорослому.

Дверги, подумал Коннахар. Провалиться мне на месте, если это не подгорные жители. Но, во имя Митры Милосердного, почему? Откуда?! Что за дикая кончина — быть зарубленным каким-то двергом, которому ты даже ничего плохого не сделал... Впрочем, если я успею добраться вон до той рухнувшей балки...

Прыжок в сторону, и широкое лезвие с подвесками в виде маленьких бронзовых черепов раскалывает пополам булыжник. Схватив намеченную добычу, круглый стальной щит необычного светло-фиолетового цвета с алым узором, Коннахар успел подставить его под очередной сокрушительный удар. Рука мгновенно онемела, а поперек щита протянулась глубокая вмятина. Низкорослый заревел — Коннахар не разобрал ни единого слова — и, крест-накрест полосуя воздух, попер на принца, а на того, что поднялся следом, вихрем налетела чья-то смутно знакомая фигура с длинным блестящим мечом.

«Драконий шлем», крякнув, отбил удар окованным железными кольцами топорищем. Клинок с яростным визгом проехался по железу, но дальнейшей схватки между защитником цитадели и солдатом армии завоевателей Конни не видел. Его слишком занимали попытки увернуться от проворно мелькающей секиры, оказывавшейся то слева, то справа, норовившей ударить по ногам или хлестнуть поверху спасительного щита, удивительно легкого и прочного. Вот когда сполна пригодилась наука незабвенного месьора Борса Тегвира из Атрены, придворного наставника воинских искусств. Однако никогда доселе Коннахару не доводилось выходить против столь опытного соперника, к тому же ничуть не обремененного сдерживающими правилами учебного поединка.

«Мне конец. Поскачу еще немного, и он меня достанет. Непременно достанет. Что я могу против этого жуткого топора с одним щитом? Ровным счетом ничего...»

— Коннахар! Эй, Конни! Падай! Да упади же!..

В реве и грохоте битвы и нестройном хоре воинственных кличей два знакомых голоса прозвучали совсем слабо, и Конни, оглушенный, растерянный и испуганный, их не услышал. Однако он упал и без чужой подсказки — обломок гранита не вовремя подвернулся под ногу — потеряв равновесие, грохнулся спиной вперед, безнадежно вскидывая над собой покореженный щит. Отчетливо представилось, как опускающееся лезвие с легкостью разваливает на две половинки сперва металл, а затем наследника аквилонской династии...

Воздух хищно и пронзительно свистнул, и дверг, замахнувшийся для финального удара, рухнул навзничь, загремев навьюченной на него сталью. Громыхнула выпавшая из рук владельца и отлетевшая в сторону секира, звякнули спутавшиеся цепочки со зловещими украшениями.

Пару ударов сердца Конни просто лежал, уставясь в поразительно спокойное небо с белоснежными хлопьями легких перистых облаков. Проклятье, мелькнула мысль, если бы вся эта груда железа обрушилась на меня, вышло б не хуже, чем топором...

— Коннахар, поднимайся! — рядом возникли ноги в потрепанных остроносых сапожках. Сапоги выглядели незнакомыми, зато напряженный голос с привычкой растягивать гласные Коннахар признал без труда. Среди окружавших его людей так разговаривал только уроженец Темрийской провинции Лиессин Майлдаф, он же Льоу. — Нашел время вздремнуть! Конни, очнись, мы в беде!

Последняя фраза звучала уж совсем обеспокоено.

— А то я сам не понял, — огрызнулся наследник Аквилонии, отбрасывая в сторону верно послуживший щит и со второй попытки поднимаясь на ноги. В глубине души мелькнуло и, устыдившись, пропало виноватое облегчение. Выходит, в ловушку магических врат он угодил не в одиночестве.

Былой противник Конни обнаружился поблизости — бездыханная горка металла и плоти, вяло подергивающая ногами. Воинственного коротышку прошило тяжелым копьем, меж звеньев кольчуги просачивались густые черные ручейки. Торопливо отведя взгляд, Коннахар проследил возможное направление полета копья и наткнулся на полуобрушенный балкон, лепившийся ярусом выше.

На балконе метались два человека, коим также выпала участь невольных спутников наследника трона Аквилонии. Там же на треноге громоздился невиданный счетверенный арбалет, заряжавшийся множеством стрел и похожий на чудовище с несколькими растянутыми в ухмылке зубастыми пастями.

Несмотря на панику и страх перед незнакомой местностью, у Эвье Коррента или Ротана Юсдаля достало сообразительности схватить подвернувшееся копье и метнуть его в существо, едва не прикончившее Конни. Бросал наверняка Эвье, имевший прирожденный талант к этой военной забаве. У Ротана правая рука до сих пор болталась на перевязи после удара гульскими когтями.

— Оставайтесь там! — требовательно крикнул Льоу. Юсдаль-младший, начавший спускаться по шаткой приставной лесенке, застыл на месте, растерянно оглядываясь через плечо. — Вернись назад, говорю! Эвье, пошарь там где-нибудь припасы к этому жуткому арбалету! Если есть — зарядите и направьте на стену, и стреляйте, стреляйте, они сейчас полезут снова! Коннахар, а мы с тобой...

Он повернулся к принцу — серебряные волосы растрепаны, ссадина на лбу запеклась кровью — и Коннахар заметил широкую алую полосу, расплывающуюся по лезвию длинного меча Лиессина Майлдафа. Однако что именно хотел сказать темриец, так и осталось неизвестным. Со скрежетом, от которого у Конни заныли зубы, в порушенную стену вцепились острые крючья еще трех штурмовых лестниц.

Дверги завыли и пошли на приступ.

* * *

Пробираясь между обломками, Конни вспомнил об обладателе шлема в виде драконьей морды. Должно быть, Льоу прикончил врага или сбросил его вниз. Совершенно непривычно было видеть Лиессина Майлдафа, сладкоголосого скальда, завсегдатая кабаков и покорителя девичьих сердец, в роли умелого воителя. Знать бы еще — как, собственно, здесь очутился сам Лиессин и двое других приятелей аквилонского принца? Но самый главный вопрос — где оно, это таинственное "здесь"? Далеко ли от Тарантии или от Рабирийских гор? Мельком Конни углядел зубчатый гребень огромного бастиона, крытые деревянные галереи, лестницы и движущиеся по ним вдалеке фигурки. Истинные хозяева цитадели должны заметить брешь в своей обороне и прислать отряд в подвергшуюся нападению башню. Хорошо бы они

сделали это поскорее.

Не давало покоя и другое соображение. Последний раз хирд, гномье воинство, выходил на поверхность и принимал участие в сражении людей по меньшей мере лет сто или двести тому. Почему же тогда дверги штурмуют стены неведомой крепости? Как она называется? И кто, в конце концов, ее защищает?

... Одну из лестниц Конни и Льоу на удивление ловко — будто всю жизнь этим занимались — отпихнули от стены, воспользовавшись трофейной секирой и подобранным багром с хитроумным тройным зацепом на конце. Крючья, намертво впившиеся в черный с алыми прожилками гранит, никак не желали отцепляться. Тогда Лиессин попросту обрубил их. Уткнув багор и секиру в верхнюю перекладину, молодые люди поднажали, преодолевая сопротивление лестницы и тяжесть повисших на ней двергов. Металл пронзительно заскрипел по каменным зубцам; лестница грузно поехала в сторону, а спустя пару ударов сердца снизу донесся хрусткий удар и нестройный яростный вопль, вырвавшийся из десятков глоток. На другую, напрягая все силы, скатили обломок стены весом стоунов в двадцать — каменная глыба вдребезги раздробила деревянные перекладины, похоронив под собой всех, кто находился на них.

В азарте от успеха Льоу, подтянувшись, сунулся в проем между зубцами — глянуть, много ли ущерба причинено врагам. Конни едва успел втащить приятеля обратно, когда над вершиной башни взмыло мерцающее черной рябью облако пущенных снизу стрел, смертоносным градом застучавших по камню.

Не сговариваясь, оба защитника поневоле метнулись, пригибаясь, в единственное подходящее укрытие под самой стеной — стрелы туда пока не достигали. В миг краткой передышки, пока лучники внизу перезаряжали свое оружие, Коннахар дотянулся до валявшейся поблизости оторванной крышки какого-то ящика. Та выглядела достаточно толстой, чтобы временно заменить щит-павизу.

- Ты не представляещь, сколько их топчется внизу, ошарашенно бормотал Лиессин, привалившись к стене и косясь на цокающие поблизости стрелы. Не меньше тысячи или двух, и на подходах еще больше... Еще я заметил какую-то здоровенную сверкающую дрянь навроде передвижного тарана. Она пока далеко, но ползет прямо сюда. Башня, кстати, довольно высокая локтей под тридцать-сорок, точнее сказать не берусь.
- Лучше скажи, как будем выкручиваться, когда к зубцам приставят еще несколько лестниц? предложил Конни, осторожно высовываясь из-за укрытия. Торчавшие на балконе Ротан и Эвье сообразили затаиться, ожидая завершения атаки. И вообще, как вас угораздило свалиться в портал? Может, Хасти тоже околачивается неподалеку? Он ведь первым сунулся в эти треклятые врата!
- Одноглазый или кто другой из лагеря на Рунеле на глаза пока не попадался. Как сюда занесло эту безумную парочку мне неведомо. Лично я прыгнул следом за тобой, потому что... Льоу замялся, подбирая слова: Ты вроде как вошел в дверь, из которой лился золотистый свет, и начал исчезать. Мне стало позарез любопытно: что там, с другой стороны? Упустить такой случай да ни за что на свете! Так что я сгреб ножны с мечом и кинулся очертя голову вперед, надеясь, что повезет. Слыхал я байки про магические ворота: заходишь в них целеньким, потом твою голову находят в Нордхейме, туловище в Стигии, а ногами закусывают рыбы в Полуденном Океане. Но я ведь парень не промах сложил пальцы в охранительном жесте и ринулся вперед с именем Морригейн на устах... и вот я здесь, целый и невредимый!

- Пока невредимый, только очутился демон знает где, подвел итог Конни. Меч прихватил, а анриз не успел? Как же ты без него?
- Справлюсь как-нибудь, легкомысленно отмахнулся Майлдаф-младший, хотя напоминание о маленькой арфе, с которой он почти не расставался, наверняка было болезненным. Перестали стрелять? Ну, раз-два!..

* * *

Очередной град стрел, пущенных по очень крутой дуге и сыплющихся почти отвесно, они вновь переждали под импровизированным щитом из досок, положенных на выступы стены. В нескольких местах изнутри щита торчали черные наконечники стрел, пробивших толстенное дерево насквозь.

- ... Первого, кто сунется, цепляем и скидываем на головы остальным или башку, Коннахар согласно кивнул, позаимствованную секиру, едва не подведшую черту под его краткой жизнью. Оружие оказалось ему не по руке — тяжеленное, с неудобной центровкой — зато им было удобно орудовать, не слишком высовываясь из-под прикрытия. Также среди оружия, в изобилии раскиданного среди куч щебенки и мертвых тел, он подобрал себе небольшой арбалет со связкой стрел, а Льоу разжился дюжиной метательных ножей. Единственно правильный выбор — в ближнем бою против воинов в тяжелом доспехе у юношей не имелось ни единого шанса. — Пока они сыплют проклятьями и собирают уцелевших, бежим к следующей лестнице и проделываем то же самое. Хорошо бы еще разок швырнуть в них пару камней потяжелее, благо этого добра тут хватает. Или окатить горячей смолой, но где разжиться таким богатством? Если и стоял здесь смоляной котел, то его унесло с обрушившимся куском стены... Готов?
- Нет, честно признался наследник аквилонского королевства, прикидывая, как бы половчее выкарабкаться из-под верно послуживших досок. На свое счастье, он не успел этого сделать, остановленный предостерегающим окриком и басовитым скрипом натягиваемой тетивы вчетверо громче против обычного.

На балконе, вместо правого края коего остались только сиротливо торчащие балки, обозначилось некое шевеление. Чьи-то руки закрутили изогнутый ворот, торчащий сбоку диковинного стреломета, и все четыре мощных лука начали плавно выгибаться назад.

Выглянувший из-за подпорки человек — судя по взъерошенной каштановой шевелюре, отпрыск семейства Коррент — бодро помахал рукой, указывая на участок стены, где почти вплотную друг к другу теснились три лестницы, по каждой из которых споро карабкались воинственные карлики.

Словно его жест послужил сигналом, над стеной появились захватные крючья еще пары лестниц. После второго приступа, отбитого столь же доблестно, как и первый, разъяренные дверги навалились всем скопом. Конни усердно гнал прочь от себя явственное ощущение того, что этот штурм может оказаться для четверых мальчишек последним.

— Они, в самом деле, взводят это чудовище! — не поверил своим глазам Конни. — И собираются палить по двергам!

— О вечно юная Морригейн, ниспошли им удачу, а нам отвагу! Если еще и попадут, я сочиню о них скелу, достойную героев древности! — проорал в ответ Лиессин, перекрывая шум битвы.

Доски укрытия внезапно хрустнули и прогнулись под немалым весом спрыгнувшего со стены нападающего. В паре шагов поодаль Конни заметил сразу с полдюжины одетых в железо карликов с уже знакомыми топорами на длинных рукоятях, сбившихся в плотную группу. Их сотоварищи торопливо карабкались по перекладинам, набрасывая на стенные зубцы длинные петли веревок. Дверги орали наперебой, поторапливая отставших — и оттого не расслышали сухого и четкого щелчка спускаемой тетивы.

Десяток уложенных *веером* стрел сорвался в полет, шипя и оставляя за собой отчетливо видимый след пронзительно-голубого огня. Стрелки взяли прицел чуть выше, чем следовало: часть болтов бесполезно канула за стену, не причинив никому вреда, но некоторые поразили цель. Пара приземистых созданий рухнула на месте. Один, получив толстый короткий дротик в живот, согнулся пополам, закружился волчком, выронив оружие, подвывая и расталкивая собратьев.

При втором и последующем выстрелах Эвье и Ротан учли ошибки, слегка наклонив арбалет вниз. Боги ведают, как того добились творцы стреляющего чудовища, но смертоносные залпы следовали один за другим с невероятной быстротой, будто из колчана лучника — чемпиона. Двергов за считанные мгновения точно ураганом снесло. Уцелевшие коротышки сиганули прямиком через стену, не прибегая к помощи лестниц и цепляясь за сеть болтающихся веревок. Подгорный житель, топтавшийся над головами Конни и Льоу, продырявленным мешком ухнул вниз.

Парочка на балконе улюлюкала и вопила едва ли не громче празднующей победу армии, пока Льоу не велел им заткнуться и готовиться к встрече следующей волны нападающих.

Таковая не заставила себя долго ждать. Наученные горьким опытом, дверги сперва взгромоздили наверх несколько массивных треугольных щитов, размалеванных синей и желтой краской. Арбалетные стрелы отскакивали от слоя металла и дерева. Устрашающий рокочущий гул внизу приблизился, став гораздо громче.

- Ну, все. Теперь нам крышка. А я-то думал, будет интересно, с неподдельной тоской бормотал Лиессин. Говорили мне матушка с отцом сиди дома, порти девок, так ведь нет... Надо было слушаться родителей, носа не высовывать за порог... Пора сматываться, мой принц, геройство хорошо до определенных пределов...
- Как?! Куда? воскликнул Коннахар. На самом деле путей отступления виделось достаточно, но ни одним из них воспользоваться они бы не смогли. Припустить вдоль стены, плавными извивами простирающейся в обе стороны, до следующей башни? Самое малое две сотни шагов по открытому месту стрела догонит. В толще башни, нависшей над их головами, имелись узкие бойницы над балконом и несколько дверей, ведущих со стены внутрь. Но, увы, бойницы располагались чересчур высоко, под самой плоской смотровой площадкой, а створки Льоу проверил в первую очередь, едва выдалась передышка. Все они оказались заперты изнутри.
 - А, пр-роклятье... За мной!

С этими словами Льоу, а следом за ним и Коннахар выскочили из убежища, лицом к лицу столкнувшись с троицей противников, под прикрытием щитов только что спрыгнувших на площадку. Отпрыск Бриана Майлдафа немедля позабыл о благоразумном намерении искать спасения. Издав воинственный клич, он схватился с первым из троих, оставив двух

других на долю приятеля.

По ближайшему Конни в упор разрядил арбалет, вогнав стрелу в глазницу шлема. На второго, отбросив бесполезный самострел, замахнулся трофейной секирой. Топорище, стянутое стальными кольцами, неловко провернулось в руке, тяжесть оружия вкупе с силой молодецкого замаха отбросила юношу в сторону, и дверг без труда отвел удар.

Дальнейшие события запомнились Конни чередой странных рваных впечатлений и отвратительным вкусом каменной пыли, смешанной с кровью, на губах.

Вот он скорчился в тени под основанием разбитой гигантской катапульты, а мимо грохочут сапоги бегущих по стене двергов. Каким-то чудом он жив и даже не ранен, и вместо секиры рядом валяется чужой, непривычно изогнутый ятаган синей узорчатой стали. В боку пульсирует боль — тот удар древком, сбивший его с ног, был хорош — но сам враг куда-то пропал. Побрезговал добивать поверженного мальчишку, а может, валяется неподалеку с дротиком в ребрах.

Вот Льоу карабкается по приставной лесенкна балкон, задерживается на самом верху, и в его пальцах искрами взблескивают метательные ножи — один, другой, третий... Неточно пущенный короткий топорик осыпает его горячей гранитной крошкой. Темриец орет что-то оскорбительное, неслышное за грохотом боя, и ничком валится на балкончик, пинком сбрасывая лестницу вниз.

У Эвье и Ротана кончились припасы к их скорострельному чудищу, и смертоносный дождь иссякает. Оставшись без оружия, они укрываются за перилами балкона, пытаются вжаться в гранит, в отчаянии закрывая головы руками, а со штурмовых лестниц на стену течет и течет закованный в броню поток. Несколько окованных железом переносных таранов бьют в толстые створки дверей, ведущих внутрь башни, дверги, раскачивающие их, утробно ухают при каждом ударе. Вот одна из створок не выдерживает, и в открывшийся темный проем немедленно вваливается торжествующе орущая толпа.

Очередной спешащий мимо дверг, царапнув взглядом по сжавшемуся в комок принцу, вдруг замедляет бег и присматривается повнимательней. Шлем он потерял, и Коннахар, подняв глаза, видит над собой маленькие яростные глазки под низким лбом и злорадную желтозубую усмешку, блеснувшую в густой пегой бороде. Секира с рокочущими бубенцами на обушке взлетает в воздух...

... Обитателю подземелий не удалось завершить размашистого движения. Промеж ключиц у него внезапно выросла стрела — длинная, тонкая, крашеная в сизый цвет, с желто-алым, оперением. Подгорный воитель всхрапнул и повалился ничком, намертво придавив Коннахару ноги. Рядом на бегу рухнул его собрат, срезанный столь же метким выстрелом. За первым залпом последовал второй, потом еще и еще — победные кличи нападающих сменились воплями боли и ужаса. По всей стене то один, то другой карлик падал на залитые кровью плиты, сипя пробитым горлом, хватаясь за простреленную руку или пытаясь выдернуть стрелу из прошитого насквозь бедра. Смертоносные гостинцы летели, однако, не с порушенного балкончика, послужившего укрытием Ротану, Эвье, Лиессину и Майлдафу, да и ничуть не походили на толстые, уродливые арбалетные болты.

Долгожданная помощь пришла с иной стороны.

Крепость, наконец, прислала своим гибнущим защитникам подкрепление.

На верхнем ярусе башни, на смотровой галерее, появились два десятка стройных фигур в просторных темно-фиолетовых одеяниях. Взгляду Коннахара они предстали четкими черными силуэтами на фоне безмятежного синего неба, и каждый сжимал в руках длинный мощный лук с двойным изгибом. Лиц, скрытых под капюшонами, снизу было не разглядеть, зато неведомые стрелки со своей удобной позиции все происходящее на стене видели как на ладони, а их умению обращаться с оружием позавидовали бы прославленные ветераны аквилонской гвардии. Опомнившиеся дверги схватились за арбалеты. Однако сделать ответный выстрел успевали немногие — воины на башне опустошали колчаны куда быстрее. Большинство двергских арбалетчиков полегло прежде, чем успело как следует прицелиться.

Оставшиеся в живых ринулись внутрь башни или пытались укрыться за желто-синими щитами, а с лестниц валили новые на смену погибшим. Что-то огромное ревело и лязгало за стеной, сотрясая основание башни.

На какой-то миг чаши весов в почти удавшемся штурме уравнялись, не предоставляя решающего преимущества ни одной из сторон. И тут на расстоянии ладони от носа лежащего ничком в своем укрытии Ротана упала веревка, змеей скользнувшая с одной из бойниц.

Камешек, перетянувший весы на сторону осажденных, возник на зубцах верхнего яруса, рявкнул что-то стрелкам и кубарем скатился по веревке на стену, усеянную лежащими вперемешку трупами защитников крепости и нападающих.

Нового пришельца Коннахар разглядел во всех подробностях, даже из того весьма неудобного положения, в коем находился. При иных обстоятельствах увиденное, пожалуй, повергло бы его в ужас. *Такой* твари ни Коннахару, ни его спутникам видеть прежде не доводилось. Нечто похожее описывалось в историях, повествующих о смертельно опасных демонах, стерегущих заброшенные храмы в дебрях Черных Королевств...

Коренастый и невероятно длиннорукий незнакомец двигался с быстротой и легкостью атакующего барса. На широком, землистом и грубо слепленном лице под низким лбом яростно горели оранжевые, с вертикальным кошачьим зрачком глаза. Облачением существу служили вороненая кольчуга, перехваченная наискосок полосой широкой изумрудной ткани, легкий кожаный шлем с зеленым же плюмажем на макушке, короткие кожаные штаны, сапоги и стальные наручни. Мощное тело в местах, открытых для обозрения, покрывала жесткая седая шерсть. Тварь сжимала короткое, в пару локтей длиной, древко, завершавшееся на обоих концах длинными, слегка изогнутыми лезвиями. Заточенные до небывалой остроты края клинков, похожих на узкие ятаганы, полыхали тусклой синевой. У их оснований топорщились шипы и болтались пучки кудлатых волос, стянутых алыми нитями. В руках диковинного воина, стоило ему отпустить веревку, оружие немедленно закрутилось жужжащим, мерцающим, смертоносным кругом.

Еще с дюжину канатов, разворачиваясь, упало с края башни. По ним заскользили вниз прочие собратья странного воителя.

Тварей в одинаковых кольчугах, с вызывающе торчащими зелеными перьями на шлемах, насчитывалось около двух десятков. Различались они разве что по окрасу шерсти — кто-то светлее, кто-то темнее, один вовсе соловый, навроде лошади породы саглави. Необычных двулезвийных копий явившиеся существа не носили, обходясь тесаками, сдвоенными цепами

и жутковатыми булавами. Едва коснувшись каменных плит площадки, создания немедля кидались в общую свалку, превратившуюся в жуткое побоище, где каждый сражался со всеми и все — с каждым; однако вскоре стало очевидно, что обороняющиеся побеждают, не неся притом ощутимых потерь.

Попытка двергов сбиться в некое подобие хирда и раздавить проворных врагов по одному быстро провалилась, вдобавок пепельные стрелы вновь принялись язвить карликов в приоткрывающиеся щели доспехов. Вскоре пал последний из захватчиков — кто вовремя не бежал, остался лежать с пропоротым брюхом, раздробленной головой или стрелой в глазнице — а новые силы подходить не торопились, и лишь неясные крики и звон металла, доносящийся из темного нутра башни, напоминали о том, что там все еще продолжается бой.

Даже теперь положение защитников крепости виделось не слишком благоприятным — на стороне двергов оставалось подавляющее превосходство в численности, из-за стены могло подоспеть почти любое подкрепление. Но тут произошло непонятное. Металлически лязгнув, открылись стальные челюсти захватных крюков, и одна за другой все пять штурмовых лестниц освободили брешь. Одно из звероподобных существ прыжком забросило себя на стенной зубец, проревело вниз короткую фразу, сопроводив ее выразительным непристойным жестом, и скатилось обратно под одобрительные выкрики с галереи и рыканье сотоварищей.

Тварь приметной темно-рыжей масти вынырнула из лишившегося створок дверного проема башни и, махнув длинной лапой, окликнула носителя зеленой ленты. Вопль извещал о выигранной схватке во внутренних помещениях, потому что следом наружу повалили остальные звероподобные воины. Нескольких двергов выволокли на стену еще живыми и упирающимся изо всех сил — и без лишних церемоний столкнули в пролом, на копья их же соплеменников.

* * *

Серая зверюга (Коннахар счел ее, вернее, его, предводителем отряда диковинных созданий, обличьем смахивающих на крупных дарфарских обезьян, а повадками — на воинов Дикой Сотни королевской гвардии Тарантийского замка) расхаживала по площадке, сильно горбясь и ворча себе под нос. Порой, обнаружив, что какое-либо из двергских тел все еще пытается шевелиться, существо задерживалось на мгновение — взмах двулезвийного копья приносил раненому быстрое избавление от дальнейших страданий. Воин подбирался все ближе к разбитой катапульте, и вид его окровавленного оружия вызывал у Конни неприятное нытье под ложечкой.

«Позвать на помощь? Или лучше промолчать? — старания принца выбраться из-под неподъемной туши убитого дверга закончились ничем. — Кто знает, что взбредет в голову этим тварям... А, все едино! Не лежать же тут пластом до скончания века!»

— Аргх! Вот ты где! — массивная башка резко повернулась, уловив судорожные трепыхания придавленного человека. Голосина у зверообразного создания оказалась под стать внешности — словно рашпилем провели по сильно заржавленному куску железа, но слова звучали достаточно разборчиво и внятно. Тварь заковыляла по направлению к

наследнику аквилонского престола, ловко пробираясь между обломками. — Харр! Что я вижу? Кажется, тут что-то живое! Эй, парень, вылезай из-под своей бородатой подружки — видишь, она тебя больше не хочет!

Покрытые шерстью воины встретили возглас своего командира дружным хохотом. Какого демона, подумал Коннахар, коему в этот миг было вовсе не до шуток. Тоже мне, весельчак сыскался!

- С радостью уступлю ее тебе! Вы с ней поладите! огрызнулся он, пытаясь хотя бы усесться. Твари заржали еще громче, а пуще всех, как ни странно, веселился воин с зеленой перевязью. Добравшись через завалы мертвых тел до принца, он протянул тому мускулистую руку или, что правильнее, лапу и легко, как морковку из земли, выдернул из-под мертвого дверга, восклицая:
- Ба! Да этот любитель дохлых грязекопов знает Наречие! Забавный парень! Пожалуй, я не убью его пусть веселит наших баб на постирушках! Ладно, шутки в сторону эй, олухи, славьте героя! Четверть терции он почти в одиночку удерживал стену, пока мы неслись сюда сломя голову! Зачем нас вообще звали, аргх? Ребята сами прекрасно справлялись!
- Четверть терции?! обескураженно переспросил Коннахар. Что такое «терция», принц не знал и спрашивать не решился, но подозревал, что речь идет о крайне малом промежутке времени. Как же так, ведь он был твердо убежден, что провел на стене под стрелами по меньшей мере колокол?.. Всего навсего?!
- А сколько? Седмицу? оглушительно захохотал серый воин, ободряюще треснув юношу промеж лопаток. Когда занят делом, время течет быстро!
 - Но я думал...
- Э, да он думал! Никогда больше так не делай, наставительно посоветовала зверюга, скаля длинные клыки цвета старого дерева в подобии широчайшей ухмылки. Очень вредное занятие! Один мой дружок тоже вот много думал наверно, хотел сделаться сиидха, аргх! Ну, и чем все закончилось? Между ушами завелись червяки, башка вспухла, и сам он стал очень скучный и совсем холодный. Перед тем его, правда, копьем насквозь пропороли, ну да это не в счет с кем не бывает!

Истинность познавательной истории удостоверили многочисленные кивки и смешки. С разных сторон на Коннахара с насмешливым любопытством уставилось пять или шесть пар блестящих глаз с узкими кошачьими зрачками.

- Думать мы, может, и не способные, зато соображать умеем, заключило существо уже более деловым тоном. Дружки твои где? Ну, которые палили из «Змеиной пасти» как у вас только силенок достало ее взвести?
- Т-там, заикнулся Конни, указывая на покривившийся балкон. Над ограждением опасливо высунулись головы сперва одна, затем к ней прибавились еще две.
- Снять! Волоките их сюда! рявкнул предводитель и вновь обернулся к принцу: Никто не ожидал от камнеедов такого проворства едва объявились, немедля всадили по нижнему бастиону. Да как точно попали, мерзавцы! Все, кто тут стоял, сразу полегли... бугристая физиономия с вывороченными черными ноздрями на миг скривилась. Хорошо еще, что это только их передовой отряд силу пробуют, харр... Вы как уцелели? В подвале отсиделись? Чего молчишь? Как звать, откуда родом, какого клана? Почему шляешься по стенам в бабьих тряпках и безоружным?

Под градом быстрых вопросов отпрыск аквилонской фамилии окончательно растерялся.

Митра Милосердный, угодили из огня да в полымя. Как поступить, что сказать? Назваться полным титулом, объяснить про магический портал и попросить помощи в возвращении домой?..

Внутренний голос подсказывал: упомяни он Аквилонию или Тарантию, местные обитатели глянут с недоумением и заявят: «Такие названия нам неведомы». Рассказу же про сумасбродного одноглазого магика и Проклятие Рабиров вовсе не поверят. Сочтут еще за демонов в человеческом обличье, да и прикончат всю компанию, чтобы не рисковать понапрасну...

- Hy? поторопило существо, раздраженно постукивая кончиком своего причудливого оружия по камням. Язык отсох или память отшибло?
- Меня зовут... собрался с духом Конни, но договорить не сумел. С верхней галереи, где обосновались лучники, долетел переливчатый свист и тревожный вопль:
 - Эй, Цурсог! Берегитесь!..
- Аргх?.. озадаченно рявкнула тварь по прозванию Цурсог, стремительно оборачиваясь всем телом.

Металлический лязг за стеной достиг своего пика, что-то душераздирающе взвыло, и камень под ногами содрогнулся так, что принц едва удержался на ногах. Затем еще раз. И еще — и стало ясно, отчего дверги столь спешно покинули стену.

Над порушенным гребнем плавно и торжественно вознеслась продолговатая голова размером с небольшой баркас, сплетенная из металлических полос и сверкающая под ярким солнцем. Голова покачивалась на гибкой, длинной шее, под которой торчали по меньшей мере две пары стальных шипастых лап, намертво вцепившихся в камень, и угадывалось огромное тулово, лепившееся снаружи к стене. Подобно паре многогранных стрекозиных глаз, два выпуклых колпака из стальной сетки выпирали над чудовищной башкой, и внутри этих колпаков Конни с изумлением различил пару двергов, занятых какой-то лихорадочной возней.

Со смотровой площадки спорхнул рой стрел, не причинивших гигантской многоножке видимого вреда.

Башка мотнулась вправо-влево и распахнула «пасть» — с громким лязгом откинулась круглая крышка, выставив наружу, как язык, закопченную медную трубку с раструбом на конце. Где-то в брюхе чудища родился утробный клекот и перешел в оглушительный свист.

— Харр! Саламандра пришла! — проорал Цурсог. Схватив оторопевшего Коннахара, как котенка, поперек туловища, он швырнул принца за массивный постамент катапульты и сам прыгнул следом — как оказалось, вовремя, потому, как в следующий миг у основания башни разверзлось жерло вулкана.

Поток жидкого пламени под напором рванулся из пасти металлического чудища. Ревущий факел, ярко-оранжевый по краям и ослепительно-белый в раскаленной сердцевине, мгновенно затопил часть стены, размером десять на десять шагов, пеплом развеял трупы, оказавшиеся на его пути и обуглил до черноты те, что лежали поодаль; уперся в гранитные блоки башни, хлынул внутрь по лестницам, по которым мгновением раньше скрылись собратья Цурсога, почуяв недоброе... Изнутри башни послышались вопли сгорающих заживо — даже рев огненной стихии не мог заглушить их полностью. Коннахар, которого вдавливала в гранит мощная туша Цурсога, ощутил яростный жар на своем лице, почувствовал, как потрескивают и скручиваются волосы на голове и вдохнул отвратительный сладковатый запах горящей плоти. Балкон! Балкон, где укрывались его друзья — полыхающий вихрь бился

как раз под ним, испепеляя все живое, расплавляя камень и заставляя железо течь, как воду...

— Лежать! — тяжеленная лапа пригвоздила безотчетно рванувшегося к башне аквилонского принца, впечатав его в изломанные плиты. Коннахар забарахтался, пытаясь вырваться и что-то невнятно выкрикивая. — Лежи, говорю! Если твоих приятелей успели согнать вниз, значит, им повезло... а ежели нет, то так тому и быть.

Осознав, что с Цурсогом ему не справиться, Конни затих. Клокочущая над его головой огненная буря внезапно иссякла, «саламандра» втянула смертоносный язык и грузно заворочала башкой, обозревая причиненные разрушения — в точности как поступило бы разумное существо. На самом деле осматривались, конечно, управляющие чудовищем карлики, выискивая уцелевших защитников цитадели.

Разгром на стене царил полнейший. Серый цоколь башни украсился угольно-черными разводами и огромной вмятиной с оплавленными краями. От балкона и большого арбалета на треноге не осталось даже следа, лишь несколько жалких головешек торчали из тела башни там, где прежде были толстые деревянные балки. Смотровая площадка уцелела, но вершину башни заволакивали клубы удушливого черного дыма, и было неясно, удалось стрелкам вовремя покинуть опасное место или же они погибли в огне.

- Проклятые пожиратели глины, заорал Цурсог, в ярости ударяя по станине катапульты, они превратили нашу победу в поражение! Огонь и железо, харр! Нечестная игра! Грязные ублюдки, вот они кто! Если саламандра развернет лестницы, бастион потерян!
 - Какие лестницы? пискнул Конни из-под руки защитника крепости.
- Те самые, которые эта железная дрянь таскает на спине! А мы даже не можем подойти к ней, харр! Пусть только они рискнут подняться на стену, я покажу им! Сгорю, но пару дюжин червяков прихвачу с собой, харр!
 - Цурсог, а чем стреляла катапульта?..
- Что?!.. Аргх! Ты умный! Я поглупел от злости! Не вздумай вставать, саламандра спалит тебя! Кого я буду тогда благодарить?

Зверовидный воин метнулся и исчез за станиной камнемета прежде, чем копошащиеся в сетчатых колпаках дверги заметили его прыжок, и Конни услышал стук, словно его мохнатый спаситель откинул крышку большого ящика. Голова металлической многоножки покачивалась, бдительно наблюдая за опустевшей стеной. Страшная медная трубка в пасти чудовища тоненько посвистывала, над раструбом бился маленький язычок голубого огня.

Один из двергов, управлявших диковинной осадной машиной, повернул какой-то рычаг, и на широкой плоской спине «саламандры» развернулись веревочные лестницы.

Цурсог длинным прыжком вылетел из своего укрытия. В лапах он сжимал стеклянно блестящий шар размером с крупный арбуз, оплетенный тонкой серебряной сеткой и заполненный чем-то искрящимся, розовым — совершенно не тяжелый с виду, однако уродливая физиономия Цурсога перекосилась от напряжения. Голова «саламандры» дернулась в его сторону. Послышался знакомый зловещий свист.

Воитель оказался быстрее.

— На, подавись! — гаркнул он, поднял над головой шар и с натугой метнул прямо в раззявленную «пасть».

Раздался звук, похожий на кашель великана, и морду металлического монстра охватило холодное фиолетовое пламя. Дверги, сидевшие в своих укрытиях, беззвучно завопили. Один откинул колпак и полетел вниз с высоты в тридцать локтей, второй бился в судорогах.

Стальные когти «саламандры», кроша камень, соскользнули с края стены, верхняя часть гибкого туловища запрокинулась далеко назад, раскачиваясь в воздухе, точь-в-точь повторяя агонию раздавленной сороконожки. Лиловый огонь брызнул из каждого металлического сустава, пробился между пластинами панциря — и жуткое боевое творение подгорных жителей осыпалось вниз, на головы атакующих, многих раздавив и еще больше спалив своим загадочным внутренним жаром. Столб дыма и пара взлетел едва не выше крепостной стены.

- ... Отходят, жмурясь от удовольствия, пробормотал Цурсог. Изрядно поредевший двергский отряд откатился на безопасное расстояние от непокорного бастиона, оставив бездыханными на поле боя едва не треть бойцов. Изредка арбалетчики нападающих выпускали по стене наудачу несколько стрел, но те уже не причиняли вреда. Славная победа, парень! Ахой радуйся, я вижу твоих друзей, живых и невредимых, и почтенного айенн сиидха с ними! Клянусь Темным Творением, их, должно быть, не берет огонь! Только что это они? Решили вдруг полежать, ноги не держат? Эй, ты тоже?..
- А... в-ва... теперь, когда самое страшное, похоже, было позади, Коннахара охватил запоздалый озноб да такой, что колени у него подкосились, и юноша сполз по горячей, вымазанной копотью стене. Чт-чт... что это было... живое?..
- Аргх! Цурсог с отвращением сплюнул. Только что был умный, стал глупый. Даже грязекопам хватит ума не связываться с живой саламандрой. Собранная, построенная какая разница? Грязная дрянь, и порождение грязных тварей! Сколько раз увижу недомерка столько раз убью, харр! Как, ты сказал, тебя звать?
 - Коннахар, выдавил принц. Из клана Канах.
- Я Цурсог Мохнатое Копье, горделиво представился новый знакомец. Клан Канах? Не помню такого. Какие цвета?.. А, неважно. Мы еще поговорим, позже. Аргх! Ты и твои друзья сражались почти как воины. Я запомню вашу отвагу.
- Спасибо, что спасли нас, Конни сделал попытку встать, и ему это удалось, хотя и не сразу. Всех вместе... и меня в отдельности. Я твой должник, почтенный... э-э... Цурсог.
- Вождь, беда, подошедший воин в продранной, обгорелой кольчуге говорил тихо, склонив косматую голову. Обжора, Длинноногий, Ругу и Шептун сгорели в колдовском огне. Следопыт и Черные Пальцы при смерти. Много раненых. Ты нужен.
- Я услышал тебя, Хазред, и я приду, снова Коннахар заметил, как бугристое лицо странного воина передернулось короткой судорогой. На закате мы устроим большой пир все они были славными бойцами, нельзя, чтобы воин уходил за Грань в печали! Раненых отнесите к лекарям. Сиидха не пострадали?
- Сиидха убить непросто, пожал плечами Хазред. Сиидха пройдет над пропастью по шелковой нитке, поймает стрелу в воздухе и сумеет укрыться на голом камне. Но они удивлены и напуганы. Прежде им не доводилось такого видеть.
- Харр! Мне тоже. Хазред! Возьми мальчишек и странного сиидха, который с ними. Сперва к лекарям. Потом... Потом отведи в арсенал, к Мизрою, пусть приставит их к какому-нибудь занятию. Я должен потолковать с ними, но не сегодня. Все, проваливайте!

Вместо положенной обиды — как же так, вместо заслуженного признания его прогоняют со стены, отсылая в какой-то арсенал! — Коннахар испытал небывалое облегчение. Хазред, отсалютовав командиру, потащил молодого человека за собой, прочь от ставшей местом побоища башни. Шагов через полсотни что-то надоумило Кони посмотреть налево. Из груди юноши вырвался сдавленный писк, и он окаменел, не завершив шага.

Провожатый зло рыкнул, но даже это не заставило наследника аквилонского престола сдвинуться с места.

Громада башни больше не загораживала крепость. Теперь Конни увидел ее почти целиком — три ряда неприступных бастионов, уступами окруживших устремленную к небесам вершину пологой горы, правильные квадраты аккуратных построек выше по склону и три потрясающе красивых серебряных шпиля в самом сердце твердыни. Башня, которую они с таким рвением обороняли и которую полагали донжоном крупной крепости, располагалась в самой нижней цепи укреплений, служа всего лишь чем-то вроде надвратного барбикена, — а вдоль стены, уходившей за склон горы, громоздились еще десятки подобных сооружений...

— Где я? — потрясенно пробормотал Коннахар, ощущая, как земля в очередной раз норовит ускользнуть из-под ног. — Где мы?

Пыльное облако на уходящей за горизонт дороге быстро приближалось.

Глава вторая

Где светом стала тьма

21—27 дни месяца Тагорн

Слухи о грядущих переговорах разгуливали по крепости уже два или три дня, окончательно подтвердившись только нынешним вечером. Одной из первых о явившихся с равнины парламентерах прознала госпожа Гельвика, имевшая знакомых в Серебряных Башнях. Новость показалась ей настолько животрепещущей, что предводительница стрелков лично явилась в тренировочный зал — известить заклятого приятеля Цурсога.

Вожак йюрч и его сородичи выслушали ее без особого восторга. Таковы уж были их природа и характер, что сражения и войны казались им куда привлекательнее мирной жизни. К тому же они свято полагали единственной достойной смертью для йюрч кончину в битве, отголоски которой прогремят сквозь века. Осада Цитадели показалась им настолько подходящим времяпровождением, что, как язвительно уверяла Гельвика, ради участия в обороне они примчались аж с другого конца света. В ответ Цурсог начинал дотошно перечислять обиды и поношения, нанесенные его народу всеми иными племенами, начиная со случившегося едва ли не на заре времен покорения Эвериандского архипелага и заканчивая недавним побоищем воинства йюрч с двергами подле какой-то горы Сембердал. Битву эту йюрч, кстати, проиграли.

Вывод из сказанного делался простой и незамысловатый: вздуть всех обидчиков, без различия на правых и виноватых! Начать, по мнению зверовидного воителя, стоило с тех мерзавцев, что топчутся Под стенами. Выведенная из себя Гельвика начинала спорить, довольный Цурсог хохотал, словесный поединок переходил в оружный... и тогда все, оказавшиеся поблизости, сбегались посмотреть, на удивительное зрелище: приземистый длиннорукий йюрч со своим двулезвийным копьем — и высокая лучница, не расстававшаяся

с парой тонких стилетов, чьи изогнутые рукояти превращались в дополнительные лезвия. Завершались сражения одинаково: после изрядной беготни, азартных воплей и звона стали Цурсог провозглашал, мол, он готов сдаться прекрасной сиидха прямо здесь и сейчас. Госпожа Гельвика краснела и вылетала за двери, клянясь, что придет сюда вновь только под угрозой смерти, а йюрч долго и красочно причитал над своим разбитым сердцем.

Увидев это представление впервые, Конни едва не принял его всерьез. Потом ему растолковали, насколько он заблуждается — однако за последнюю седмицу наследник аквилонской династии выслушал такое количество всяческих разъяснений, что устало удивлялся лишь одному: как он и его приятели сохранили здравость рассудка. Наверное, помогла неугомонность молодости и память о деяниях старшего поколения, умудрявшегося встревать в передряги куда похлеще.

Нет, поправил сам себя Коннахар, на долю наших родителей столь странного испытания не выпадало. Конечно, его бесшабашный отец в молодые годы умудрился по случайности возродить к жизни алтарь, мгновенно перемещающий человека на огромные расстояния, и оказаться в пределах таинственной страны, лежащей за Кхитаем и Вендией. Однако Конан Канах вкупе с приятелем сумели уцелеть и благополучно вернуться назад. Удачно завершилось и его путешествие через Врата Мира, когда отряд охотников на чудовиш преследовал диковинную хищную тварь, менявшую облики и жившую охотой на людей. Тогда речь шла о преодолении больших пространств или визите в сферу иного мира, но никто, никто не заикался о том, чтобы четверо ни в чем не повинных молодых людей внезапно очутились в совершенно ином времени!

И нет бы колдовские двери вышвырнули их куда-нибудь поблизости, хотя бы лет сто или двести назад! Портал, сотворенный Хасти Одноглазым — коего Конни сгоряча поклялся незамедлительно и жестоко прикончить, буде удастся встретиться вновь, — проявил небывалое коварство, отправив доставшуюся ему добычу не куда-нибудь, а именно в тот самый временной отрезок, коим себе на беду интересовался наследник Трона Льва!

Теперь он находился в месте, о котором столько читал в разрозненных летописях, чудом переживших бурную историю юности и взросления Хайбории, и мог воочию полюбоваться на участников вершившихся в незапамятные времена событий. Радости от этого он не испытывал ровным счетом никакой.

Коннахар и трое его спутников угодили в ряды защитников Астахэнны, Черной Твердыни, владения легендарного и полузабытого ныне Ночного Всадника. На деле крепость по большей части оказалась серой и черепично-красной, лишь два внешних пояса стен с многочисленными равелинами и впрямь были сложены из громадных полированных блоков темно-синего, почти черного местного гранита. Говоря по справедливости, ей следовало бы присвоить имя Разноцветной — три кольца бастионов делились на семь участков, соответствующих цветам радуги и тем магическим камням, носители которых руководили обороной и оказывали колдовскую поддержку защитникам укреплений.

Участок, на котором приятелям довелось принять боевое крещение, находился под покровительством Изумруда, и потому в отличительных символах обороняющихся непременно присутствовал зеленый цвет — в перевязи Цурсога и перьях на шлемах его соотечественников, в амуниции стрелков госпожи Гельвики, в маленьких значках, выдаваемых воинам на бастионах. Один такой достался и принцу никому не известной здесь Аквилонии — щиток в форме восьмиконечной звезды, в центре которой горел зеленый камешек. Слева располагались владения Желтых, подчинявшихся носителю Топаза, справа

заправлял делами хозяин Аквамарина. На нижний ряд укреплений, где разворачивались нынешние боевые действия, носители Кристаллов заглядывали редко — волшебство творилось наверху, в замке Серебряных Вершин, где обретался сам ужасный и грозный Владыка Цитадели.

На встречу с сей примечательной личностью Конни не рассчитывал, хотя его уверяли, что такое возможно: Его магичность имеет обыкновение наведываться на бастионы, а в Цитадели иногда проводится нечто вроде всеобщих собраний — для награждения отличившихся, изложения последних новостей или принятия решений, требующих одобрения или неодобрения защитников крепости. Таковых обитателей набиралось довольно много, не меньше полусотни тысяч. Треть из них была собственно воинами, занявшими первый и второй ярус укреплений, в число остальных входили исконные жители Цитадели и прилегающих окрестностей, магики, обитатели Вершины и те, кто трудился для поддержания боеспособности собравшейся армии.

В крепости соседствовали разные племена. Уже знакомые воители-йюрч; те, кого Цурсог уважительно именовал «айенн сиидха», что в переводе на здешнее общепринятое наречие означало «Старшая Кровь» или «Пришедшие Первыми», а Конни и его приятели отнесли к числу исчезнувших ныне в землях Хайбории альбов. Между собой сиидха делились на разветвленные колена и семьи, крайне ревностно сохраняя традиции и сложные фамильные имена. Ту же госпожу Гельвику на самом деле звали куда длиннее и путанее, принц сумел запомнить только часть ее прозвания. То ли дело Льоу, который, представляясь, на едином дыхании вывалил длиннющий перечень своей родни сперва со стороны матери, затем со стороны отца, отчего в скором времени был принят сиидха, если не за равного, то за отдаленного соплеменника. Единению весьма способствовало то обстоятельство, что уже на второй день темриец раздобыл себе новую арфу взамен оставшейся в Рунеле и обзавелся поклонницами среди лучниц отряда Гельвики.

Отыскались среди державших оборону и люди. К удивлению и разочарованию новоприбывших, здесь они смахивали на дальних родичей йюрч, коими шумно восторгались и отчаянно старались им подражать. Как и полагается людям на заре времен, они были отважны, но дики, грязны и неотесанны, и от них Коннахар сотоварищи, опасаясь разоблачения, решили держаться подальше. Наскоро состряпанная Лиессином и Конни байка о «сыне вождя из далекой страны», отправившемся вместе с друзьями и наставником-сиидха защищать Цитадель, зияла прорехами и не выдержала бы мало-мальского испытания.

Выслушав сбивчивое повествование, Цурсог немедля осведомился, в каком ремесле почтенный сиидха наставляет смертных детишек, не в искусстве ли гоняться за любой проходящей мимо юбкой? И знают ли отцы ребятишек о том, чем занимаются их сыновья?

— Наши отцы — великие воины. Они будут счастливы узнать, что мы служим в Цитадели Всадника, — с важным видом изрек Эвье, прежде чем Конни успел его остановить. Вожак йюрч зареготал. Он обозвал компанию «кучкой бестолковых сопляков» и поинтересовался: много ли заплатят «великие воины» за возвращение потомков, причем живых и относительно целехоньких? Принц окаменел, мысленно кляня приятеля, но Цурсог, отсмеявшись, рассудил, что происхождение мальчишек не имеет значения. Раз пришли и достойно проявили себя в первый же день осады, стало быть, оставаться вам тут до поры, когда защитники Цитадели одержат победу. В последнем йюрч не сомневались, споря по единственному поводу: сколько продлится осада, пару седмиц или больше?

Распоряжавшийся в огромном арсенале Зеленых бастионов Мизрой, под начало коего

для начала определили трех подростков и молодого сиидха, также относился к племени йюрч. Он был гораздо старше и умудреннее Цурсога Мохнатое Копье, много лет провел среди сиидха, оттого обладал куда более правильной речью и любил поболтать, не отвлекаясь, впрочем, от дела. В лице Коннахара, Эвье и Льоу он обрел благодарных слушателей.

— Оно конечно, крепость забита припасами по самые крыши, голодать не будем. Однако и те трое, что суетятся внизу, за здорово живешь отсюда не уберутся, — не раз повторял он, следя, как приданные ему новые подчиненные старательно оперяют древки для стрел. — Если они не возьмут Цитадель, то взъярятся нанятые ими дверги. Грязелюб, не получивший в срок обещанной платы — это, скажу я вам, хуже огнедышащего дракона.

Сравнение с драконом прозвучало весьма красноречиво, особенно для Коннахара, случайно увидевшего воочию одно из этих удивительных созданий, в его времени считавшихся давно сгинувшими либо вымышленными. Огромный, сказочно красивый крылатый змий в бронзово-черной чешуе лениво кружил над горами, высматривая что-то в лагерях противника, пока его не обстреляли градом мелких взрывающихся шаров и не вынудили вернуться к крепости. Завидев его, Коннахар вскочил, упустив недооперенную стрелу, а Эвье Коррент жадно спросил:

- А ваши... наши драконы они огнедышащие?
- Нет еще, ответил йюрч с явным сожалением. Маленькие они пока. Не доросли. Эй, третью стрелу портишь! Ну, чего рот разинул дракона не видал?!

Зверь опустился где-то в пределах замка, а Конни обнаружил, что и впрямь стоит с разинутым ртом и таращится в небо, хотя ни у кого другого явление диковинного существа особенного удивления не вызвало. В самом деле, что здесь удивительного? Дракон как дракон.

* * *

Благодаря Мизрою и его необычной для йюрч словоохотливости Конни удалось составить некоторое представление о раскладе сил вокруг Цитадели. По утверждению Мизроя, настойчивее других ядовитое варево в котле помешивал уже известный принцу по хроникам и легендам Исенна из рода Аллериксов, именуемый иногда прозвищем Феантари. Упоминание этого имени сопровождалось у йюрч неизменными плевком и знаком от сглаза, а прочие обитатели Цитадели за глаза величали Исенну «Безумцем». Конни почему-то считал, что Исенна руководил осадой Черной Крепости единолично, а оказалось, что под стены явилось аж трое альбийских вождей со своими подданными, не считая старшин двергского воинства, а также предводителей племен, о которых Коннахару не доводилось ни слышать, ни читать.

— Это все из-за Камней, — заявил хозяин арсенала в ответ на расспросы подростков касательно причин войны. До находившихся под защитой толстых стен арсенала подчиненных Мирзоя долетал только отдаленный гул схватки да еще порой содрогалась земля и начинали мелко дребезжать развешанные по стенам металлические щиты. — Из-за Радуги, будь она неладна! Упаси меня сболтнуть и даже подумать что скверное про Его магичность... только напрасно он затеял мастерить чародейские кристаллы, а потом

раздавать их направо и налево. Куда это годится? Неужто он всерьез решил, будто Исенна с остальными будут стоять и смотреть, как здесь обучают самой что ни на есть высшей магии кого ни попадя? Аллерикс, Корабельщик и Лесной Правитель сами держат по Великому Алмазу, — о чем идет речь, Коннахар не понял, но решил уточнить позже, дабы не сбивать рассказчика. — Олвин, по прозванию Мореход, из них самый разумный. Какими только посулами его сюда заманили и убедили дать корабли для перевозки — ума не приложу. Эрианн из Альвара — злыдня хитроумная, ни слова в простоте, в ратном поле его ни разу не видели, а ворожит, по слухам, лучше всего Радужного Круга, вместе взятого...

- А Исенна? спросил Конни, в задумчивости выслушав перечень достоинств и недостатков вожаков противника. Он каков?
- Исенна воин, и этим все сказано. Он спит и видит, как бы захватить Цитадель, переловить Круг и развесить на крепостных зубцах в назидание своим дружкам, буркнул Мизрой! Чего он вскорости и добьется, ежели мы будем сидеть да языками чесать впустую. Я тебе что велел делать? Поди-ка дротики в связках наново пересчитай, коли ты такой умный!..

Свой первый день в Цитадели принц Аквилонии и его спутники прожили, как во сне, твердя, что морок вот-вот развеется. Потом стало ясно, что немедленной помощи ожидать не стоит. Да и как ее оказать, эту помощь? Если Хасти, построивший портал, и сумеет как-то определить их местонахождение, вряд ли он тут же кинется им на выручку. Пересечь время наверняка не такая простая задача даже для очень могущественного волшебника...

- Будем ждать, что еще остается? рассудил Льоу. Бежать некуда, да и незачем, раз мы не знаем расположенных вокруг земель. Нас обязательно спасут, надо только набраться терпения и постараться выжить.
- Да, но крепость-то рано или поздно падет, желчно напомнил Коннахар, впавший в меланхолию, побуждавшую его видеть окружающий мир окрашенным только в черные тона. Мы же столько летописей прочитали, и везде говорится: Твердыня Всадника была побеждена и разгромлена, и канула затем в пучину огненную вместе со всеми, кто населял ее.
- При почтенном Цурсоге такого не ляпни, не то тут тебе и конец, вымученно хихикнул Эвье.
- Падет, не стал спорить Лиессин. Но мы же не знаем, когда это случится. Может, через две луны. Может, через год. Ты в силах предложить что-нибудь иное?
- Отправлюсь в Вершины, попрошу допустить меня к здешнему сюзерену и расскажу, какая горькая судьба его ожидает, раздраженно огрызнулся Коннахар.
- Лучше не стоит, помотал головой Майлдаф-младший. Сочтут за паникера и, чего доброго, повесят в назидание прочим... Вообще, мне было бы куда спокойнее, если бы ты не покидал этого сравнительно безопасного места. Все-таки я за тебя отвечаю перед твоим отцом... и перед своей совестью.
- Да неужели? съязвил наследник аквилонского трона. Что, прямо таки поручение от отца имеется? То есть ты при мне вроде как телохранитель вражьи стрелы перехватывать, меч за мной носить и все такое? Тогда, братец, сбегай-ка на кухню, принеси свежего эля твоему принцу грозит смерть от жажды...

Взаимное пикирование вкупе с предельным напряжением последних дней в конце концов вылилось в неуместную и неожиданную ссору. Лиессин неловко сострил, Коннахар ответил более резко, чем следовало — в итоге спустя пару дней компания как-то сама собой

распалась. Первым покинул арсенал Льоу, заявив, что ему смертно наскучило сидеть взаперти, возясь с приносимым для починки оружием. В отряд госпожи Гельвики, тех самых стрелков в лиловых одеяниях, считавшихся едва ли не лучшими во всей Крепости, его не взяли, но на бастионах без труда сыскалось место для того, кто неплохо владеет мечом и копьем и вдобавок обладает талантом сплетать слова в песню или захватывающий рассказ.

Затем отличился Эвье, из любознательности сунувшийся осматривать стреляющую махину, доставленную намедни из Серебряных Башен и еще не опробованную в бою. Случайно толкнув какой-то рычаг, Коррент привел орудие в действие, и оно выпалило беззвучным сгустком шафранного пламени. Сложенная из тесаных валунов стена украсилась идеально круглым отверстием размером с тележное колесо, после чего Мизрой в самых нелестных выражениях указал подопечному на дверь. Цурсог, отчего-то проникшийся к незадачливым мальчишкам подобием снисходительного сочувствия, устроил Эвье в отряд, помогавший обслуживать катапульты.

Ротан Юсдаль во всех этих беседах не участвовал — пропадал в лечебнице Изумрудного бастиона. Вдобавок к порванной гулями, еще на Рунеле, руке его угораздило оказаться слишком близко от палящего выдоха «саламандры». Кони навестил его, вызнав у целителей, что никакой опасности приятелю не угрожает, однако выпустят того не раньше чем спустя седмицу.

* * *

На обратном пути в опостылевший и опустевший арсенал Коннахар попался на глаза вожаку йюрч, деловито трусившему вдоль деревянной галереи.

- Вот ты-то мне и нужен! рявкнул Цурсог, но вместо ожидаемого Конни нагоняя за бездельное шатание деловито осведомился:
 - Старый Мизрой сказал, ты умник не хуже сиидха. Грамоте разумеешь, аргх?
 - Немного, опешил от неожиданности вопроса Коннахар.
- Тогда пошли, и серая зверюга в надраенном до матового блеска доспехе устремилась по лестницам и переходам. Торопившийся следом Конни встревожился, не погорячился ли, сказавшись грамотным. Ни он, ни его спутники до сих пор не могли взять в толк как они умудряются понимать обитателей крепости?

В Черной Цитадели не могли говорить на аквилонском или любом другом языке Хайбории по той простой причине, что этих наречий еще нет на свете! Однако, раз у вывалившихся из портала пришлецов не возникает затруднений при беседах с йюрч или сиидха, стало быть, они каким-то чудом постигли местную речь? Поразмыслив так и эдак, принц счел внезапное умение даром магического коридора, не оставившего свои жертвы безъязыкими. Вот только распространяется ли эта способность на владение письменными знаками?

Идти пришлось недалеко — до приземистого серого с оранжевым здания казарм, занятых подчиненными Цурсога. По углам дома лепились башенки, в одну из них вела скрипучая винтовая лестница. За полуприкрытой дверью обнаружилась *захламленная каморка*, посередине красовался изящной работы дубовый стол, заваленный горой

потрепанных свитков, разрозненных записей и толстенных фолиантов. Вдоль стен толкались узкие шкафы с горками намотанных на валики чертежей и планов.

— Да-а, запустили мы тут все... — подвижная уродливая морда Цурсога на миг приобрела извиняющееся выражение. Он поскреб длинной лапой в затылке, отчего шлем съехал ему на глаза, и пояснил: — Здесь Шептун хозяйничал, пока дверги его не спалили. Больше совсем никто не справится. Йюрч — не грамотеи, а воины, аргх! А в Вершинах недовольны. Им нужны... как это... отчеты, да! Рассказать могу, на пальцах показать, как было, тоже могу. Писать — не могу. Лучше безоружным против десятка камнеедов, аргх! И на поклон к Старшему Народу не пойду — насмешек не оберешься! Мол, Мохнатое Копье с рождения скудоумен, горазд только дохлым пожирателям грязи бороды кромсать...

Смысл прозвища вожака йюрч аквилонский принц уже знал. По ведомым ему одному причинам после любого сражения Цурсог непременно отхватывал у поверженных карликов одну-две пряди традиционно длинной бороды. Разлохмаченные космы увязывались в пучки и цеплялись на древко двулезвийного копья. Соратники Цурсога уверяли, якобы тот дал клятву набить двергскими бородами подушку и отправить в дар повелителю карликов Зокарру по прозвищу Два Топора. Впрочем, возможно, насмешки были тут ни при чем, а клятва и впрямь имела место — с Цурсога бы сталось.

- Садись давай, юношу подтолкнули к торчащему из-под стола табурету с плавно изогнутыми ножками. Бери перо, пиши. Посмотрим, ладно ли выйдет.
- Что именно писать? Коннахар отыскал помятый, но чистый лист. Заодно выяснилось, что содержимое чернильницы почти высохло, а перья очиняли не иначе как секирой.
- Про «саламандру» эту поганую! тоскливый вопль Цурсога вырвался из самых глубин души воина-йюрч. Как она выглядела, аргх, как на стену влезла, как огнем плевалась! Да поподробней! Сможешь, нет?

Пожав плечами, Конни присел к столу. К несказанному удивлению молодого человека, из под его пера бойко заструились свивающиеся причудливым орнаментом знаки, иногда перемежаемые угловатыми рунами наподобие нордхеймских.

Над плечом уважительно сопел Мохнатое Копье, чьи глубоко посаженные оранжевые глазки прямо-таки пожирали рождавшиеся строчки. Читать йюрч, похоже, умел, но, подобно некоторым знакомцам Конни, испытывал сугубое отвращение к возне с бумагами.

- Наверное, ты все-таки сиидха, заключил воитель, когда на листе возникло красочное описание нападения железной многоножки и ее бесславной гибели, только какой-то неправильный. Теперь слушай. Я решил. Будешь вместо Шептуна. Дам в помощь Норзо Трехпалого, разбери тут все. Найди лист, где нарисована Цитадель. Как оно... Ну, всякие места арсенал, склады, казармы... и как добраться...
 - План, кивнул Коннахар, начиная понимать, что за службу сыскал ему Цурсог.
- План, точно! Так вот ты отыщи этот план и запомни как следует, чтобы не *плутать и бегать* быстро. Еще будешь составлять послания для Вершин, навроде этого, он постучал кривым пальцем по пергаментному листу. Понял, аргх?

«Мои поздравления, ваше высочество. Ты признан достойным звания порученца и штабного писаря при отряде поросших шерстью варваров, — впервые за время, проведенное в Цитадели, Коннахар ощутил способность посмеяться над выходками судьбы. — Что ж, могло быть и хуже».

Безвылазное сидение в маленькой пропыленной башне длилось недолго. Уже на

следующий день юноше довелось изрядно помотаться по Изумрудному и Топазовому равелинам, наравне с другими посыльными разнося приказания и сообщения, ухитряясь при этом не попасть под случайную стрелу, огненное дыхание железной многоножки или летящий с небес комок невесомых белых нитей, с равной легкостью разъедающих гранит и живую плоть.

Едва Коннахар пришел в себя после головокружительной беготни, как командиру йюрч пришла мысль затащить наследника Аквилонии в огромный гулкий зал для воинских упражнений. Заправлял там сородич Цурсога по прозвищу Тегла Плешивый, но двери были открыты для всех желающих. Первое же занятие едва не свело Конни в могилу, зато вечером его поджидала приятная неожиданность — явились запропавшие невесть куда приятели, Майлдаф-младший и Эвье Коррент. Нелепую свару отныне и навсегда предали забвению, отметив примирение расправой над добытым Льоу кувшином с длинным горлышком. Темриец поделился своим открытием: оказывается, некие умельцы в Цитадели выделывали тот самый поразивший его воображение и вкус травник, коим свиту принца угощали в Рабирах! Способ приготовления напитка здесь в тайне не держали, и Лиессин немедля выспросил перечень необходимых «инградиенций» и процедуру их правильного смешения.

— Осталось только вернуться домой, и безбедная жизнь до конца дней тебе обеспечена. Возьмешь в долю Ариена, — мечтательно рассуждал Конни. — Он станет придумывать новые сорта, ты — вести торговлю. Или сопьетесь, или разбогатеете.

Изрядно пьяный темриец, икнув, заявил, что Делле высосет весь товар задолго до продажи, что он, Лиессин Майлдаф, в компаньонах не нуждается и вообще готов бросить пить — лишь бы вновь ступить на родную землю.

... Оборона горной твердыни шла пока что по заповеданным с незапамятных времен правилам: тянуть время, отбивать штурмы, изматывать противника и всячески вредить его замыслам.

Запоздавшее к началу осады воинство двергов и альбийские мечники, собравшись всей многотысячной силой, вновь попытались захватить многострадальный Изумрудный бастион, куда упиралась единственная ведущая к Цитадели дорога, но были отброшены с немалыми потерями. Перестроившись, упрямые карлики повторили попытку и едва не преуспели, использовав на сей раз дюжину огнедышащих рукотворных тварей, выжигающих вокруг себя все на тридцать шагов. Завладев башней и прилегающей стеной, подгорные обитатели с воем ринулись дальше. Остановила их только разразившаяся при ясном небе гроза с небывало крупными заостренными градинами, обладавшими способностью пробивать железные доспехи, и частая сеть лиловых молний, уничтоживших без остатка весь отряд «саламандр».

После этого отчаянного натиска нападавшие сочли, что Зеленый равелин им пока не по зубам, и перенесли тяжесть своих ударов правее. Йюрч, усиленные мечниками и стрелкамисиидха, совершили ночную вылазку, разнеся устроенный слишком близко к стене вражеский лагерь и обрушив подводимый под бастион подземный ход. Принц Аквилонии оказался в числе участников лихой атаки — как утверждал Цурсог, летописцу необходимо видеть все своими глазами. Здравое возражение Конни, что летописец может и не пережить столь выдающееся событие, вожак йюрч пропустил мимо ушей.

Налет прошел под яростный рев двергов, с крушением и поджогом палаток, и запомнился Коннахару чередой непрерывных стычек. Йюрч утащили с собой с десяток пленников, и казарма до утра содрогалась от раскатов бодрого хохота зверообразных воителей. Чувство юмора у подчиненных Цурсога оказалось еще то. Изловленных двергов

обрили наголо, нарядили в выпрошенные у работавших в кухнях женщин-людей поношенные платья, сковали по двое и на веревках спустили обратно за стену. Половина защитников Изумрудного и соседнего Топазового бастионов сбежалась полюбоваться, как исходящие проклятиями карлики, подобрав волочащиеся подолы, под свист и улюлюканье ковыляют вниз по склону. Бывшему в числе зрителей аквилонскому принцу подумалось, что его отец одобрил бы такой способ унизить врага... да и с йюрч Конан Канах наверняка очень быстро нашел бы общий язык. Интересно, дошла ли до Льва Аквилонии весть об исчезновении наследника? И предпринимает ли Хасти Одноглазый хоть что-нибудь для спасения канувших в магических вратах четверых бедолаг?

... Днем царило настороженное затишье, нарушаемое разве что попытками магов той и другой стороны нашупать уязвимое место в обороне противника. А ближе к вечеру, если верить осведомителям госпожи Гельвики, в Серебряные Башни явились посланники — договариваться о месте и времени грядущих переговоров.

Прежде чем вернуться в казармы и немного вздремнуть, Конни поднялся на крепостную стену. Дозорные окликнули его, признав и сообщив, что пока все спокойно. Оглянувшись, юноша увидел шпили Цитадели, мерцавшие неяркими переливами голубого и палевого цветов, иногда наливаясь молочной желтизной.

Под стенами, соперничая с сумеречным небом, раскинулось созвездие костров, воспламенившее равнину и склоны окрестных возвышенностей. Доносился постоянный немолкнущий гул, словно от обрывающегося со скалы огромного водопада, огоньки перемещались туда-сюда, вспыхивая и угасая. Порой в темноте рассыпался трепещущий фонтан сумрачно-багрового пламени, сопровождаемый низким булькающим воем — дверги мастерили или проверяли очередную «саламандру».

Очень хотелось отыскать средоточие вражеской армии, шатры ее предводителей, но Коннахар совершенно не представлял, где таковые могут располагаться. Из записей, найденных им среди пергаментного развала на столе в башенке, и из замечаний окружающих следовало, что гигантская армия, окружившая Полуночную Твердыню, насчитывает около семидесяти тысяч воинов, не считая всяческих диковинных существ и колдовских созданий. К примеру, над одной из отдаленных вершин денно и нощно колыхался смерч призрачно-зеленого тумана, о котором никто не мог в точности сказать, что это такое.

«Знать бы, чем они сейчас там заняты? — рассеянно подумал Конни. — Наверняка ктонибудь точно также смотрит на стены и гадает: что-то случится завтра?»

* * *

— ... Завтра в полдень он будет здесь. Ты был прав, Эрианн.

Говоривший стоял у входа в большой шатер, и, прежде чем задернуть тяжелый полог, выглянул наружу, бросить напоследок взгляд на высокомерную в своей неприступности крепость. Отсюда, со склона отдаленного холма, она казалась сгустком непроглядной тьмы, *пронизанной* редкими вспышками. Мрак клубился у подножия трех светло рдеющих башен, устремленных в ночное небо, но упавшая ткань отгородила удручающую картину от обитателей шатра. Внутри стало тихо и уютно, словно и не громыхал вокруг бессонный

армейский лагерь. Выдержанная в темно-бирюзовых, карминных и золотистых тонах обстановка больше напоминала залу для приема гостей в небольшом замке, чем временное жилище предводителя огромного воинства.

- Все точно, как ты и говорил, Хитроумный, продолжал альб. Очень рослый даже для своего племени, он к тому же был чрезвычайно широк в плечах, а голос его, низкий и хриплый в отличие от музыкальных голосов большинства соплеменников, походил на львиный рык. Когда от порога шатра альб шагнул в круг света от качающихся под шелковым потолком светильников, ярко сверкнула его великолепная золотая кольчуга и широкий наборный пояс, усыпанный крупными алыми рубинами, однако лицо по-прежнему скрывала тень. Он мог бы высмеять наши предложения и отправить посла восвояси, однако согласился прибыть для переговоров, притом не через посредников, а собственной персоной, как мы и просили. Возможно, он прихватит с собой малую свиту и кого-то из ближайших сподвижников. Теперь нужно решить, что делать с этой нежданно свалившейся прямо в руки удачей.
- Не ожидал, что он настолько наивен, усмехнулся расположившийся за столом сереброволосый красавчик, вертевший в пальцах очинённое перо. Этот доспеха не носил, обходясь вышитым изумрудным дублетом, поверх которого лежала витая серебряная цепь с зеркальным медальоном. Усмешка вышла тонкой и опасной, как лезвие ножа. Хотя конечно, сие отнюдь не наивность, но своеобразное понимание долга. Наш противник готов сунуть собственную голову в пасть зверя, зная, что эту голову могут откусить, только бы не лилась более кровь столь милых его сердцу йюрч и тех наших родичей-отступников, что предпочли темную сторону Силы. Он не может не видеть всю двусмысленность ситуации, но, тем не менее...
 - О чем ты, во имя Света? раздраженно рыкнул гигант в золотой кольчуге.
- О сложившемся положении, терпеливо повторил сереброволосый. Для нас возможны два образа действий: штурм либо длительная осада. Конечно, если навалиться всем скопом и не считать потери, то скорее всего, мы возьмем таки Цитадель. Только победа станет горше поражения. Положим самое малое три четверти войска, и хорошо, если не больше. А в осаде Всадник может сидеть сколь угодно долго. Цитадель огромна, припасы почти неисчерпаемы, их свозили в закрома едва не год, если мои лазутчики не врут. Чистая вода поступает из подземных озер. Наши же восемьдесят тысяч мечей вскоре обожрут поля на сто лиг вокруг, и начнется голод. Фуражиры беспокоятся уже сейчас. Поэтому, как я говорил, предстоящие переговоры важнее нам, чем хозяину Вершин.
 - У нас есть Благие Алмазы, напомнил великан. Их мощь невероятна...
- ... и бесполезна, пока Цитадель защищает Радужная Цепь вкупе с умениями самого Всадника. В точности проповедуемое его учениками равновесие: мы не можем захватить крепость, они не в состоянии отбросить нас от своих стен. В таком случае любой перевес неважно, каким путем мы его добьемся будет решающим.
- Как понимать твои слова, Эрианн? вступил в беседу третий участник, доселе молча восседавший на одном из покрытых коврами сундуков вдоль стен шатра. Заговорив, он слегка подался вперед, неяркие блики заиграли на необычной, похожей на рыбью чешую кольчуги и прямых волосах оттенка темной бронзы. Какой перевес ты имеешь в виду, говоря о предстоящем посольстве? Всадник придет, дабы обсудить условия перемирия, и мы будем говорить с ним на равных, разве нет?
 - О, конечно, усмехнулся Эрианн, прозванный Хитроумным. Вначале.

- Мой разум, должно быть, недостаточно быстр, медленно произнес воитель в чешуйчатой кольчуге. Твоя мысль скользит, подобно змее в камнях, я не поспеваю за ней. Может быть, у тебя, Эрианн, или у бесстрашного Исенны есть в запасе нечто, о чем вы не сочли нужным известить меня, и эта тайная сила позволит нам взять верх над Черной Цитаделью? Тогда, возможно, настало время и мне приобщиться к вашему секрету?
- Тайная сила! фыркнул Исенна. Конечно, у нас есть тайная сила, о, мой благородный и велеречивый Олвин! Довольно иносказаний, Эрианн. Объясни прямо наш замысел.

Альб в изумрудном дублете произнес краткую речь. Олвин слушал не перебивая, попеременно то краснея, то покрываясь восковой бледностью. Он помолчал еще немного и после того, как Эрианн закончил, и лишь спустя некоторое время раздался его негромкий, но полный холодной ярости голос.

- Что ж, твое объяснение оказалось вполне исчерпывающим, Отец Хитрости. Благодарю тебя, ибо теперь я, наконец, прозрел. Творец свидетель, я предпочел бы оставаться слепцом! Впрочем, я подозревал и прежде, но вспоминал нерушимые клятвы, данные вами обоими, и гнал скверну прочь из своих мыслей. Как хотел бы я надеяться, что подозрения мои не более чем плод моей фантазии или дурной сон, но ты не оставил мне такой надежды!
- Помолчите, вы оба! прикрикнул Олвин в гневе, видя, что Эрианн намеревается возразить, а рука Исенны легла на рукоять меча. Довольно я слушал вас, теперь послушайте и вы меня. Когда чуть более года тому мы вот так же сидели втроем, ваш рассказ преисполнил мое сердце праведным негодованием. Ты был так красноречив, Эрианн, повествуя о гнусной волшбе, творящейся в Черной Цитадели! О кровавых трибах, приносимых на алтарь Темного Бога! Ты говорил о целых народах, угнетаемых Всадником, о племенах мерзких чудовищ, чей облик оскверняет дневной свет, и о наших сородичах, коих Хозяин Цитадели соблазнил и растлил темной стороной Силы. Уверял, якобы в мастерстве своем он обратился к силам из Безвременья, от которых зависит с каждым днем все больше, и если не остановить его вовремя, то мир будет ввергнут в пучину бедствий.

А ты, отважный Исенна? Как искренне ты подтверждал каждое слово Хитроумного! Как убедительно доказывал, что Всадник хочет одного — власти над миром сущим, дабы бесчинствовать в нем по своему разумению и населить его существами, порожденными его темным колдовством. Что Благие Алмазы, средоточие нашей нынешней мощи, он отдал нам с одной лишь целью — развратить наш разум и дух мнимым благополучием, дабы затем поработить! Ты называл Семь Радужных Кристаллов цепью, что скует нас по рукам и ногам, и требовал немедленно снарядить войско в поход, дабы вырвать у змеи ее ядовитые зубы.

Я поверил. Дал вам войско. Дал корабли. Сам отправился с вами.

Но вот мы под стенами Твердыни Зла, как ты ее называл, Эрианн, и я не вижу угнетенных народов. Не вижу отвратительных чудищ — кроме тех, что мы притащили с собой, ничего не слышал о колдовских ритуалах. Я видел только плодородные нивы, вытоптанные нашими мечниками, тучные стада, которые угоняют наши фуражиры, чтоб прокормить воинов, богатые дома, забавы ради сожженные нашими подгорными союзниками для пристрелки катапульт! Видел крепости, сопротивлявшиеся до последнего бойца, и города, жители которых отчего-то не спешили встречать нас цветами! Но вы заверяли, что все это — обман, что можно быть рабом и не сознавать этого, жить под Тенью и не замечать ее. Вы клялись священной тройной клятвой древа, воды и ветра в том, что

средоточие Зла находится в Долине Вулканов, и мы близки к окончательному очищению! И я снова верил, потому что помнил как вы клялись. И потому, что поклялся сам.

Разве не так все было, Эрианн? Исенна? Скажите, разве было иначе?

— Воистину так, — с сокрушенным видом подтвердил обладатель серебряной шевелюры, Эрианн Ладрейн из Альвара, коего частенько называли Отцом Хитрости, — так, но...

Он развел руками.

Исенна отмолчался.

- Наконец я вижу, что тот, кого вы именовали Владыкой Тьмы и Темным Всадником, готов пожертвовать собой для того, чтобы прекратить бессмысленную бойню, звенящим голосом продолжал Олвин, на скулах которого горел лихорадочный румянец. А те, с кем я делил кров и хлеб, готовы нарушить извечные законы благородства, презрев неприкосновенность посланников! Забить в колодки тех, кто явится с предложением мира, и торговаться с противником головами заложников. И это после того, как вы сами предложили встретиться для переговоров! Вы и теперь будете твердить: "Это ради того, чтобы пресечь Зло в мире сущем?!"
- Теперь я вижу, что неверно объяснил тебе суть наших действий, Мореход, смущенно кашлянув, произнес Эрианн Ладрейн. Повторюсь: да, мы намерены схватить Черного Роту, буде он явится для беседы с нами, и удерживать в качестве заложника, равно как и его свиту, но только лишь в том случае, если он откажется принять наши условия. А условия таковы: Семь Радужных Камней безусловно передаются нам, наши Владеющие Силой допускаются во все уголки Цитадели, дабы мы убедились, что волшба Всадника не содержит Зла либо же, наоборот, исполнена оного... Ну и, поскольку наши подгорные союзники, разумеется, потребуют оплаты, таковая должна быть предоставлена им незамедлительно в том виде, в каком они пожелают золотом, землями или секретами мастерства. После этого наш поход окончен.

Взгляд Морехода потяжелел, в то время как плечи поникли, словно не выдержав груза кольчужного доспеха. Под этим взглядом смутился и отвернулся даже Исенна, чье лицо, с благородными, хотя и крупноватыми чертами, устрашало своей каменной, неестественной неподвижностью.

- Дабы убедиться, что волшба Всадника не содержит зла... *тихо повторил* Олвин. Так вы лгали мне, лгали все это время, у вас не было ничего, кроме собственных домыслов... И что же вы сделаете, если она действительно его не содержит? Воскресите мертвецов? Принесете свои извинения Всаднику? Неужели даже теперь ты не можешь не лгать, Отец Обмана, даже видя, как нелепа твоя ложь?
- Довольно! взревел гигант в золоте и рубинах, сжимая тяжелые кулаки. Нет сил, более слушать эту прекраснодушную болтовню. Пора сказать все начистоту. Проклятье, Олвин! Да, мне нужны Кристаллы Радуги, мне и Эрианну, нам нужна Власть, которой не нужно будет делиться с кем-то еще. Я не могу спать спокойно, зная, что это темное отродье владеет Силой, превосходящей мою собственную! Я не знаю, замышляет он там что-нибудь или нет, но если замышляет, я должен ударить первым. Таков уж я есть, и другим мне не стать. И да, мне нужны были твои воины, а еще пуще твои корабли. Как бы иначе мы получили все это, не догадайся Эрианн сыграть на твоем благородстве? Нам пришлось схитрить, но, Олвин, это ведь ложь во благо! Что там еще тебя смутило? Поля? Стада? Сожженные деревни? Вырастет новая рожь, скот народится снова, что же до деревень, то

поверь, когда вся Сила будет в моих руках, на месте каждой разрушенной хижины я построю дворец, облицованный яшмой, с окнами из драгоценного смарагда! Мертвецы? Да, это война, здесь иногда убивают! Но игра стоит любых жертв, поверь мне! Ведь ты — носитель Жезла, как и я. Творец Единый, я предлагаю нам троим разделить власть над миром! Эрианн согласился, дело за тобой. Ну? Решай!

- А потом ты сочтешь, что делить власть на троих тебе уже не хочется, тусклым голосом проронил Корабел, не глядя на недавнего соратника. И не сможешь уснуть, потому что у кого-то будет сила, равная твоей. Конечно ведь ты во всем любишь быть первым... или единственным.
 - Древние боги, что ты несешь! Клянусь тройным единством, я...

Он не договорил — Олвин вскинулся, будто подброшенный пружиной, лязгнул мгновенно вылетевший из ножен меч Морехода. Нет, два меча запели слитно — воитель в золотой броне был не менее быстр.

- Поклянёшься еще раз, прошипел Олвин, и я забью эту клятву обратно в твою лживую глотку.
 - Попробуй, оскалился Исенна.

Несколько долгих мгновений альбийские вожди мерили друг друга яростными взглядами. Наконец Олвин вздрогнул, его лицо исказилось мучительной гримасой, и он с размаху отшвырнул клинок, глубоко вонзившийся в земляной пол.

— Я увожу свое войско теперь же, — процедил он. — Корабли доставят нас к Яблочным Островам. Никогда более нога воина моего племени не ступит на эту несчастную землю, и никогда более я не возьму в руки оружия. Пусть порукой тому будут не три начала, оскверненные вашими лживыми клятвами, но сама жизнь моя и свидетельство Небесного Творца, и сила Благого Алмаза. Пусть он испепелит меня немедля, если я решусь нарушить данный мной обет. На ваши же головы да падет проклятье.

С этими словами он сплюнул под ноги Эрианну и мимо застывшего с мечом наголо Исенны Аллерикса вышел вон, с треском откинув полог.

— Пусть проваливает, — буркнул Исенна, с явной неохотой убирая оружие в ножны. — Когда Цепь Радуги станет нашей, мы притащим его сюда вместе с Островами и кислыми яблочками. Я отдам приказ, чтобы дверги на передней линии приглядывали в оба — чего доброго, этот одержимый честностью недоумок кинется предупреждать Всадника о нашем маленьком сюрпризе.

Он канул следом в ночную темень, не поглядев на Эрианна, оставшегося сидеть в одиночестве.

Хитроумный, проводив его взглядом, сладко улыбнулся своей острой улыбкой — и зажмурился от удовольствия, точно объевшийся сметаны кот.

* * *

...Напутственное проклятие и громкий хлопок дверью? Жест, нехарактерный для Олвина. Какая жалость, что Исенна не навязал ему поединок. Однако теперь мы можем быть уверены — назад Корабел больше не вернется. Один долой.

— Как справедливо отметил наш прямолинейный и несколько несдержанный в словах предводитель, для обладателя Цепи Радуги океан, разделяющий Материк и Гленнлах, перестает быть серьезной преградой, — раздумчиво цедя слова, проговорил Эрианн, глядя поверх наполненного вином бокала на собеседника. После так внезапно оборвавшегося военного совета он вернулся в державшийся особняком лагерь собственного войска, в палатку, наполненную зелено-серебристыми оттенками, воскрешающими в памяти такой далекий Альвар, Лесное Обиталище, к единственному существу, которое почитал отчасти достойным своего доверия.

Впрочем, доверие Эрианна имело четко определенные границы. Он не обманывался касательно собственного наследника. Слишком уж быстро и легко впитывал тот отцовскую науку: как распустить нужный слух, посеять семена недоверия между друзьями, переманить к себе нужного союзника и самое главное — вовремя оставить его, если тот станет опасен или бесполезен. Бастиан Ладрейн, несмотря на свой юный для Живущего Вечно альба возраст, преуспевал в этих искусствах, обещая в будущем стать достойной подмогой отцу. Злопыхатели утверждали, будто Ладрейнам стоит подумать о смене фамильного герба — якобы вместо золотого древа им куда больше подойдет изображение ависфены, змеи о двух головах

- Однако Исенна желает видеть на месте нового владельца Радуги исключительно одного себя, Бастиан, удобно устроившийся на горке сложенных в углу шатра подушек и кутавшийся в пепельно-серые одеяния, пошевелился. Отпрыск Хитроумного походил на родителя не только складом характера и живостью ума, но и внешне оба тонкие, обманчиво хрупкие, с серебряной пряжей волос. Разве что глаза Эрианна имели переливчатый лазурный оттенок, а взгляд его сына был светло-фиолетовым, подернутым дымкой легкой мечтательности каковая на самом деле в Бастиане отсутствовала напрочь.
- Он может желать чего угодно, хоть луну с неба, хоть секретов Цитадели, поднесенных на золотом блюде, смешливо фыркнул хозяин Альвара. До тех пор, пока его желания совпадают с нашими. Боюсь, после сегодняшнего вечера в его голову накрепко западет брошенная Олвином незамысловатая идея: зачем делиться властью? Алмаз, дополненный сиянием Радуги довольно увесистая дубинка, чтобы пригрозить ею чрезмерно навязчивому сотоварищу... Но мы, конечно, не допустим ничего подобного. Исенна силен и отважен, как лев, он прирожденный воитель, однако поединок огромного льва и маленькой ядовитой змейки закончится, вернее всего, в пользу последней... Между прочим, куда запропал твой знакомец, склонный к невместному стяжательству? Давненько он к нам не наведывался.
- Скоро придет, Бастиан бросил взгляд на маленькую клепсидру в виде причудливого древесного ствола. Куда он денется... Если Исенна хоть краем уха прослышит о том, сколь удивительным образом его вернейший соратник распределял трофеи после захвата Тиллены и Драйжи, голова Ирваста продержится на плечах ровно столько времени, сколько Аллериксу потребуется, чтобы извлечь меч из ножен. Он это прекрасно понимает и знает, что я тоже это знаю. Он наш, отец, наш со всеми потрохами, я крепко держу его на крючке. Оттого он вскорости совершит для нас кое-что полезное, о чем Исенне знать совсем не обязательно.

Полог у входа в шатер слегка отодвинулся, всунулась голова бдевшего снаружи дозорного, почтительно известившего отца и сына Ладрейнов о приходе гостя. Эрианн махнул рукой, разрешая впустить позднего визитера, его отпрыск замер, превратившись в

серую неподвижную тень.

Вошедший отбросил капюшон темно-синего плаща, с явной неохотой склонив голову с увязанным на затылке пучком волос цвета расплавленного золота. Хозяин шатра небрежно качнул в сторону вошедшего полупустой чашей, залпом допив оставшееся вино. Сесть гостю не предложили, да он и сам, не дожидаясь расспросов, отрывисто произнес:

- Я говорил с вождями подгорного народа. Мне удалось убедить только Зокарра и Кельдина Грохота. Прочие слишком доверяют обещанию Аллерикса достойно вознаградить их после захвата Цитадели. Кельдин заявил, будто прочие дверги не станут встревать, если получат клятву в том, что все прежние договоренности с Исенной сохраняют былую силу. Этого довольно?
- Для начала да, мой драгоценнейший Ирваст, медово проворковал Эрианн. Но ты сам понимаешь: чего стоят обещания парочки двергских военачальников, когда речь заходит о том, чтобы призвать к ответу нашего разбушевавшегося предводителя? Ты еще наверняка не слышал, какую глупость он умудрился сотворить нынешним вечером? Одним махом лишил нашу армию трети воинства, повздорив с Олвином!
- В лагере Корабела царит сущая суматоха, я видел, когда шел сюда, покачал головой Ирваст. Стало быть, они уходят? Ну что ж, если так... Хорошо, я наведаюсь к двергам еще раз, хотя они с каждым разом увеличивают плату за свои услуги или за свое бездействие. Моя казна не бездонна, Высочайший Эрианн.
- Да неужели? прошелестело из затененного угла, и альб сразу замолчал, будто прикусив язык. Старший Ладрейн смотрел на него с понимающей и тонкой усмешкой, постукивая кончиками ногтей по краю серебряной чаши, пока Ирваст не выдержал, зло прошипев:
 - Будь по-вашему. Я расплачусь с ними еще раз.
- Вот и замечательно, как ни в чем не бывало кивнул повелитель Альвара. Не смею больше тебя задерживать. Кстати, прими добрый совет не показывайся сейчас на глаза своему господину. У него опять приступ скверного настроения, и ты вполне можешь стать его жертвой, если не поостережешься. Я был бы очень этим огорчен, поскольку рассчитывал после окончания войны увидеть тебя живым и невредимым в Лесном Краю. Ступай, любезнейший.
- Поразительно жадная тварь, укоризненно заметил Бастиан, когда дозорный затянул полог шатра за полуночным гостем. Восемь подвод золота и камней, взятых в сокровищнице Тиллены, укрыл в обозе, а Исенне напел, якобы защитники успели вывезти казну. Наш отважный воитель поверил, зато у меня всюду найдутся глаза и уши... Во имя Всеблагого, зачем ему столько?! Воистину, лишь две вещи безграничны в подлунном мире: благодать Творца и жадность неразумных творений Его...
- Помолчи и послушай, неожиданно резко оборвал наследника Хитроумный. Говорипь, держипь его на крючке? Возможно, однако не сковали еще такого крючка, с которого никогда не срывается рыба. Этот твой Ирваст ценная находка, но пренеприятное создание. Он, может, и жаден сверх меры, но умен, хитер и может от страха выкинуть какуюнибудь неожиданность. Пусть твои «глаза и уши», сын, ни на миг не выпускают его из виду. Не хватало еще, чтобы Аллерикс отвлекся от дорогой ему войны и обратил на нас совершенно излишнее внимание... Он сказал, Зокарр и Кельдин? Всего лишь два имени, пускай громких и весомых, из пяти двергских вождей. Мало, слишком мало... Придется тебе самому переговорить в ближайшее время с нашими союзниками и вызнать их помыслы.

Безупречные черты Бастиана скривились в гримасе подлинного отвращения.

- Идти в двергский лагерь? Какая мерзость! Я не могу, это выше моих сил, там грязи по колено, вонь как на скотобойне, недомерки вечно накачиваются каким-то прокисшим пойлом, а меня от него тошнит... Йюрч, и те ведут себе пристойнее!
- Не ной, Эрианн безжалостно отмахнулся от причитаний отпрыска. Подгорные карлики нужны нам позарез, так что будь добр вести себя с ними так любезно, будто они твои ближайшие сородичи. Прокисшее пойло, говоришь?.. Если дверги угостят тебя этим, как ты выразился, «пойлом», ты выпьешь кубок до дна, поблагодаришь, попросишь еще и упаси тебя Творец оскорбить их отказом. А вот когда у нас в руках окажутся Алмазы и Радуга, можешь завершить дело, начатое Праотцом Двергов, и обратить коротышек в прах, из коего они созданы.

Глава третья

Бремя выбора

28 день месяца Тагорн

Около полудня посольство Цитадели покинуло стены крепости, но Коннахар Канах упустил сей исторический момент, просто и незамысловато проспав. Виной всему стали недавняя беготня по бастионам и занятия в учебном зале, безжалостно свалившие наследника Аквилонии с ног.

До слуха Конни долетали смутные отголоски слаженного трубного рева и громких кличей, но проснулся он только после изрядного тычка под ребра.

- Подъем! Тревога! рявкнули прямо в ухо. Принц уселся на узкой неудобной койке, мотая тяжелой со сна головой. Оказалось, в отведенную ему каморку по соседству с архивом отряда йюрч ввалился Норзо Трехпалый, существо буйное и склонное к шумным выходкам. Помощи от него не было никакой, разве что перетаскивать ящики с пергаментами.
- Что не так? Опять куда-то бежать? простонал Конни, испытывая сильнейшее желание немедленно свести счеты с жизнью. Ему снилось, что Полуночная Цитадель всего лишь благополучно миновавший кошмар, но ухмыляющаяся морда Трехпалого бесцеремонно напоминала об истинном положении дел.
- Цурсог зовет тебя, и быстро, Норзо сделал вид, будто намерен перевернуть хлипкий топчан вместе с сидящим на нем человеком. Аргх! Тяжелый день. Большой Хозяин ушел за стену, никого не послушал. Теперь ждем или хорошо жить, или хорошо умирать. Нельзя спать, когда решается судьба!
- Переговоры уже начались?! вскочив, Коннахар заметался по комнатушке, торопливо одеваясь, влезая в кожаный доспех зелено-алого цвета и путаясь в ремнях. Когда?! Где?!
- Не знаю про переговоры, Трехпалый довольно фыркнул, глядя, как принц в очередной раз сослепу налетает на табурет. Большой Хозяин вышел через Стальные

Ворота, с ним одна малая полусотня, немного йюрч, немного сиидха, людей нет. А еще Олвин Мореход ушел. Шатры свернул, уходил быстро, обоз не брал. К Соленой Воде пошел, видно, насовсем.

- Интересно, почему? озадачился Конни. В летописях ни о чем подобном не упоминалось, впрочем, летописи и без того не слишком точно отражали ход войны за Цитадель. Испугался трудностей? Не захотел принимать участие в осаде?
- Встретишь Морехода спроси обязательно: зачем ушел? Почему драться не захотел? Только сильно его не бей, мне оставь немножко, ехидно присоветовал зверовидный воитель. А ну бегом-бегом!..

Над равелинами Цитадели висело едва ли не простым глазом заметное облако напряженного ожидания. Пробегая по лестницам и навесным галереям, принц заметил, что количество воинов на стенах увеличилось чуть не втрое — у каждого из обитателей крепости нашелся повод лично взглянуть на горную долину и войско осаждающих. Разговоров слышно не было, но тысячи глаз настойчиво всматривались в происходящее внизу.

Цурсог отыскался на Шестой башне, той, что граничила с Топазовым участком и прикрывала подходы к Вратам Рассвета — одному из немногих входов в крепость. Судя по изученным Коннахаром чертежам, в нижнем поясе укреплений Цитадели имелся всего десяток ворот, в изобилии снабженных ловушками, «коридорами смерти» и прочими полагающимися военными хитростями. Предводитель йюрч Зеленого бастиона, больше обычного напоминавший уродливую горгулью, стоял вместе со своим помощником Хазредом и крупным зверообразным созданием черно-рыжей масти, носившим золотую перевязь — должно быть, командиром йюрч, оборонявших соседние бастионы. К удивлению Конни, обожавшие вопить во всю глотку зверюги сейчас едва ли не шептались. Кивнув, носитель желтого шарфа отправился к своим подчиненным, Хазред скрылся в недрах башни, а Цурсог жестом подозвал молодого человека.

- Ты это... Стой пока здесь, мало ли чего... невнятно распорядился он, не отрывая взгляда от равнины. Двулезвийное копье с кисточками из отрезанных двергских бород, с которым Цурсог не расставался, болталось у него за спиной в широкой кожаной петле. Страховидная физиономия йюрч плохо выражала испытываемые им чувства, но любой бы догадался, что воителя снедает сильнейшее беспокойство.
- Почтеннейший Цурсог, где идут переговоры? отважился спросить Коннахар, тоже сунувшийся в бойницу. Ничего особенного он не заметил: то же бесконечное передвижение военных отрядов, ряды разноцветных палаток вдоль склонов, трепыхание множества стягов и вымпелов на поднявшемся ветру.
- Переговоры... Тьфу! Вон там, сквозь зубы процедил воитель, указав на макушку высокого белого с золотыми узорами шатра, разбитого на краю бывшей дороги в крепость. Шатер установили на открытом месте и, как полагалось, на ничьей земле в трех-четырех перестрелах от барбикена Цитадели и вне пределов вражеского лагеря. Вокруг выстроился квадрат воинов, внугри которого перемещались фигурки, время от времени заходя в шатер и выходя наружу, и стояли оседланные лошади. Посмотрев на это безмятежное зрелище еще немного, Цурсог счел, что в ближайшем будущем ничего не изменится и решил пройтись по стене. Высоко над его головой хлопнуло подвешенное на длинном флагштоке знамя Цитадели полотнище цвета старого вина с серебряной восьмиконечной звездой, обрамленной языками пламени.
 - Зря он туда пошел, ох, зря... бормотал йюрч, ковыляя мимо изготовленных к бою

катапульт и «змеиных пастей», мимо отрядов айенн сиидха и своих сородичей. Конни захотелось его подбодрить, напомнить, что жизнь и свобода посланцев по всем законам неприкосновенна, но покрытая серой шерстью и закованная в железо туша вдруг шарахнулась в сторону, уступая дорогу кому-то, идущему навстречу. Мало того, Цурсог еще и торопливо поклонился, чего за ним никогда не водилось!

- Это кто? замешкавшийся наследник Аквилонии отстал на пару шагов, глядя вслед стремительно удаляющейся фигуре в разлетающихся темно-алых одеждах. Лица незнакомца он не разглядел, но почему-то счел пронесшийся мимо багряный вихрь существом женского пола. Оглядывался, кстати, не он один многие поворачивались, чтобы проводить взглядом ожившее пламя, свернувшее на приставную лестницу и умчавшееся к барбикену.
 - Королева, хмыкнул вожак йюрч, подтвердив догадку Коннахара.
- В каком смысле? не понял молодой человек. Откуда в Цитадели взялась королева? И кем она правит, каким-то из племен айенн сиидха? Или крепостью? А мне казалось, главный тут... э-э...
- Его магичность, Большой Хозяин, точно так, согласился Цурсог. Он главный, да. Но еще нужна шеттиль, хозяйка, как без нее? Это она и была. К нижним воротам побежала, как пить дать.
- Так это жена вашего повелителя? Кони почувствовал себя совершенно сбитым с толку. С другой стороны, кто сказал, что у Владыки Черной Цитадели не может быть спутницы жизни? Тогда становилось понятно, отчего Цурсог именовал эту загадочную особу королевой.
- Не жена, отрицательно помотал головой йюрч. Амика, подруга. Рубин среди камней Радуги. Ее зовут Иллирет ль'Хеллуана. Заклинает огонь и сама как костер, тронешь сожжет... А-аргх?..

Вздох, пронесшийся вдоль бастионов Цитадели, напоминал шелест множества листьев, подхваченных нарастающим ураганом. Только что находившийся рядом Цурсог одним движением взлетел на гребень крепостной стены, а Коннахар высунулся в проем между зубцами, совершенно позабыв о вражеских стрелках. Его сердце пропустило пару ударов и трепещущим комком застыло где-то в горле.

Белый с золотом шатер, отведенный для переговоров враждующих сторон, исчез. На его месте расплывалось желто-бурое облако, пронизанное синими вспышками, в недрах которого угадывались судорожно мечущиеся и сражающиеся фигуры. Ровное каре почетной стражи обернулось щерящимся копьями загонным кругом, препятствуя оказавшейся внутри добыче вырваться наружу, а со всех сторон к месту побоища спешили дверги. Нескольким верховым удалось с боем прорвать цепь охраны, они галопом устремились вверх по дороге, к спасительной Цитадели.

— Ворота! Решетка, поднимайте решетку!!! — истошный вопль Цурсога подхватили на всей стене, и часовые на барбикене услышали, а может быть, поспели сообразить сами. Конни показалось, будто он слышит скрип проворачиваемых кабестанов и как наяву видит медленно плывущую вверх тяжеленную железную преграду.

Беглецы врезались в группу подгорных карликов, замелькали секиры и захлопали арбалеты. Там, где прежде высился шатер, всплеснулся смерч черно-серых воздушных струй, раскидывая нападающих в стороны, но быстро стих, оплетенный и задавленный нестерпимо белым искристым сиянием. С высоты надвратного укрепления, по схватке полоснула ветвистая лиловая молния, затем еще одна и еще. Низко и хрипло выл йюрч, в бессильной,

ярости ударяя стиснутыми кулаками по камням. Начали стрелять лучники Цитадели, но цель отстояла слишком далеко.

Все закончилось за несколько мгновений. Пытавшиеся спастись бегством остались лежать на дороге, там, где их настигли стрелы и топоры двергов. Желтое облако рассеялось, открыв поваленный и втоптанный в землю шатер и торопливо уходящий в глубину вражеских расположений отряд. Упрямый магик на стене крепости вновь попытался достать отступающих своей молнией, та ударилась в незримый щит и безвредно осыпалась миллионом тлеющих огоньков.

- H-но... Как же так? растерянно заикнулся Коннахар. Цурсог, так нельзя! Они ведь посланники! Так не поступают!
- Эти поступают, предводитель йюрч тяжело навалился на камень, не замечая, что с его пальцев падают вязкие черные капли. Затем он встряхнулся, как мокрая собака, и рявкнул на Конни: Чего стоишь столбом! Беги к Хазреду, пусть поднимает всех, они же сейчас попрут на стены!
 - ... Ожидаемого Цурсогом немедленного штурма не случилось.

К Вратам Рассвета вскоре приблизились трое всадников под знаменем темно- синего цвета с вытканной в центре золотой фигуркой крылатого льва. Остановившись на безопасном расстоянии, один из вестников развернул свиток, громко и отчетливо прочитав содержащиеся в нем предложения:

— «Высочайшие Исенна Аллерикс и Эрианн Ладрейн в бесконечной милости своей к введенным в заблуждение воинам Цитадели избавляют их от необходимости и далее обрекать себя на бесславную погибель, выполняя приказания того, кто называет себя Всадником Ночи. Обращаясь к чародейскому ковену Радуги, они предлагают сдать крепость с находящимися в ней припасами, снаряжением и архивами, а наипаче же выдать семь магических кристаллов, именуемых Радужной Цепью. Всем, добровольно сложившим оружиеи отказавшимся от погибельного следования Дорогой Мрака, будет сохранена жизнь и дано позволение удалиться, взяв с собой то, что они смогут унести. Еслиже защитники Цитадели будут продолжать упорствовать, то Высочайшие складывают с себя ответственность за их участь и...»

Прилетевшая из крепости сизая стрела вонзилась у ног коня, заставив животное шарахнуться в сторону. Герольд, схватившись за поводья, выронил пергамент.

— Вам дается колокол на размышление! — проорал он, сражаясь с приплясывающим и храпящим скакуном. — На закате Высочайший Исенна сам придет за ответом!

* * *

Вопреки распускаемым Эрианном Хитроумным слухам о том, что в замке Цитадели царит вечная полутьма, в коей раздаются только вопли несчастных жертв да звучат нечестивые песнопения, покои Вершины создавались с таким расчетом, чтобы в них проникало как можно больше света. В Зале Решений, устроенной в срединной из Серебряных Башен, солнечные лучи пребывали с раннего угра до позднего вечера, играя сменой цветов в алых и золотых витражных окнах, выходивших на все восемь сторон света.

Узкие ниши между оконными проемами занимали статуи и редкие вещицы, привезенные из далеких земель.

Середина просторного зала с гнутыми вольтами куполообразного потолка отводилась овальной формы столу, выложенному сплетениями мозаичного узорочья. Вглядевшись пристальнее, посетители Залы иногда улавливали миг, когда рисунок столешницы менялся, складываясь в новую картину, никогда не повторявшую очертаний прежней. Йюрч и людей это свойство обычного с виду стола пугало, хотя они отчаянно старались не подавать виду. Впрочем, оба этих народа равно недолюбливали недоступную их пониманию магию, в каких бы видах она не проявлялась, неохотно делая исключение лишь для боевого чародейства.

Во главе стола, напротив уходивших под потолок двойных дверей, громоздилось массивное кресло красного дерева с высокой спинкой, украшенной острыми зубцами, и резными подлокотниками. Прочие седалища схожего облика, но поскромнее и более удобные, чинно выстроились по кругу, ожидая гостей. Те входили сквозь распахнутые настежь двери, торопливо рассаживаясь и обмениваясь отрывистыми фразами.

Темно-каштанового цвета створки медленно и плавно закрылись. Под потолком дрогнул серебристый перезвон, однако величественный трон во главе стола остался незанятым. Пустовала и добрая треть из трех десятков кресел для участников собрания.

Возникла неловкая пауза. Никто не решался заговорить, и все удрученно косились на брошенный посреди сверкающей мозаичным великолепием столешницы лист пергамента. Грязный, помятый и слегка надорванный по краю, он выглядел *тут* совершенно неуместным.

Облики и происхождение собравшихся также разительно отличались друг от друга. В Залу Решений явились представители всех народов, оборонявших Цитадель — айенн сиидха, йюрч и даже редко допускаемые к общим обсуждениям люди. Тон происходящему задавало маленькое сообщество, занимавшее места по обе стороны от пустующего кресла главы собрания. В группу входили четверо мужчин и три женщины, каждый из которых носил одежды определенного цвета и вдобавок — подвешенный на искусно сработанной цепочке крупный драгоценный камень плоской огранки, удивительно чистого, незамутненного оттенка, от яростно пурпурного до успокаивающе прохладного фиолетового.

Единство кристаллов составляло Семицветную Цепь, ради обладания коей двое альбийских вождей нещадно гнали свои войска на штурм бастионов Цитадели. Семеро носителей камней прошли обучение у правителя Черной Твердыни, развившее и обострившее их прирожденные чародейские способности, они были его самыми верными и преданными соратниками, но перед лицом свершившегося предательства и непомерных притязаний осаждающих Хранители Радуги растерялись. В их оправдание можно заметить, что по меркам сиидха они были довольно молоды, а двое заслужили Камни совсем недавно и еще не успели привыкнуть к их тяжести.

Вдобавок, как это ни досадно признавать, между обладателями Кристаллов отнюдь не царило единодушие. Вошедшие в Круг раньше относились к новичкам с долей высокомерия, молодежь настаивала на соблюдении равенства... и все шестеро не испытывали приязни к старшей из семи, носительнице Рубина, Иллирет из рода Хеллуана. По общему мнению, она позволяла себе слишком многое и любая выходка оставалась безнаказанной, ибо в ее ладонях покоилось сердце Хозяина Цитадели. Украдкой шептались, якобы место в Радуге досталось ей исключительно по прихоти Всадника, хотя подтверждений тому не имелось — ль'Хеллуана слыла одаренной чародейкой, по праву носившей свой Кристалл. Иное дело, что

ее характер порой оставлял желать лучшего, а привычки в точности отражала гулявшая среди Кольца Радуги присказка: «Когда Иллирет требуется развести очаг, она поджигает весь дом».

Традиции Круга вполне дозволяли Огненному Рубину открыть собрание. Однако та молчала, опустив голову и обеими руками вцепившись в темно-рыжие с алым отливом волосы.

- Итак, Совет Радуги созван, поняв, что ждать от Иллирет первого слова бесполезно, заговорил сидевший по правую руку от Рубина Талахард, владелец прозрачно-оранжевого, брызжущего искрами Опала. Сложением и нравом он не слишком-то походил на волшебника куда больше подошли бы Талахарду кольчуга, щит и меч. Именно по этой причине он владел самоцветом, олицетворявшим воинскую доблесть и стойкость. Он и Гведрида, Аметист, символ мудрости и проницательности, стали первыми носителями Камней. Позже сыскалась достойная хозяйка для Рубина и начался создаваться собственно Круг. Слушайте, Хранители Кристаллов и представители союзных племен, говорите, внимайте и принимайте решения! Всем вам ведомо, что за пергамент лежит на Овальном Столе, ведомо его содержание. Трон Владыки опустел, и сердца наши исполнены скорби. Враг под стенами и не собирается отступать. Теперь мы должны решить дальнейшую судьбу Цитадели.
- Я, Рхадак по прозвищу Стальная Спина, прошу слова, со своего места поднялся и неуклюже поклонился один из йюрч, могучий воин в тускло-серой кольчуге. Старый, скверно заживший шрам наискось пересекал его и без того малопривлекательное лицо. Пусть Хранители простят меня, если я скажу что-то не так. Мой язык медленный, меч гораздо быстрее. Большого Хозяина нет с нами, да. Это плохо, очень плохо. Но ведь стены крепки, колдовство Хранителей не потеряло силу, кладовые полны, воины многочисленны. К тому же, говорят, Мореход увел свои мечи к Соленой Воде. Так что такого, даже если Большой Хозяин ушел? Поганые завоеватели могут завалить Долину своими мертвецами, но Цитадель им не по зубам, разве нет?
- Почтенный Рхадак хочет знать, что Цитадель может противопоставить своре Аллерикса? мрачно уточнил Талахард. Йюрч кивнул. Что ж, разумно. Сейчас в стенах Цитадели находится чуть больше пятидесяти тысяч. Во вражеском лагере примерно столько же если считать без мечников Олвина. Но лишь треть населения Цитадели составляют воины, остальные же ученые, книгочеи, ремесленный люд и всевозможная прислуга; земледельцы, торговцы, беженцы, искавшие здесь защиту, когда орда Исенны вторглась на наши земли, и их семьи. Большинство ни разу в жизни не держало в руках оружия. Бросить их в бой против двергов-наемников Зокарра или обученных головорезов Аллерикса все равно что скормить дракону.

Кладовые, верно, полны. Мы выдержим сколь угодно долгую осаду. Беда в том, что враг об этом тоже знает, и, как следует из этой дрянной бумажки, — Талахард брезгливо ткнул в грязный лист пергамента на столе перед ним, — Исенна не намерен ждать. Полагаю, нам предстоит штурм — нынешней ночью или завтра утром.

- Они уже не раз пытались, запальчиво напомнил Стальная Спина. Те, кто пытался, кормят червей во рву.
- Боевой дух почтенного Рхадака достоин уважения, вежливо заметил Айхалль, Хранитель Аквамарина. Однако, полагаю, многоопытный воин, чья жизнь прошла в сражениях, не станет обольщаться нашими теперешними успехами. Пока что Исенна осторожно пробует нашу оборону на прочность касается одним пальцем, так сказать, то здесь, то там. Он остерегается нападать, не зная нашей истинной мощи. Но если он решится

ударить кулаком... Хрустнем, как орех под кувалдой. — Айхалль преувеличивает, — поморщилась Гведрида. — Победа дастся нашим врагам дорогой ценой. Но я знаю Исенну. Собственные воины порой называют его Безумцем. Он не отступится, даже заплатив тремя жизнями за одну нашу — теперь он не может повернуть

назад, ибо дело зашло слишком далеко. Рано или поздно он возьмет Цитадель.

- Одним словом, если речь идет о воинской мощи, то Исенна и Ладрейн сильнее нас, подвел итог Талахард. Не стоит также забывать о смертоносных творениях подгорных механиков и тех странных существах, которых Аллерикс привел с собой, но пока что не использовал при штурме. Мы до сих пор не сощлись во мнениях, являются они разумными или же нет, возникли естественным путем или созданы с помощью колдовства.
- О каких существах вы говорите, Хранитель Опала? осведомился один из вождей айенн сиидха. «Саламандры» творение двергов. Они внешне подобны живым тварям, но по сути своей не более чем очень сложные катапульты или, может быть, осадные башни. Есть еще что-то, неведомое нам?
- Я имел в виду иных существ, покачал головой Талахард. Пожалуй, следует объяснить... Эльшар, тебе слово. Расскажи им про дракона.
- Время от времени один из трех ящеров, сотворенных Владыкой и обитающих при Цитадели, совершает полет над лагерем завоевателей, низкий, мягкий голос говорившего звучал негромко и спокойно, однако отнюдь не спокойным было бледное лицо Эльшара, Хранителя Топаза, Драконьего Всадника. Словно в поисках поддержки, Хранитель стиснул в кулаке подвешенный на цепочке золотистый кристалл. Драконы следят за перемещениями противника и неизменно наводят в стане двергов панику хотя на самом деле серьезной опасности не представляют, ведь крылатые змеи обретают способность выдыхать пламя лишь после семи-восьми сотен лет жизни, наши еще не доросли... к сожалению. Они делают это по моей просьбе. Точнее, делали. Вчера самый младший из них, Флейм, залетел дальше, чем обычно, и подвергся нападению чего-то, похожего на огромную тучу мошкары. Отсюда эту мерзость можно разглядеть, хотя и с трудом, она выглядит как мутно-зеленый смерч, висящий над дальними отрогами. Это не магическое создание, а вполне живое существо или, возможно, скопище каких-то мелких тварей. Так вот, эта «мошкара» способна прогрызать драконью чешую. Флейм погиб.

Из уст многих собравшихся зазвучали негромкие возгласы удивления и недоверия.

- Драконы видели также что-то вроде сооруженных на скорую руку загонов с крупной живностью они не могут сказать, какой именно и тварь, похожую на халарийскую гидру. Понимаю, последнее звучит невероятно, но я склонен доверять своим подопечным, добавил Драконий Всадник.
- Что же у нас остается, кроме мечей и стен? снова возвысил голос Талахард, в очередной раз покосившись на Хранительницу Рубина. С самого начала Совета Иллирет ль'Хеллуана ни разу не пошевелилась, застыв в горестной позе, и не проронила ни слова. Совершенно верно, Сила Радуги. По сути, говоря о судьбе Цитадели, я имел в виду судьбу Семи Кристаллов. Не секрет, что причина войны кроется именно в них. Исенна рвется к власти любой ценой. Пока Повелитель был с нами, мы могли успешно противостоять мощи Благих Алмазов. Теперь же сомневаюсь.
- Но почему? робко спросила черноволосая тоненькая девушка с испуганным личиком, то и дело украдкой поглаживавшая гладкую поверхность темно-синего сапфира. Миррита, вкупе с Джелетином, владельцем Изумруда, пришла в Круг совсем недавно, ужасно

боялась сказать или сделать что-нибудь не так, а потому чаще помалкивала. Однако сегодня она решилась заговорить, высказав вполне разумную вещь: — Пускай мы пали духом, но, как сказал почтенный Рхадак, сплетать чары мы пока не разучились. Там, внизу — всего лишь два Алмаза, здесь, за стенами Крепости — полная Радуга. Да, Эрианн более опытный и искусный магик, нежели мы, а военная мощь Аллерикса велика, но...

- Вот именно «более опытный», перебил Айхалль. Прости, Миррита, мы просто не сумеем. Горько признаваться, но весь наш Круг пока способен лишь на жалкое подражание деяниям Наставника. Объединив усилия, мы какое-то время сможем удерживать противника и отражать его атаки, однако затем наши силы иссякнут. Армия ворвется в крепость, мостя себе дорогу по трупам. Мы изрядно измотаем Исенну, это верно, но победить увы... Не лучше ли изничтожить сам повод для вражды, я подразумеваю Семицветье? Подземный огонь в пещерах под Цитаделью вполне справится с этой задачей.
- Вот и еще один последовал дорогой Исенны, ведущей к потере рассудка, вздохнула Аметист, в то время как над Овальным Столом пронесся всплеск недоуменных вопросов. Айхалль, где твой здравый смысл? Предположим, у нас действительно есть возможность разрушить Камни, спустившись к жерлу огнедышащей горы, что спит у нас под ногами, и бросив их в пламя. В таком случае мы сами, своими руками, погубим то, что создавалось на протяжении столетий, лишим наши народы последней надежды и признаемся в полном бессилии. Кроме того, ты, верно, запамятовал, что произойдет, если исчезнет магия, сдерживающая подземный огонь Долины Вулканов?..
- Отнюдь нет, наоборот, прекрасно помню и именно потому продолжаю настаивать. Поймите, нам вовсе необязательно *на самом деле* убивать Кристаллы. Как ты правильно сказал, Талахард, Исенне нужна в первую голову Радужная Цепь. Если мы пригрозим только пригрозим! уничтожить ее, какой смысл Безумцу безумствовать дальше?
- В словах Айхалля есть резон, поддержал Кэрникс, сиидха, руководивший стрелками на Синем и Аметистовом бастионах. Исенна одолел Всадника коварством и хитростью, отчего бы и нам не отплатить мерзавцу той же монетой? Ни для кого, и для Аллерикса в том числе, не секрет, что вулканическая стихия Долины сдерживается единственно силой Радуги. Если даже он не побоится утратить вожделенные самоцветы, может быть, угроза общей гибели в огненной купели заставит его опомниться?

Вновь зазвучал негромкий хор голосов. На сей раз во многих возгласах слышалось одобрение, и даже Талахард заколебался было, но Аметист лишь покачала головой.

- На первый взгляд идея Айхалля кажется разумной, но повторяю еще раз: мы имеем дело с тем, кто редко прислушивается к гласу рассудка. Исенна не поверит нам и не отступит. Да и у нас не хватит духу привести угрозу в исполнение...
- Уж больно тяжко расставаться с кусочком власти над миром, не удержавшись, съязвил Хранитель Аквамарина. Гведрида метнула в шутника ледяной взгляд:
- Неуместная острота, Айхалль! Исполнив угрозу, мы в один миг развеем дымом сто тысяч жизней из них половина надеются на нашу мудрость и защиту! Никакая власть над миром не стоит столь дорогой цены!
- Извини... смутился альб, и тут, наконец, Иллирет ль'Хеллуана, отняв руки от лица, заговорила высоким, напряженным голосом:
- Вы тут говорите о мудрости, о разуме, о гласе рассудка! А я жду когда в вас заговорит сердце! Вспомнит ли хоть один из отважных воителей и мудрых магов, что Владыка еще жив, или вы уже мысленно сложили погребальный костер тому, кто учил нас и

- наделил Силой?! Астэллар в плену, а мы здесь пальцем о палец не ударим, чтобы вызволить его! Лишь почтенный Рхадак не утратил мужества, зато Хранители в мудрости своей мечутся в выборе между торговлей и самосожжением!
- Иллирет, возьми себя в руки, мягко попрекнула Гведрида. Не время и не место для взаимных оскорблений. Ты можешь предложить что-то еще? Тогда говори.
- Мы должны вернуть его, напрямик рубанула ль'Хеллуана, сумрачно блеснув серыми с прозеленью глазами. Спасти, отбить, сделать вылазку назовите как угодно. Если мы добьемся успеха и освободим Владыку, Исенна может под стенами мхом покрыться. Скажете, я не права?
- И да, и нет, возразил Талахард, в душе которого ожесточенно боролись два противоречивых чувства. Одно полностью одобряло замысел хозяйки Рубина. Другое, более разумное, твердило, что Хранительница слишком подавлена и не осознает гибельность своего предложения. Не сомневаюсь, каждый в этих стенах, кто способен держать оружие, охотно пошел бы на смерть, лишь бы вырвать Наставника из вражеского плена. Больше того, Радуга поддержит тебя всей мощью, не сомневайся. Но, Иллирет... Ты хотя бы примерно представляешь, как отыскать одного-единственного пленника в лагере на пятьдесят тысяч мечей? Или полагаешь, что разгромить Исенну в поле проще, чем на стенах? Открой мы ворота, и он ворвется в Цитадель на наших плечах. И еще Астэллара наверняка стерегут пуще глаза. Чтобы добраться до заложников, придется пройти вражье войско насквозь. Тюремщикам довольно мгновения, чтобы всадить нож, и все, что нам останется бездыханное тело. Откроемся сами, Владыку не спасем и потеряем Цитадель... Нет, Иллирет ль'Хеллуана, это был бы самоубийственный шаг. Одну такую ошибку мы уже допустили, позволив Наставнику отправиться прямо в пасть к хищнику, вторая станет роковой. Все ли согласны со мной, Хранители?
- Да, проронила Аметист. Миррита и Джелетин молча склонили головы, Эльшар, по-прежнему бледный, кивнул. Айхалль буркнул, глядя в стол:
- Согласен. И потому сам себе отвратителен. После короткого обсуждения высказались сиидха, приняв сторону Хранителя Опала, и йюрч, отвергавшие саму мысль о сдаче. Рхадак, воздвигшись над мозаичной столешницей, проревел:
- Мы пришли сюда за славной победой или славной смертью! Девочка, подобная огню, он неловко поклонился Иллирет, отважней иных носящих меч. Она, как и мы, не боится умереть, чтобы спасти Большого Хозяина! Знай, Отмеченная Пламенем: когда тебе понадобятся наши клинки мы встанем как один рядом с тобой! А вам, достойные Хранители, должно быть стыдно, аргх! Ни один воин, если только он не забыл лица предков, не оставит своего вождя в плену!
- Храбрый воин умрет за своего вождя, если он в ответе лишь за собственную жизнь, сдержанно кивнул Талахард, видя, какое впечатление на собравшихся, особенно на людей, произвела пылкая речь Рхадака, и намеренно употребляя понятные воинственным йюрч и диковатым людям сравнения. Может быть, о его гибели сложат красивую песню. Но вождя он не спасет, его прославленный в битвах меч заберет себе враг, и после того, как он умрет в неравном бою кто защитит его поселение от чужаков? Враги придут, заберут женщин, убыют слабых, сожгут дома. Песня останется и проживет века, но что песня тем, чьи кости разбросают вороны?.. Умный воин останется жив и защитит свое племя, не отдаст меч в злые руки, сделает так, что торжество врага обернется пеплом на ветру. А потом, вернув своему народу силу, отплатит убийцам сполна. И о нем тоже сложат песню, которую

смогут петь его дети. Отважный Рхадак должен понять меня. Если бы речь шла только о ковене Хранителей Радуги, мы не колебались бы ни мгновения. Я сам пошел бы во главе воинов сиидха, плечом к плечу со своими собратьями, и клянусь, подлые захватчики нескоро забыли бы эту битву! Однако в крепости, Рхадак, без малого сорок тысяч мирных жителей, которые вверили нам свою судьбу! Что будет с ними? Что случится со всем нашим народом, если Исенна заполучит в свои загребущие руки всю Силу? Мы не вправе отдать ему Радугу, даже если ценой тому будет жизнь Владыки Астэллара! Он сам, думаю, согласился бы с моими словами!

Иллирет слабо шевельнулась в своем кресле.

— Согласился бы, — негромко произнесла она в тишине, наступившей после выступления Хранителя Опала. — Простите меня, Талахард, Гведрида, и ты, отважный Рхадак. Горечь уграты затуманила мой разум, и моими устами говорило отчаяние. Хорошо, есть иной путь. Вы не знаете, но перед тем, как уйти, Астэллар поведал мне кое-что. Наши разговоры о коварстве противника заронили в его душу зерно сомнения, и он решил позаботиться об обитателях Крепости на случай, если ему не придется вернуться. Ночью он создал Прямую Тропу — самую большую из тех, какие мне доводилось видеть, потратив на нее почти все силы.

Сказанное ль'Хеллуаной стало новостью для всех. Круг Радуги ошеломленно вскинулся, йюрч затеребили айенн сиидха, громким шепотом выспрашивая, о чем идет речь.

Искусство сотворения Прямых Троп, порталов, связывающих огромные расстояния, оставалось мало кому доступным. Говорили, что даже носители Благих Алмазов не обладают пока талантом и способностью воздвигнуть подобное, и единственным, кто маломальски овладел сей премудростью, был и остается Властелин Полуночной Цитадели.

- Тропа начинается в Белом Дворе и заканчивается далеко отсюда, на Полудне, в Диких Землях, продолжала Рубин, не обращая внимания на усиливающийся изумленный ропот. Она достаточно широка, чтобы вместить пятерых идущих рядом человек или конную повозку, но для того, чтобы вывести отсюда всех и вся, понадобится не меньше трех или четырех дней. Сейчас Тропа дремлет, но Повелитель научил меня, как оживить ее. Если вы примете решение воспользоваться этим путем, то к наступлению сумерек у меня все будет готово. Уводите мирных жителей, спасайте сокровища Цитадели, бегите сами...
- Мы никуда не пойдем, перебросившись короткими репликами со своим сородичами и занимавшими места по соседству предводителями людских кланов, непререкаемо заявил Рхадак Стальная Спина, получивший исчерпывающие объяснения касательно того, что такое Прямая Тропа. Входя в крепость, мы знали многие не вернутся. Большой Хозяин оставил путь для бегства, так пусть уходят те, кто не может сражаться. Пока мы будем драться с Исенной, они унесут Камни, грозному йюрч пришлась по душе мысль о том, что предводитель осаждающих останется ни с чем, и он гулко фыркнул. Ха, Безумец разобьет о стены голову и захватит пустую Вершину! Хотел бы я поглядеть на его лицо!
- Но что станется с теми, кто пройдет через Врата и окажется в неизведанных краях, не имея крова и защиты, в окружении хищных тварей и враждебных племен? резко осведомился Кэрникс. А если Исенну не смутит дальность расстояния и, одолев крепость, он немедля снарядит погоню за ускользнувшим сокровищем?
- Погоню куда? отличавшийся быстротой мышления Талахард мгновенно сообразил, какие преимущества дарует Прямая Тропа, связавшая различные уголки огромного и

малоосвоенного Материка. — Как он вообще узнает об исходе Камней? Уходящие запечатают выход за собой... Пусть себе захватчики обыскивают руины и шарят по подвалам. Тем, кто скроется в Незнаемых Землях, поначалу придется трудно, однако нам ли *сливаться* перед испытаниями? Когда-то наши отцы пришли в эту долину, пустую и мертвую, наполнив ее жизнью. Отчего бы не повторить сделанное в другом краю, благо у нас в руках останется Радуга? Главная нынешняя трудность — выиграть время. Каждый лишний колокол — шанс для еще одной тысячи спасенных. Надо немедля известить население Цитадели о начале сборов. Гведрида, Айхалль, Миррита, этим займетесь вы. Распределите, в каком порядке будут собираться отряды и как осуществить Переход в наикратчайшее время, что из наших собраний и архивов нужно забрать с собой, а что придется уничтожить или спрятать до лучших времен. Ль'Хеллуана, разбуди Тропу... Тебе нужна какая-либо помощь?

Рубин устало отмахнулась.

- Посланцы Исенны ждут ответа, напомнил Драконий Всадник. Если Совет Радуги принял решение, я поднимусь на стену и передам его нашим врагам. Так что отвечают воители и маги Полуночной Цитадели?
- Круг отвергает предложение о сдаче крепости, переглянувшись с собратьями по чародейскому сообществу, изрек Талахард как припечатал. Исенна желает владеть Семизвездной Цепью? Что ж, он победит в этой битве, но не раньше, чем каждая пядь Долины Вулканов оросится кровью его приспешников и в награду получит мертвые, бесполезные руины.
 - Торжество врага обернется пеплом на ветру, согласно кивнула Гведрида.

Глава четвертая

Дни ничтожности и славы

29–30 дни месяца Тагорн

Когда ответ осажденных доставили в походный шатер альбийских вождей, первым развернул свиток Эрианн Ладрейн. Пробежав глазами недлинный, но чрезвычайно язвительный текст — Айхалль старался как мог, подбирая самые цветистые эпитеты — он иронически хмыкнул и передал плотный пергамент с печатью серебристого воска Аллериксу. Ожидаемой вспышки гнева, потоков брани или иного проявления буйного темперамента Безумца, к вящему удивлению Эрианна, не последовало.

- Что ж, пожалуй, я даже рад их выбору, сухо усмехнулся Исенна, скомкав свиток в своей железной ладони и швырнув в дальний угол шатра. Мне прискучило сидеть под этими клятыми стенами, мой меч заржавел в *ножнах*. Начнем на рассвете.
- ... Край солнечного диска едва показался над отрогами скалистых гор, окаймлявших *долину* Вулканов, когда в рассветной тишине басовито запели сигнальные рожки, и взлетевшая над равниной искра ярко-зеленого цвета подала знак к началу штурма

Полуночной Цитадели. Штурма, отголоски которого сохранились во всех летописях, будь они созданы кхарийцами, пришедшими на смену альбам, повелителями Атлантиды или поднявшимися над своей дикостью людьми.

Никто еще не знал, что этим дням суждено стать вехой, разделившей эпоху на «до» и «после», что в скором времени изменится сам лик земли, придут новые народы... и, может быть, когда-нибудь все повторится сначала — под другими именами, в другое время иная Цитадель будет отстаивать свое право жить так, как полагает нужным.

Возможно, Исенна Аллерикс не отличался кротким нравом, но полководцем он был неплохим и попусту бросать в мясорубку своих воинов не желал. Вместо ожидаемой осажденными живой волны первого приступа внешнюю, наиболее мощную линию обороны накрыл для начала чудовищный ливень из стали, огня и камня. Следуя приказам своих командиров, дверги выстроили в ряд почти две сотни катапульт, включая дюжину чудовищных требюшетов, и дробили прицельными залпами стены и бастионы Цитадели. Помимо огромных камней, бревен и стрел сработанные двергами осадные машины выбрасывали в воздух заключенные в магические оболочки сгустки огня, способного разрушать самый твердейший гранит.

Первые снаряды, устремившиеся к неприступным равелинам Цитадели, не достигли цели, отброшенные неведомой силой, будучи сбиты еще в полете или ударившись о ставший плотным и непроницаемым воздух. Осаждавших это не удивило — оставшись без предводителя, Круг Радуги все же не лишился способностей колдовать и по мере сил противостоял вражеским атакам. Гигантские катапульты Цитадели также не молчали: то и дело на месте какого-то из требюшетов Исенны вспухал огненный шар или грубо обтесанное каменное ядро выкашивало кровавую просеку в плотных боевых порядках осаждающих. Впрочем, искусством ловли стрел обе стороны владели в равной степени хорошо, и поначалу потери обеих армий были, в общем-то, невелики.

Но обстрел продолжался, не давая защитникам Цитадели ни мгновения передышки, запас снарядов у осаждающих казался беспредельным, а владельцы Благих Алмазов были куда искушенней в разрушительной магии Стихий. Ответный огонь из крепости становился все реже, и все чаще выстрелы осаждающих попадали в цель.

Около третьего дневного колокола метко пущенный металлический шар, начиненный горючей жидкостью, поразил одну из башен в нижнем ряду укреплений, и та окуталась оранжево-рыжими дымными сполохами. Огонь вскоре потушили, но, пока работали спешно собранные пожарные команды, требюшеты врага делали свое дело, разрушив еще несколько башен на Аквамариновом бастионе.

Казалось, не будет конца этим воплям, свисту рассекающих воздух стрел и падающим с неба смертоносным снарядам.

Ближе к вечеру с ужасающим грохотом рухнула часть стены Изумрудного равелина, и подгорные воители, подогнав к образовавшейся бреши с десяток «саламандр», создали там настоящую реку огня. Плавился камень, обращалось в пепел дерево, обрушившийся на извергающих огненные языки многоножек ливень не слишком помог делу, ибо вода, как выяснилось, лишь усиливает жадное оранжевое пламя. Поднимавшиеся клубы пара и дыма скрыли бастион от глаз защитников, а когда испарения отчасти развеялись, выяснилось, что брешь в стене загромождена причудливого вида оплавленными обломками, исходящими удушливым дымом. Никто не рисковал приблизиться к ним ближе чем на сотню шагов.

Дрогнула защита Топазового бастиона, без того изрядно пострадавшего — камни и шары

с зажигательными зельями поразили участок, включавший в себя сразу четыре сторожевые башни. Несколько участков стены меж ними дали трещины, просели, начали осыпаться, и тогда, почуяв слабину, маги-завоеватели пустили в ход разрушительное колдовство Четырех Стихий. Чудовищные молнии одна за другой били в вершины башен, прочнейший гранит рассыпался черным песком, горело все, что могло гореть. Мощь Благих Алмазов столкнулась с могуществом Радуги — и, казалось, Радуга начинает сдавать.

В лагере Исенны царило ликование.

Спустя весьма недолгое время выяснилось, что торжество было преждевременным.

* * *

Уяснив тактику осаждающих и зная, что Воздушный Щит не сможет долго противостоять столь яростным атакам, как обычным, так и магическим, ковен Радуги принял решение отвести за вторую линию стен большую часть гарнизона, а также все легкие баллисты и «змеиные пасти». Гигантскими катапультами, закрепленными намертво на своих гранитных постаментах, пришлось пожертвовать. Этим и объяснялось ослабление ответного огня Цитадели, столь обрадовавшее полководцев в лагере Аллерикса. До поры Хранители Семицветья не спешили показывать всего, на что способна Радужная Цепь, руководствуясь знаменитым воинским правилом: «Если ты силен, сделай вид, что ты слаб; если же ты слаб, постарайся казаться сильным».

Около шестого послеполуденного колокола незримый щит, хранивший Цитадель, исчез, и смертоносные гостинцы из лагеря осаждающих разносили многострадальную первую линию стен совершенно невозбранно. Топазовый бастион лежал в руинах, в стенах Изумрудного зияли огромные бреши, Аквамариновый и Опаловый охватило пламя. Казалось, открыт путь к сердцу затаившейся в страхе крепости, и это впечатление на какое-то время обмануло даже Исенну. Он, Эрианн, а также полдюжины наиболее опытных альбийских магов, в числе коих были младший Ладрейн и Ирваст, сын Хетира, наблюдали за происходящим в долине с плоской вершины скалы в лиге позади неровного строя осадных машин.

— Если это все, на что они способны, — презрительно бросил Аллерикс, глядя сквозь пелену дымов на угрюмо примолкшую крепость, — то я разочарован. Ну, а если Хранители Радуги готовят ловушку, то и у меня отыщется, чем их удивить. Зокарр! Отбой катапультам. Эрианн, ты готов? Сейчас мы отправим в бой наших самых надежных союзников — тех, что не требуют оплаты... и о которых мы не будем жалеть.

Вновь заревели трубы, подавая команду катапультным расчетам. Повинуясь следующему сигналу, выстроенные в безукоризненном порядке латные сотни двергов и альбийские мечники поспешно расступились, освобождая проход для невиданных орд. По-прежнему не торопясь рисковать своими воинами, Исенна бросал в горнило боя жутких созданий, собранных отовсюду и покорных власти Благих Алмазов. Многие из этих существ были известны строителям Полуночной Цитадели уже очень давно. Еще на заре времен, осваивая древние леса и затерянные в горах долины под поля и поселки, альбы сталкивались с подобными им, и почти всегда эта встреча стоила кому-то из первопоселенцев жизни. Даже

одна или две таких твари способны были натворить немало бед — а тут, гонимые колдовской силой, на приступ шли целые стаи безжалостных хищников.

Сотни покрытых косматой серой шерстью зверей, похожих на йюрч, но куда более крупных, злобных и начисто лишенных зачатков разума, карабкались, рыча, на полуразрушенные стены. Следом явились другие, неповоротливые, похожие на живые стенобитные машины, с головы до ног закованные в чешуйчатую броню, а позади всех шествовали три многоглавые гидры с непроходимых болот Халарии. Последние, возвышаясь над прочей стаей подобно диковинным осадным башням, двигались вроде бы неторопливо, однако, с неудержимостью горной лавины, и земля дрожала под их тяжелой поступью. Мощные роговые пластины служили им надежной защитой от стрел и дротиков, каменную стену толщиной менее трех локтей халарийская гидра просто не замечала, а яд, которым издалека плевались четыре уродливые плоские головы, прожигал гранитные плиты.

Первыми линию стен преодолели косматые четверорукие хищники. Они рассеялись, сколько позволял огонь и дым, по развалинам, не встречая никакого сопротивления. С того места, где стояли Исенна и Отец Обмана, звери выглядели густой россыпью беспорядочно мечущихся черточек, грязно-белых на фоне перепаханной обстрелом земли и изломов черного гранита. Приземистые живые тараны в чешуйчатой броне набирали скорость, нагоняя серых полуобезьян, круша в своем неостановимом движении остатки крепостных укреплений. Один, пригнув увенчанную короной тупых отростков башку, с разгону вломился в чудом уцелевшие створки Врат Рассвета и снес их начисто. Гидры были еще далеко, когда наиболее быстрые из косматой стаи достигли вгорой линии бастионов. Благие Алмазы в руках альбийских вождей заискрились ярче, вынуждая звериную орду продвигаться дальше и дальше вглубь Полуночной Цитадели.

Ни одной стрелы не вылетело навстречу звериной стае — черные равелины по прежнему казались безжизненны и пусты. Но тут Семицветье, наконец, явило свою мощь — и явило столь неожиданным и неприятным для захватчиков образом, что Исенна на несколько мгновений застыл столбом, прежде чем разразиться проклятиями.

— Во имя Небесного Света, что происходит?! Что они делают?!

* * *

Яростный боевой вопль хищных тварей, достигших второй линии бастионов, зазвучал с удесятеренной силой. Однако вместо того, чтобы, проникая в каждую бойницу, раздирать в клочья защитников Цитадели, звери на всем поле битвы кидались друг на друга и сходились в смертельных поединках — только шерсть летела. Иначе вели себя приземистые бронированные чудовища, деловито сносившие ворота. Растерянно взревывая и мотая рогатыми мордами, они носились причудливыми зигзагами, без видимой цели, будто пораженные внезапной слепотой — да так оно, скорее всего, и было. Несколько «таранов» угодили в дымящиеся ямы, оставленные снарядами осадных орудий, и не могли выбраться; два или три чешуйчатых монстра и вовсе, повернув назад, топтали боевые порядки пехоты и разносили в щепы катапульты осаждающих.

Прямо на глазах потрясенных альбийских полководцев одна из гидр изрыгнула яд всеми

четырьмя пастями, с редкостной точностью накрыв сразу четыре тяжелых требющета двергов. Скверное настроение ядовитой твари можно было понять. Так же величественно и неумолимо, как только что гидра двигалась к Цитадели, она и обе ее товарки погружались в твердую землю, внезапно обернувшуюся вязким зыбучим песком.

К чести Исенны надо признать, что замешательство его и Эрианна длилось недолго. Однако, хоть сила Благих Алмазов и остановила магический удар Радуги, звериная орда стала и бесполезна, и опасна для самих завоевателей. Добрая половина косматых полуобезьян полегла в короткой братоубийственной схватке, оставшихся же дюжинами выкашивали в упор залпы «змеиных пастей». Живые тараны большей частью перекалечились, в ослеплении мечась взад-вперед; что же до халарийских болотных чудищ, то после того, как заклятие Зыбучих Песков исчезло, гидры оказались намертво увязшими в земле, заново обретшей прежнюю твердость. Все живое вокруг них в ужасе разбегалось, уворачиваясь от ядовитых плевков, треть осадных орудий дымилась бесполезными кучами металла и дерева, безупречные ряды альбийских мечников пришли в полное расстройство. Проревев черное ругательство, Аллерикс вскинул жезл с пламенеющим Алмазом, и все три неуправляемых твари исчезли в крутящихся огненных смерчах.

Сотники альбов только начали восстанавливать порядок в смешавшейся армии, когда на осаждающих обрушилась новая напасть. Те из бронированных чудищ, что ухитрились уцелеть в первой атаке и которых маги Исенны, казалось, прочно держат в узде, внезапно словно взбесились. Все их стадо, около двух десятков голов, вдруг сорвалось с места, галопом несясь сквозь строй двергских латников и их убийственных осадных машин, круша все на своем пути и не разбирая дороги. Альбийская магия справилась и с этой бедой, и спустя десять ударов сердца «живые тараны» превратились в неподвижные груды мяса и костей... но Зокарр по прозвищу Два Топора, стянув с головы помятый бронзовый шлем, с размаху хватил им о камень:

— У нас более нет катапульт, Исенна!

Аллерикс, обеими руками сжимая стальной сверкающий жезл, медленно обернулся к Эрианну Ладрейну, и тот невольно отшатнулся, увидев лицо своего соратника — чеканное благородство черт сменилось дикой маской ярости.

- Ты говорил, что они несмышленые дети! проревел он, буравя взглядом бледного, как мел, Эрианна. Якобы они не сумеют воспользоваться Силой без их проклятого наставника! Теперь погляди, что осталось от моей армии, и подумай трижды, прежде чем открыть пасть еще раз!
- Парочка удачно составленных заклятий еще ни о чем не говорит! запротестовал Эрианн. Просто кто-то у них хорошо владеет заклинаниями Живой Природы! Мы ошиблись, бросив в бой чудовищ, которых они смогли подчинить, но кто же мог знать!.. В магии Стихий, ручаюсь, они нам не соперники. Их Воздушный Щит куда слабее нашего...
- ...Их Воздушный Щит с успехом отражал наши удары едва не целый день! отрезал Исенна. Потеряв интерес к бесплодному спору с Ладрейном, он повернулся спиной к нему и окликнул: Зокарр!
 - Да, Исенна, угрюмо отозвался могучий седобородый дверг.
 - Сколько у тебя «саламандр»?
 - Теперь? Не знаю. Не более полусотни.
 - Когда они будут готовы к бою?
 - Не раньше завтрашнего утра, хмуро ответил подгорный вождь, донельзя

удрученный потерей своих драгоценных катапульт. — И то, если...

- Утра? Завтрашнего утра?! Я приказываю...
- Приказывай, но сперва послушай, что я скажу, перебил Зокарр Два Топора.

От такой неслыханной дерзости Аллерикс на мгновение опешил, а Эрианн, его сын и находившийся неподалеку Ирваст обменялись быстрыми взглядами.

Дверг тем временем продолжил на лязгающем наречии подгорного народа — поальбийски Зокарр, как и прочие его соплеменники, изъяснялся крайне скверно. Впрочем, и на родном языке речь карлика звучала не слишком дипломатично:

— Этот приказ, Исенна, точно загонит тебя в могилу, уж извини за прямоту, а с тобой вместе и нас всех. Воля твоя, я, конечно, подчинюсь, я тебе на верность присягал. Только если мы и «саламандры» потеряем, можно смело бросаться на собственный меч. Они там, в крепости, еще полны сил, а мои воины только что видели их мощь в действии и, скажу я вам, неприятно поражены. Но вот только что я слыхал, как достойный Эрианн про Магию Стихий чего-то хвалился... А покажите-ка нам, на что способна ваша магия — и подгорному народу, и вашим мечникам полезно будет посмотреть, чтоб смелости прибавить. Вот как в Тиллене, где вы вдвоем безо всяких катапульт стены сносили.

Все без исключения альбы, да и большая часть двергов, присутствовавших при сей отповеди, про себя решили, что едва дерзкий произнесет последнее слово, как будет немедленно испепелен Исенной — такая ярость была написана на лице альбийского вождя. Пожалуй, впервые ему осмелились перечить столь открыто, и кто — наемник, грязекоп! Однако резкие перемены настроения Безумца вошли в поговорку даже среди его собственной свиты. К концу речи Зокарра Альб овладел собой и вдруг, широко улыбнувшись, хлопнул дверга по обтянутому кольчугой крутому плечу:

— Честные и достойные речи! Ты не побоялся спорить со мной, а это случается нечасто. Знаешь, ты был на волосок от смерти только что... — Зокарр Два Топора равнодушно пожал плечами. — Но теперь и я вижу, что погорячился, а ты был прав. Спасибо тебе, мой союзник, мой друг! Только что твоя доля в добыче увеличилась вдвое. Вот тебе иной приказ: отведи своих воинов не меньше чем на фарлонг от первой линии укреплений и не приближайся, покуда я не подам сигнал. То же самое должны сделать и наши командиры — распорядись, Эрианн, пусть отправят гонцов, и приготовься. Сейчас мы вдвоем покажем, на что способна наша магия.

Отец и сын Ладрейны снова переглянулись — на сей раз, в их взглядах читалось недоумение и беспокойство.

* * *

Временное затишье продлилось до темноты — а темнеет летом поздно, и Цитадель получила довольно долгую передышку. С высоких шпилей Серебряных Башен, где творили свое колдовство Хранители Радуги, видно было, как перегруппируются вражеские армии, не делая больше попыток решительного штурма. Немногие уцелевшие требюшеты двергов размеренно взмахивали рычагами, выбрасывая в воздух каменные глыбы и зажигательные шары. Но, хотя Воздушный Щит не защищал более крепость, вялый обстрел почти не

причинял урона. До второй линии обороны снаряды не долетали, когда же дверги попробовали выдвинуть осадные орудия поближе, упавшая с ясного неба молния испепелила две катапульты. Подгорные воины почли за благо убраться подальше.

Носители Алмазов хранили молчание, ничем не ответив на эту выходку Айхалля, и вообще, похоже, удалились за пределы видимости. Разве только до рези в глазах напрягая зрение либо же обострив его с помощью нехитрого колдовства, можно было разглядеть гигантскую тучу серой пыли, прошитую тонкими синими разрядами — она полностью закрывала одну из дальних гор, оттуда доносились тяжкие удары, от коих порой мелко дрожала земля. Судя по всему, там творилась могучая волшба, и эта волшба вкупе с загадочным бездействием альбов не на шутку обеспокоила защитников Цитадели. Обеспокоила настолько, что поднакопившее силы Семицветье решилось на ответную вылазку. Для ночной атаки объединили свои умения старшие Хранители — Аметист, Опал, Рубин и Аквамарин. Полночь, словно огнями фейерверка, вспыхнула тысячью молний, пролилась огненным дождем на расположение осаждающих. В ответ на дальней горе засияла яркая синяя звезда — и струи огня, способные прожигать любую броню, стали гаснуть в сотне локтей от земли, молнии же бессильно растекались по мерцающему голубому куполу, накрывшему лагерь Исенны и Эрианна.

Эльшар, Драконий Всадник, чьи магические таланты позволили столь блестяще обратить против самих завоевателей атаку звериных орд, скрепя сердце вновь послал обоих драконов на разведку. Черный Дийарм и бронзово-золотая Рагита стремительными тенями скользнули в ночь, но очень скоро возвратились, преследуемые по пятам сразу тремя зеленоватыми вихрями — двумя днями раньше подобный смерч расправился с младшим из драконов, Флеймом. В ночной тьме одинаково бесследно растворялись и драконьи силуэты, и их преследователи, но, когда панические мысли крылатых ящеров коснулись сознания Эльшара, владелец Топаза обратился за помощью к Хранительнице Огня.

Возможно, у Иллирет ль'Хеллуаны и не хватило сил пробить защиту, поставленную самим Исенной над воинским лагерем, зато на иные чудеса ее способностей достало с лихвой. Прямо перед хищными смерчами распахнулась стена пламени, сквозь которую невредимыми пронеслись драконы. Тогда и выяснилось, что за создания привел с собой Аллерикс — то, что с шипением и треском сгорало над вторым ярусом Цитадели, более всего напоминало три гигантских пчелиных роя. Стены и улицы оказались усыпаны хорошо прожаренными тушками крылатых и зубастых тварей, похожих на осу, но размером с голубя. Неугомонные йюрч устроили себе дармовую пирушку — подобные существа были хорошо им знакомы и даже считались деликатесом, причем именно в жареном виде. Зверюги прислали в Башни своего представителя с благодарностью лично Рубину и одной-единственной нижайшей просьбой — нельзя ли добавить к осам пару бочонков какой-нибудь приправы, а то лакомство получилось жестковатым...

... После третьего ночного часа странный грохот в горах стих, и катапульты, как по команде, прекратили обстрел. Часть защитников Цитадели получила возможность забыться беспокойным сном, однако хлопотливая деятельность в замке Вершин и льнувшем к его подножию городе не прекращалась ни на мгновение. Мирное население кварталов, беженцы и раненые — весь этот поток, направляемый распорядителями из числа сиидха и йюрч, вливался в Полуденные Врата замка и устремлялся в обширный внутренний двор.

Посреди него горела Тропа — сотканное из призрачного лилового огня полукольцо, напоминавшее огромную дверь, ведущую в неведомое. Белый Двор оставался единственным

местом в Цитадели, которое продолжал укрывать Воздушный Щит. Исход обитателей крепости, начавшийся прошлым вечером, продолжался посейчас, невзирая на полосующие небеса колдовские молнии, грохот рушащихся стен и содрогающуюся под ногами землю. Чародейская война, похоже, пробудила к жизни давно усыпленный вулкан, служивший основанием твердыни. Раньше это вызвало бы всеобщее беспокойство, но теперь мало кто обращал внимание на гулкие толчки.

Паники и толкотни, могущей погубить с таким трудом налаженное отступление, пока не замечалось, однако Сапфир, назначенная заботиться об осуществлении Перехода, еле-еле сохраняла видимость спокойствия. Тропа захлебывалась, словно переполненный водой узкий канал, не в силах пропустить сквозь себя за столь краткое время без малого сорок тысяч душ. А упрямая домашняя скотина, наотрез отказывающаяся входить в переливающуюся оттенками синего и розового глубину портала! А многочисленные узлы, тюки и сундуки со скарбом переселенцев, пусть и составленным из самых необходимых вещей, и припасы на первое время, и оружие, и всякое иное снаряжение! А еще — казна Цитадели, ее собрания древностей, библиотеки и архивы, которым несть числа!

Миррита привлекла к работам всех, кто не стоял на стенах, но вскоре ей пришлось обратиться к Радуге с просьбой выделить еще помощников и известить соратников о том, что большей частью книжного собрания придется пожертвовать — чтобы вывести его полностью, необходим обоз в добрую сотню подвод. Хранительница Сапфира едва не рыдала, глядя на забитые пергаментами шкафы и понимая: фолианты обречены на гибель в огне или тление в укромных тайниках. По желанию Владыки Цитадели таковых соорудили изрядное количество, но требовалось множество рук, чтобы перенести книги в предназначенное им место, после чего Сапфир и несколько доверенных чародеев долго и с величайшей аккуратностью настораживали оберегающие ловушки. Золотые монеты и драгоценности укрывали не столь тщательно — пусть достанутся врагам, отвлекая их внимание от подлинных сокровищ крепости.

Занятая неустанными хлопотами, Миррита даже не знала толком, что происходит вокруг Цитадели. Ее слуха достигали разрозненные обрывки сведений, она плохо представляла, день вокруг или ночь, и ей хотелось доподлинно выяснить только одно — как обстоят дела у тех, что проходили мимо нее, исчезая в мареве Тропы. Ведь спустя какое-то время ей самой предстояло уйти этим путем, вместе с остальной Радугой и уцелевшими защитниками Крепости. Ступивший в Портал не сможет вернуться обратно, ему остается только полагаться на мастерство проложившего Тропу чародея, надеясь, что там, на другой стороне, не будет бездонной глади Океана или зыбкой болотной хляби.

О судьбе Наставника Миррита старалась не задумываться, зная, что тогда все начнет валиться у нее из рук, голова откажется здраво соображать и больше от Хранительницы Сапфира не будет никакой пользы. Она едва не засыпала стоя, когда и ее, и всех находившихся в Белом Дворе оглушил разорвавший предрассветную хмарь опостылевший рев боевых рожков осаждающих.

Второй день штурма выдался солнечным и ясным, однако мало кто это заметил — висевшие над Долиной свинцовые облака дыма и гари затмили небо, превращая наступающее угро в вечерние сумерки. На безопасном расстоянии от развалин первой линии укреплений Цитадели тремя широкими клиньями выстроились все уцелевшие и наскоро починенные за ночь «саламандры» двергов — шесть или семь десятков многоножек с раскаленным пламенем внугри. За ними виднелись ровные ряды пеших воинов, а перед линией металлических чудищ громоздилось нечто, смахивающее на курганы из огромных валунов, аккуратно разложенных вдоль всего переднего края готовящегося к атаке альбийского войска. Круг Радуги уверенно предположил, что россыпи обломков являются итогом ночного чародейства Исенны и его присных, однако для какой цели предназначены извлеченные из горных недр камни, оставалось загадкой. Вроде не для стрельбы по останкам Изумрудного и Топазового равелинов — иначе поблизости стояли бы катапульты и требюшеты. Вряд ли Аллерикс и Ладрейн расходовали могущество Алмазов на совершенно бесполезное деяние, но ведь зачем-то им понадобились эти каменные груды?

Ответ пришел спустя несколько ударов сердца, вместе с взметнувшимся над гребнем одной из гор изогнутым высверком ослепительно-белой зарницы. Она коснулась одного из гранитных валунов, зазмеилась к следующему и дальше по цепи, и на глазах потрясенных защитников Крепости мертвый камень обрел подобие жизни.

Слепленные из валунов, глины и щебня громады пришли в движение, сперва медленно, затем все быстрее и быстрее перекатываясь на грубо обтесанных глыбах, служивших им основанием. Несмотря на первоначальную неспешность, оживленные колдовством Исенны камни упорно карабкались вверх по склону и вскоре добрались до былых равелинов Изумрудного бастиона.

Опешившее поначалу Семицветье пустило в ход так замечательно проявившие себя вчера чары наваждения и ослепления, однако сегодня мастерство Эльшара кануло втуне. Можно лишить рассудка живое создание, но как воздействовать на то, что изначально лишено разума и не имеет глаз? Возникшая полоса зыбучих песков также не возымела действия — достигнув ее, камни не увязли, разве что погружались ненамного и продолжали неуклонное движение вперед. Не остановили их и ударившие с бастионов Цитадели молнии, встретившие на своем пути Щит, защищавший каждое из диковинных созданий. Со второго яруса выстрелили по катящимся валунам из «змеиной пасти», но арбалетные стрелы с треском отскакивали от твердой гранитной поверхности. Заработали магические катапульты вроде той, с помощью которой Эвье Коррент некогда продырявил стену арсенала — стремительные сгустки огня обратили в песок с десяток движущихся курганов, но прочие продолжали движение, прямое и неотвратимое.

Громыхающая и поскрипывающая лавина перехлестнула через руины Зеленого и Топазового бастионов, прошла, набирая скорость, по останкам сгоревших казарм, разнесла в щепки те немногие здания, что еще уцелели между первым и вгорым поясом укреплений и со страшной силой врезалась в стены второго яруса, оберегающие Верхний город. Перекатывающиеся булыжники с тупым упорством крушили стены бастионов, прокладывая для армии завоевателей дорогу в недра Цитадели. Появились первые бреши, несколько башен там и тут зашатались, оседая грудами битого камня.

Тогда Семицветье прибегло к последнему средству. В десятке мест над полем боя закурился едкий серый дымок. Брызнули огнем и лавой длинные извилистые трещины, тянувшиеся из подземных недр, преграждая путь живым валунам. Часть таранов рухнула в

клокочущие пламенем жерла, прочие закружились на месте, бессмысленно толкаясь в стены, а огненная стихия Долины Вулканов поглощала их один за другим. Начался захватывающий в своей стремительности и опасности поединок — магия Алмазов запечатывала возникающие прорехи в теле земли, Круг Радуги немедля открывал новые, норовя прочертить их в точности под движущимися курганами. Победа в этой игре осталась все же на стороне Цитадели.

Каменные големы, однако, частично добились цели, ради которой их создавали — разрушили протяженный участок стен второй цепи, не представлявшей из себя столь мощного оборонительного пояса, как лежавшие ныне в развалинах нижние бастионы. Последняя, третья стена, вообще являлась символической преградой, отделявшей постройки Серебряных Вершин от расположенного ярусом ниже города. Создавая свою крепость, Всадник не предполагал всерьез, что когда-либо она подвергнется столь ошеломляющему штурму.

Время показало, что он ошибся — его великая Цитадель в конце концов пала под вражеским напором, и пала быстрее, чем можно было предположить. Но победа, как и рассчитывало Братство Радуги, далась осаждающим слишком дорогой ценой.

... Три клина «саламандр» поползли вверх по склону, выжигая перед собой все живое и неживое, стараясь избегать внезапно рассекающих обманчиво надежную твердь огненных трещин и уповая на прикрывающий их с небес Незримый Щит. Уцелевшие катапульты защитников, перетащенные на вторую стену, упрямо выбрасывали в воздух стеклянные шары, начиненные фиолетовым огнем, способным мгновенно погубить двергскую шагающую махину.

За торившими дорогу железными многоножками наконец тронулось с места так тщательно сберегаемое Исенной для решающего удара войско двергских латников и альбийские дружины. Зокарр Два Топора, не утерпев, отправился в бой вместе со своими сородичами, несмотря на явное неудовольствие Аллерикса, не желавшего, чтобы один из его наиболее верных сторонников покидал ставку. Разубедить предводителя карликов не удалось, и теперь он шагал где-то в первых рядах пешего воинства, а над его головой скрещивались в противоборстве клинки синих молний и огненные стрелы.

К полудню военная удача вроде бы решила улыбнуться нападающим — на Аквамариновом бастионе второго яруса поддерживаемые «саламандрами» дверги захватили четыре главных башни и стянули туда немалые силы латной пехоты, поджидая отставших альбийских союзников. Это краткое ожидание их и сгубило. Очертания закопченных и оплавленных стен бастиона задрожали, словно бы охваченные потоком горячего воздуха над костром, складывающие их гранитные блоки потекли, теряя четкую форму, и прежде чем подоспевшие альбы успели опомниться, двергские воители оказались замурованы в недрах разрушающихся строений. Истошный вопль сотен глоток взлетел над бастионом, внезапно превратившимся в общую могилу, и смолк два удара сердца спустя, когда на месте грозного укрепления вскипело лавовое озеро. Башен более не существовало, но и добрых двух тысяч захватчиков — тоже.

Взорам драконов, упрямо продолжавшим кружить над вершинами окрестных гор в нарушение строжайшего повеления Эльшара, приказавшего им улетать, представала ужасающая и захватывающая картина: три полыхающих копья сомкнутого строя железных многоножек, пронзивших горящее и окровавленное сердце Цитадели, Уцелевшие «саламандры» наглухо увязли в паутине узких улочек города между второй и третьей стеной,

где дома превратились в осажденные крепости, а переулки топорщились наскоро сооруженными засеками, за которыми укрывались снятые со стен «змеиные пасти». Боевое неистовство йюрч схлестнулось с воинственностью двергов, сиидха Черного Роты и альбы Аллерикса сошлись в смертельной пляске отточенной стали.

Шаг за шагом завоеватели и их подгорные союзники, теряя воинов, пробивались дальше, через нескончаемую круговерть схваток за каждую улицу и каждое строение, отчаянно пытаясь прорваться к вратам Вершины. Кровь заливала землю, и в небесах не было покоя. В предчувствии поражения Радуга пустила в ход самые убийственные и разрушительные из известных им заклятий, натолкнувшиеся на столь же яростное и могущественное противодействие Исенны и Эрианна Ладрейна. Воздух над Цитаделью трещал и звенел, пронизанный магией. Крылатые ящеры, и те не остались в стороне: не один десяток вражеских воинов нашел свою смерть в обрушившихся с неба острейших когтях. Лишь после того как Рагита едва не погибла под огненным ливнем, а Дийарму копье, пущенное из баллисты, пронзило крыло, оба великолепных змея вняли наконец приказу Элыпара и устремились к Восходу, прочь от гибнущей твердыни Темного Всадника.

Схватка за город затянулась на целый день, и наступившая ночь не принесла темноты — охваченная огнем Цитадель продолжала сопротивляться, огрызаясь вспышками магических ударов. Уцелевшие отступили в последнее ненадежное прибежище за третьей стеной, в былое жилище своего Повелителя. Освещенные пламенем множества пожаров Серебряные Башни приобрели зловещий кроваво-алый оттенок. Из трех горделивых шпилей оставалось только два — левый снесло точным попаданием, и на его месте торчал уродливый обрубок в зубчатой короне разбитых камней.

Около второго ночного колокола ровное бледно-лиловое сияние в одном из внутренних дворов Крепости начало блекнуть и истаивать. Прежде чем окончательно исчезнуть, оно полыхнуло ослепительной синей вспышкой. На миг высветился каждый кирпич, каждая трещинка в окружающих двор строениях, почти достигшие Врат Серебряных Башен альбы и наемники-дверги зажмурились, пригнувшись в ожидании очередного колдовского удара. Однако более ничего не произошло, и, подбадривая себя воинственным кличем, завоеватели ринулись на штурм надвратного укрепления, где засели немногие оставшиеся в живых воины Цитадели.

* * *

Раннее утро 1 дня месяца Саорх

Даже здесь, на отдаленном холме, слышались наполняющие Долину грохот, отчаянные крики, треск горящего дерева и раскатистые удары таранов — дверги ломали защищенные сетью наложенных чар ворота Вершины. Окончательное падение замка было делом следующего полуколокола, о чем Исенну Феантари известил вернувшийся с поля боя Зокарр Два Топора. Дверг выглядел не лучшим образом — шлем и тяжелые латные доспехи покрыты вмятинами и царапинами, половина кудлатой седой бороды сгорела. Доложившись, Зокарр не спешил вернуться в горнило сражения, один за другим опрокидывая в себя кувшины с

охлажденным вином и зорко поглядывая маленькими глазками по сторонам.

Чем выше над битвой и обособленнее, тем лучше, утверждал Эрианн — и ставку магов устроили на прежнем месте, плоской вершине скалы, откуда открывался вид на все сражение, накрыли вершину магическим защитным куполом, а у подножия выставили плотное кольцо охраны из особо доверенных воинов. Для пущей точности и удобства наблюдения на краю площадки возникла поразительная вещь — повисшее в воздухе стократно уменьшенное изображение долины и Крепости, с тремя ярусами ее бастионов, крепостными башнями, домами горожан и пиками Серебряных Башен. Сотворение маленького чуда принадлежало Бастиану Ладрейну, который ни на миг не отходил от переливающейся красками радуги уменьшенной Цитадели, непрерывно производя в картинке изменения согласно докладам с поля боя. Сведения, доставленные Зокарром Два Топора, немедля отразились в общей картине, в чем дверг пожелал убедиться лично. Под тихие смешки зучаю он даже потыкал в мираж толстым пальцем, с легкостью проникавшим сквозь сотканные из призрачно сияющего тумана стены и башни.

Но, если столкновение холодной стали уже близилось к печальному для защитников исходу, то поединок магов еще продолжался. Хитроумный был уверен, что Круг Радуги не сможет долго противостоять Благим Алмазам — ведь Всадник набрал в ученики сущих детишек и едва успел наставить их в основах колдовских искусств! Еще лет пять тому, когда начали ходить первые разговоры о возможной войне, Эрианн подумывал о том, чтобы склонить на свою сторону кого-нибудь из Семицветья. Однако — редчайший и небывалый случай — его тайные посланцы не добились успеха: Хранители блюли поразительную верность Повелителю Цитадели.

Теперь же выходило, что и сведения об их талантах были изрядно преуменьшены. Радуга стойко сопротивлялась, выдерживая удары, способные в мановение ока развеять в прах небольшой город. Когда молодые чародеи одно за другим одолели три «Похищения жизни», Владыка Лесного Предела даже возымел к ним определенное уважение. Справиться с таким заклятием, особенно если оно создавалось с помощью Великих Алмазов, мог только настоящий мастер. Исенна исходил злостью, но защита крепости не поддавалась, хотя он крушил ее всей своей немалой Силой.

И, в конце концов, Семицветье дрогнуло.

Неразличимая простым глазом схватка чародейских умений, сплетения заклятий, обращения к Стихиям и Сферам не могли продолжаться бесконечно, особенно если одна из соперничающих сторон располагала таким неиссякаемым источником могущества, как Благие Алмазы. Пусть их осталось только два из трех — их возможностей достаточно, чтобы погасить чересчур возомнившую о себе Радугу. А затем... затем подчинить ее себе. Хитроумный колебался, что будет выгоднее: уничтожить прежних носителей Семи Камней, передав самоцветы другим магам, более заслуживающим доверия? Или убедить Хранителей отказаться от столь глупой преданности? Скажем, поставить перед выбором — немедленная смерть или жизнь под рукой нового покровителя. Один из семерых наверняка окажется слабее духом, остальные потянутся за ним. Поговаривают, якобы в ковене заправляет некая решительная девица, подруга Всадника. Изловить бы ее, как справедливо заметил Бастиан. Какое замечательное равновесие установится: коли девчонка захочет сохранить жизнь своему обожаемому Наставнику, она будет покладистой и разговорчивой... и наоборот.

Однако разрешение трудностей со Звездной Радугой — дело будущего. Ныне внимание и изворотливый ум Эрианна направлялись на осуществление иного замысла, также

близившегося к решающей части. Пока все шло безукоризненно: сообщники находились в пределах ставки, охрану наряду с вездесущими двергами несли две свежих сотни, всецело преданных Ладрейнам и ожидающих только условного сигнала, а сам Исенна всецело погрузился в магическое фехтование с защитниками Цитадели.

Отец Хитрости предусмотрительно занял место шагах в десяти за спиной воителя и, воспользовавшись краткой передышкой, зучающее глянул на столь беспечного и доверчивого соратника. Нет, тот ничего не заподозрил. Как же притягательно сверкает Алмаз, заключенный в оправу стальной драконьей лапы! Свой собственный Камень Эрианн превратил в навершие жезла, представлявшего собой золотую древесную ветвь, а Кристалл Олвина возлежал на протянутой ладони, вырезанной из куска редчайшего прозрачноголубого кристалла. Ничего, дайте время, и станет ясно, кому самой судьбой предназначено владеть драгоценнейшим из творений этого мира! Первое препятствие, Корабел с его неуместным благородством, надолго выведено из игры. Второе, Твердыня Всадника, вот-вот падет. Остается свалить третье, последнее и самое грозное.

Исенна стоял неподвижно в вычерченном на камнях магическом круге, Жезл с кристаллом поблескивал в его опущенной вдоль бедра правой руке. Внезапно Безумец вскинулся, и Эрианна на миг охватил безотчетный ужас — вдруг Аллерикс уловил отголосок его размышлений? Он ведь отнюдь не туповатый и целеустремленный рубака, каким предстает на первый взгляд, и с могуществом Алмаза способен управляться ничуть не хуже прочих владельцев Благих Камней... Однако причина беспокойства воителя оказалась куда проще — от дымящейся груды развалин, бывших ворот Цитадели, через заполненную рядами палаток Долину к ставке военачальников приближался небольшой конный отряд. Достигнув подножия скалы и кольца охраны, всадники торопливо спецились. Стража пропустила двоих из прибывших, непреклонно преградив дорогу остальным. Гонцы взбежали по склону, не глядя по сторонам, устремились к высившемуся ожившим памятником самому себе Феантари и слаженным, многократно отточенным движением припали на одно колено в почтительном отдалении. Впрочем, им и не удалось бы подойти ближе — творившаяся магия оставила свой след, образовав вокруг Аллерикса и его соратника кольцо выжженной травы и тронутых дыханием огня камней, пышущих сухим, обжигающим жаром.

* * *

Почуяв близкий трепет некоего чрезвычайно важного известия, начали подходить прочие обитатели лагеря. Появился Зокарр Два Топора вместе с Кельдином Грохотом и еще несколькими высокопоставленными двергами и принялся ожесточенно проталкиваться через строй охраны. Бастиан Ладрейн и помогавшие ему альварские маги оставили хлопоты над призрачной Цитаделью, переместившись ближе к Хитроумному. Среди колеблющихся теней промелькнул бледный и выглядевший чрезвычайно сосредоточенным Ирваст.

— Обитель зла повержена, — подрагивающим от волнения голосом доложил стоявший слева гонец. — Наши войска преодолели сопротивление на стенах, захватили город и овладели замком. Согласно повелению Высочайших, немедленно начаты поиски Хранителей Радуги. Те, кого удалось взять в плен, говорят, якобы владельцы Камней принимали участие в

схватках на городских улицах...

Аллерикс сделал короткий жест, и вестник тотчас умолк. Ставку объяло молчание — никто, даже готовые орать по ничтожнейшему поводу дверги, не решался бросить торжествующий клич, отмечая победу. Крохотная сияющая звезда Алмаза, стиснутая железными когтями, вспыхивала и гасла, отвечая течению мыслей своего хозяина. Наконец внутренний огонь Камня Исенны померк, и гигант в золотой кольчуге выдохнул:

— Вот и все…

Именно этого ждал Хитроумный. Ждал, с такой напряженной яростью вжимая пальцы в гладкую рукоять золотой ветви, что новехонькая светлая кость подернулась мельчайшими трещинами. Теперь или никогда. Слишком долгим, извилистым и трудным стал его путь к этой вершине, чтобы позволить другому завладеть тем, что в мыслях Отец Обмана уже давно полагал своим.

Исенна вскинул голову, на лице его все еще расплывалась широченная торжествующая улыбка, когда Жезл в руке Эрианна Ладрейна плюнул в него сгустком жидкого огня. Воитель не успел ни уклониться, ни выставить защиту — лишь закрылся рукой в латной перчатке, сжимавшей жезл, и отвернулся слегка от стремительной огненной погибели. Магическое пламя окутало его кисть, скользнуло по предплечью, вплавляя в живую плоть звенья позолоченного доспеха, слизнуло половину лица, обратив счастливую улыбку в чудовищный оскал. Роскошные золотые волосы Исенны вспыхнули, и Безумец повалился навзничь, крикнув коротко и страшно. Драконья лапа из полированной стали вырвалась из его пальцев, жалко звякнув о камень.

Одновременно с сухим треском распалась призрачная цитадель, обратившись переливчатым защитным куполом, окружившим Бастиана. Двое придворных магов Аллерикса пали под ударами верных Эрианну мечников, третий успел швырнуть синюю молнию, разбившуюся о защитную сферу Ладрейна, и рухнул со стоном — узкий клинок Ирваста, сына Хетира, дымясь, вышел у него меж ребер. Щелкнула дважды тетива, несколько раз сталь лязгнула о сталь, Зокарр и прибывшие с ним дверги выхватили свои топоры, но в них уже не было нужды — оба гонца и все воины из свиты Аллерикса отдали свои жизни, подручные Эрианна не торопясь вытирали клинки.

Исенна приподнялся с земли, опираясь на здоровый локоть. Он еще не осознал толком, что с ним произошло, не почувствовал боли в обгоревшей руке, котя сверкающее золото кольчуги почернело, а находившееся под ним железо раскалилось докрасна. Впервые за долгие годы их знакомства Эрианн увидел, как на обычно бесстрастном чеканном лице Феантари появилось выражение неподдельного изумления и растерянности. Один широко распахнутый глаз сиял, как сапфир, вместо другого дымилась пустая глазница на обратившейся в обугленную маску правой половине лица. Оглушенный и обожженный, Исенна все-таки нашел в себе силы заговорить, с трудом вытолкнув из перекошенного рта:

- Ты!.. Во имя Творца, Эрианн, почему?..
- Во всем виноват Олвин, пожал плечами Хитроумный. Его сын, озираясь, выискивал затерявшийся в камнях стальной Жезл. Однажды он совершенно правильно подметил, что власть над миром плохо делится на троих.
- Но мы ведь союзники!.. слова вырвались из поверженного гиганта воплем раненого зверя: Ты клялся священной тройной клятвой воды, древа и ветра, скотина!..
- В самом деле? рассеянно пробормотал Ладрейн. Возможно. Прости, обстоятельства изменились. Эй, кто-нибудь, наш вождь тяжко страдает! Окажите ему

последнюю милость. Ирваст!
— Да?
— Прикончи его. Просто убей.
— Как будет угодно Высочайшему, — откуда-то сбоку выскользнул хищно оскалившийся
Ирваст, вооруженный окровавленным клинком, в два шага оказался подле былого сюзерена
и, красуясь, размашистым жестом вскинул лезвие. Даже тяжело раненый, Исенна схватился
было за рукоять своего меча, но обугленная плоть отказалась ему повиноваться — ладонь
разжалась, альб испустил крик гнева и боли.

Меч Ирваста свистнул в воздухе.

Раздался громкий лязг, брызнули искры, и сын Хетира, изрыгнув проклятие, изумленно уставился на клинок, снесенный у самой рукояти. Зокарр по прозвищу Два Топора поудобнее перехватил свою секиру, только что чисто срезавшую отменный альбийский меч, а Кельдин Грохот, словно дохлую крысу за хвост, держал двумя пальцами сверкающий Жезл Дракона, в другой руке сжимая топор. Прочие дверги, коих Эрианн числил в союзниках, не пожалев для подкупа ни золота, ни обещаний, как по волшебству, ощетинились смертоубийственным оружием. На вершине их набралось с десяток, втрое меньше, чем воинов Эрианна, но все в тяжелой броне, и каждый в бою стоил пятерых.

— Как это понимать, Зокарр? — оторопел Хитроумный. — Ведь вы получили золото! Мрачный бородач, презрительно сплюнув ему под ноги, проревел на грубом наречии

подгорных карликов:

- Засунь свое золото себе в зад, Отец Обмана! Ты предал Морехода, предал Ночного Всадника, твои клятвы и пригоршни навоза не стоят! Твой ублюдок и вот этот его прихлебатель, оба твердили, будто Исенне не причинят вреда где их обещания? Теперь я вижу добившись своего, ты и нас предашь, как предавал всегда! Ты мне отвратителен, клятвопреступник, змея о двух ногах, я проклинаю день, когда согласился выслушать твоего гнусного сынка!
- Наемник будет учить нас благородству? криво усмехнулся Бастиан. Кельдин Грохот окинул его тяжелым взглядом:
- Тебя, поганца, поздно уж учить. Вот за ноги над костром подвесить в самый раз. Ох, и потещусь я вскорости...
- Если ты отдашь Алмаз добром, так и быть, я забуду твои слова, едва сдерживаясь, произнес Эрианн. Внизу две сотни моих мечников...
 - ...И три сотни моих, рявкнул Два Топора.

Раздался хриплый хохот. Смеялся Исенна, несмотря на боль и текущую из трещин в сожженной коже кровь.

У Бастиана не выдержали нервы.

— Убейте их! — тонко выкрикнул он. В этот самый миг его защитная сфера, исчерпав отпущенный срок, истаяла. Эрианн вскинул свой жезл, кто-то из двергов метнул кинжал, и на плоской выжженной вершине закипел скоротечный бой.

Когда пляска стали закончилась, на пыльной земле осталось два десятка изувеченных трупов. Однако ни Эрианна, ни его сына не было среди них, и Ирвасту удалось под шумок ускользнуть. Караульщики у подножия видели, как по тропе, ведущей с вершины холма, буквально скатилось полдюжины альбов, из которых один мешком обвис на плечах двух других — двергский кинжал оказался быстрее убийственного заклятия, угодив Хитроумному пониже левой ключицы. Заговорщикам повезло — оседланные кони, на которых примчались

из Цитадели вестники победы, дожидались хозяев у коновязи. Взлетев в седла, беглецы пустили коней в галоп.

Вслед им летел хриплый, безумный смех вперемешку с запоздалыми воплями:

- Догнать! Взять живьем! Они покушались на жизнь вождя! Эрианн, тебе не укрыться от меня я буду искать тебя, найду и убью, я достану тебя, проклятый ты предатель, нет тебе отныне покоя ни на земле, ни под землей!
- ... Эрианн этих криков не слышал. Болтаясь в седле впереди одного из своих телохранителей, недавний соратник Исенны Аллерикса думал только об одном не потерять сознания от потери крови, не выпустить из ладони золотую ветвь. И даже провалившись в беспамятство, он продолжал мертвой хваткой сжимать костяную рукоять в сеточке мелких трещин.

Вихрем пролетели всадники через опустевший палаточный городок, снесли растерявшихся часовых в оцеплении и ушли на Восход, в Альвар и дальше, на границу с Дикими Землями.

Глава пятая

Пепел над мертвой водой

1—8 день месяца Саорх

Наполнявшая воздух мелкая пылевая взвесь обратила видневшуюся в узком оконце луну из золотой в болезненно-красную, налившуюся багрянцем. Каменную пыль не истребили даже хлеставшие два дня и две ночи подряд проливные дожди, затушившие пожары в Крепости и смывшие копоть со стен. Глубокий ров вокруг былого первого пояса укреплений до краев наполнился черной жуткой грязью, по горбатым улицам текли мутные ручьи. Влажный кислый запах горелой древесины проникал всюду, тошнотворным облаком накрыв полуразрушенный город и Серебряные Башни.

Со дня падения Цитадели миновала ровно седмица. Скоро начнется вторая — и все повторится заново. Скрипя, распахнутся запертые ворота бывшей конюшни, ставшей местом заключения защитников крепости. Заявятся крикливые, переполненные самоуверенности дверги. Вытащат наружу и сложат рядком тех, кому не удалось дожить до утра. Карлики начнут бесцеремонно обыскивать покойников, разыскивая пропавшие Камни Радуги и заодно присваивая сохранившиеся украшения. Против этого возмутятся пленные, и, если поблизости не окажется кого-нибудь из воинов Исенны, очень быстро спор закончится еще одной смертью. Альбы, служившие Аллериксу, откровенно недолюбливали своих подгорных союзников и, как правило, запрещали им обирать мертвецов.

Когда закончится возня с умершими, приволокут котлы с похлебкой. Способных работать выгонят наружу. Потянется день, бесконечный, изматывающий, переполненный отчаянием — своим и чужим, с ослепительно четким сознанием полной беспомощности.

Да, ты еще жив, ходишь, говоришь, испытываешь какие-то чувства, но наступит миг — и все это исчезнет. По любой причине: из захваченной Вершины придет приказ Безумца отобрать десяток пленных и вздернуть их на былой главной площади замка, и ты попадешь в их число; надзирающие дверги сочтут тебя подходящим для живой мишени или для неравного поединка... Или, как это произошло на днях, сработает неосторожно задетая ловушка, завалив камнями несчастных, отправленных простукивать стены подвалов в поисках возможных тайников... Мир вокруг перестал быть игрой, плен — настоящий, а не нравоучительное наказание, могущее в любой момент прекратиться по воле родителей.

Единственное, что остается — робкая вера в спасение, да и та скоро исчерпает себя.

За дюжину дней Хасти так и не отыскал принца Аквилонии и его спутников. Кто знает, вдруг одноглазый колдун из Рабиров сам находится в не менее плачевном положении, заброшенный волей собственного чародейства куда-нибудь на Закатный Материк или к временам основания мира? Коннахар уже устал придумывать для себя и собратьев по несчастью ободряющие слова. Все чаще его навещало удручающее своей безнадежностью соображение: похоже, они так и сгинут здесь, вместе с тысячами безымянных воинов завоеванной Астахэнны. Скоро море, до которого отсюда не более двух десятков лиг, ворвется сюда и поглотит Долину — ведь так единодушно утверждают все летописи? Или Крепость сама провалится под землю — недаром же всякий день мелко содрогается твердь под ногами и откуда-то из недр слышится низкий урчащий гул. Местные шептались, якобы это происходит из-за утраты Радуги. Мол, от падения в бездну Цитадель удерживают только могущество Исенны да упрямство былого хозяина — побежденного, но не покоренного...

Отец и матушка учили Конни по возможности сперва обдумывать свои поступки и лишь затем действовать. Он не последовал их наставлениям, а напрасно. Наверное, не стоило отказываться от возможности оставить Цитадель, уйдя вместе с другими беглецами через сиявший в одном из внутренних дворов Портал. Им предлагали, но Лиессин уперся, возражая и доказывая: покинув крепость, они окажутся неизвестно где, одни среди чужих племен. Его поддержал Ротан, до полусмерти опасавшийся затеряться в неизведанных краях. Наследник Аквилонии, выдернутый из горячки боя и не слишком-то хорошо соображавший, уступил доводам приятелей. К тому же во дворе около магических врат они стояли только вгроем. Четвертый из их компании, Эвье Коррент, оставался на охваченных сражением улицах, и они никак не могли бросить его на произвол судьбы. Впрочем, их благое намерение ни к чему не привело — им так и не удалось разыскать Коррента-младшего. Он растворился среди плененных или убитых, и все попытки друзей выяснить хоть что-то о его судьбе ничего не давали.

Стоило ли теперь сожалеть о сделанном? В конце концов, именно благодаря усилиям Майлдафа-младшего они не потеряли друг друга в те яростные и ужасные дни штурма. Но сейчас Конни извелся от беспокойства: ночь перевалила за середину, Льоу давно пора вернуться, а его нет и нет. Конечно, многое зависит от настроения вожака карликов Зокарра и его подданных, но раньше они никогда не задерживали Лиессина так надолго. Может, у них там праздник какой случился?

Льоу теперь частенько уводили в большой общинный дом по соседству с бараком, облюбованный после захвата Цитадели двумя сотнями подгорных воинов. Пару раз к ним наведывались высокие двергские военачальники и даже сам Зокарр — потешить себя пением забавного сиидха, тщетно пытавшегося оскорбить толстокожих карликов. Начало всему положила стычка темрийца с одним из стражников-двергов, неустанно подгонявшим

пленных, растаскивавших обломки надвратных укреплений Вершины. Беловолосый сиидха чем-то таким не понравился надсмотрщику, и тот обругал его на ломаном альбийском наречии, вдобавок вытянув копейным древком поперек спины. Разобиженный потомок Бриана Майлдафа немедленно взвился. В чрезвычайно красочных, местами даже рифмованных выражениях Льоу обрисовал предков злосчастного надзирателя, его потомков, его жену и его самого — самым безобидным в его речениях было словосочетание «бородатая жаба».

Работавшие поблизости только ахнули, ожидая свиста секиры и головы хулителя, катящейся в ближайшую канаву.

Ничего подобного, однако, не последовало. Кряжистый, поперек себя шире, бородач в изрубленной броне оглушительно заржал, спугнув стаю вездесущих ворон-трупоедов, и потребовал еще.

Прежде, чем Коннахар или Ротан успели его остановить, Лиессин, зверски оскалясь, выдал издевательским речитативом пару оскорбительных нидов:

... И чтоб пришла к тебе твоя кончина В обличье престарелой потаскухи Иль демона с ужасного похмелья, Иль, на худой конец, в лице дракона, Что издавна страдает несвареньем. Чтоб ты подох, подлец, в его навозе, Не в состояньи рот закрыть при этом, Чтоб труп твой ели черви с отвращеньем, Тебя недобрым словом поминая, И чтоб в тебя Творец при встрече плюнул, А у тебя слюны бы не сыскалось, Достойно чтоб Кователю ответить...

Дверг сложился от хохота пополам, и в тот же вечер Лиессина увели в лагерь Зокарра. Вернулся он оттуда далеко за полночь, охрипший и совершенно ошалевший, в одной руке сжимая арфу-анриз, а в другой — объемистый мешок, из которого вкусно пахло хлебом, вином и жареным мясом.

Заполучив столь редкостное развлечение, певца-сиидха с острым языком, дверги теперь требовали, чтобы тот являлся каждый вечер и даже разрешили ему не работать наравне с остальными. Приходя обратно в конюшни, Льоу делился с собратьями по несчастью тем, что удавалось стянуть со стола, сам же, ругаясь вполголоса последними словами, валился на лежак и вскоре засыпал. По его словам, дверги были начисто лишены чувства юмора: чем незамысловатее и грубее песня, тем больший восторг она вызывает.

- Я, конечно, знаю трижды по тридцать хулительных нидов, но это уже чересчур, признался он минувшим утром, и злорадно добавил: Ну ничего, ничего, сегодня они у меня попляшут до упаду! Я их заставлю сжевать собственные вшивые бороденки, и...
- Не дразнил бы ты их понапрасну, предостерег Коннахар, но Майлдаф-младший наверняка не внял разумному предостережению...
- Хватит ерзать, все ноги оттоптал, недовольно пробурчал разбуженный Ротан, когда юноша вновь поднялся и попытался выглянуть в маленькое окно. Разглядеть оттуда не удавалось ровным счетом ничего, кроме части бывшей рыночной площади и темных

развалин складов за ней. В ночное время площадь была безлюдна, но уставшие глаза обманывали сами себя, утверждая, якобы замечают какое-то движение. — Сам знаешь, ходить по крепости после заката пленным не разрешается, да и коротышки предпочитают лишний раз ночью не высовываться за порог. Скольких дозорных уже нашли с перерезанной глоткой — десяток, дюжину? Придет он утром, никуда не денется. Слушай, Конни, не спишь, так не мешай другим!

— Я постараюсь, — кротко обещал наследник Аквилонии, возвращаясь обратно и со вздохом устраиваясь на жесткой, едко пахнущей соломе. Приятель вовремя напомнил о причинах, делавших крепость в темное время суток столь опасной: кое-кто из уцелевших защитников до сих пор скрывался в запутанных подвалах под развалинами бастионов, став настоящим проклятием для тех двергов и альбов, коим выпадала участь нести ночные дозоры. Карлики пригрозили, что начнут расправляться с пленными, если резня будет продолжаться и дальше, но, похоже, это не возымело действия. Мало того, недавно кто-то намалевал у входа в срединный из Серебряных Пиков белую восьмиконечную звезду в обрамлении пары крыльев, осуществив свою рискованную выходку едва ли не под самым носом у двух десятков караульных.

Нынешнее местопребывание отпрыска Трона Льва и двух его спутников казалось не таким уж скверным для военнопленных — они устроились в опустевшем конском стойле, соорудив из оставшихся тюков соломы и попон подобия лежанок. Ротан приволок слегка траченную огнем штуку зеленого сукна, ее разрезали на куски, поделившись с соседями, и пристроили на жердях вместо входной занавеси.

По подсчетам Коннахара, в бывшую конюшню загнали около трех с небольшим сотен пленников из числа сражавшихся на стороне Цитадели сиидха. Родовой принадлежностью двоих мальчишек никто не заинтересовался, а родственных им людей здесь не нашлось — по слухам, все они полегли в уличных стычках. Отсутствовали и йюрч, участь которых стала наиболее печальной и жуткой для выживших и оказавшихся в плену.

Зверообразных воителей — уцелело их совсем немного, менее четырех сотен — содержали отдельно, под бдительнейшим надзором двергов. В награду за участие в сражении карлики потребовали выдать им в полное распоряжение — по сути, на расправу — всех йюрч, кого только удастся взять живьем. Вождь победителей согласился на выдвинутые условия с легкостью. Йюрч, вряд ли посвященные в сокровенные тайны Цитадели, не представляли для него никакого интереса, а вот дверги, в особенности Зокарр Два Топора и его соратник Кельдин по прозвищу Грохот, после неудавшегося покушения Эрианна приобрели необычайную значимость, считаясь едва ли не ближайшими советниками Аллерикса. Теперь подгорные жители вовсю осуществляли дарованную привилегию, изобретательно, неторопливо и свирепо расправляясь с давними недругами.

* * *

Коннахар от души надеялся, что тем из йюрч, кого он знал лично и успел привязаться, повезло быть убитыми во время взятия крепости. Цурсога Мохнатое Копье он последний раз видел вечером первого дня штурма, когда защитники крепости покидали разрушенную цепь

нижних бастионов. Йюрч тогда отправил своего юного порученца в Вершины с каким-то, как теперь осознавал Коннахар, совершенно незначащим посланием.

Сиидха, командир стрелковой сотни, которому предназначалось донесение Цурсога, лишь странно взглянул на подростка и отправил того во внутренний двор, куда все еще тянулись последние покидающие крепость беженцы. Возле Портала Коннахар наткнулся на задерганного и измученного Лиессина Майлдафа. Льоу потерял весь свой обычный лоск, его лицо было покрыто пятнами копоти, щегольской тисненый доспех сильно обгорел. Рядом с ним маялся бледный и решительный Ротан Юсдаль, избавившийся от повязок, зато раздобывший где-то кольчугу и короткий меч. По словам последнего, его пытались вывести по Прямой Тропе вместе с другими ранеными. Юсдаль-младший отказался наотрез.

- Я почти здоров и вполне могу держать оружие! прокричал он в самое ухо принцу грохот близкого сражения заглушал все сказанное обычным голосом. К демонам рогатым эту Прямую Тропу! Какого рожна мы там забыли, среди бессмертных сиидха да в Диких Землях? Если уж суждено помереть, так это и здесь нетрудно! Льоу тоже остается, а ты ты с нами или как?
- Я... Я не могу! проорал в ответ Коннахар. Меня отправили с донесением! Мне нужно вернуться назад, на Изумрудный равелин!
- Какой, к свиньям, равелин! рявкнул Лиессин. Над головами с треском лопнула гигантская молния, вокруг завопили, Белый Двор заполнился каменной пылью и гнусной вонью паленого гранита. Сражение шло уже почти у врат замка. Нет больше Изумрудного равелина, принц! Там все горит, «саламандры» прорвались в Верхний Город! Если тебе охота доблестно пасть, составь нам компанию напоследок!

Так Коннахар остался в Вершинах, вместе с Льоу, Ротаном и несколькими сотнями стрелков и мечников-сиидха, до последнего сохранившими верность воинскому долгу. Он видел, как захлопнулась Прямая Тропа за владельцами Семицветья; стиснув рукоять меча, наблюдал, как врата Вершин рассылались под ударами вражеского тарана, и рубился в общей схватке на залитых кровью плитах Белого Двора. Конни приготовился умереть, но и на сей раз судьба оказалась милостива ко всем троим. Они не только не погибли, но даже не получили сколько-нибудь серьезных ран. Юсдаля-младшего вырвала из схватки петля метко пущенного аркана, Льоу оглушили копейным древком. Коннахара, успевшего-таки достать одного своего врага, разоружил ловким финтом невероятно быстрый и гибкий альб в пурпурном доспехе, сбил с ног и вынудил сдаться.

После, придя в себя, Лиессин сказал, что им помогала сама Морригейн, и вознес горячую хвалу богине за избавление от неминуемой гибели. На самом же деле — хотя друзья, конечно, не могли этого знать — благодарить следовало тысячника Исенны, чьи воины штурмовали Вершину. Предполагая, что среди защитников замка кто-то наверняка должен знать о судьбе Кристаллов, сей военачальник отдал приказ захватить возможно больше пленных живыми.

За три дня штурма пала не только Цитадель, но разлетелась в прах уверенность Коннахара в том, что ему кое-что известно о войне. В конце концов, полагал отпрыск Трона Льва, на его счету имеются несколько побед над сверстниками на турнирах и даже некоторое участие в подавлении баронского бунта. Последний, впрочем, не заслуживал столь громкого названия — едва под стенами замка показались два легиона под королевским знаменем, мятеж иссяк сам собой, а его зачинщик кинулся выпрашивать прощения у монарха. Отец тогда, помнится, изрядно повеселился, ворча, что верноподданные поторопились его

хоронить, и что даже на седьмом десятке лет он отнюдь не потерял былой хватки. Весь краткий поход Конни пребывал в состоянии полнейшего восторга, по-детски наивно сочтя военные действия похожими на красочное празднество, с яркими флагами и непременным свершением подвигов.

Настоящая война оказалась страшным и грязным ремеслом. Детские иллюзии развеялись, как дым на ветру, золото парадов сменилось чужой кровью на руках. Порой, слушая ленивую вечернюю ругань караульных за стенами конюшни, где содержались пленные, Коннахар с горечью представлял, что сказали бы его мать и его возлюбленная, увидев его теперь. Он отдавал себе отчет, как сильно изменился, прежние трагедии казались теперь пустыми забавами, а ласковое «Конни», имя, которым его звали друзья и родители — смешным и нелепым.

«Ты повзрослеешь немного, впервые познав женщину, и еще чуть-чуть — впервые потеряв ее; еще капельку, заработав свое первое золото, и станешь совсем взрослым, убив своего первого врага... Не борода делает нас мужчинами, и не меч, и не богатые одежды, но утраты, закаляющие разум и дух... От кого я это слышал? Кажется, отец рассказывал о своей молодости...» — вспоминал Коннахар. Ночами тоска по дому и родным становилась особенно невыносимой, усугубляясь чувством собственной вины. Друзья — честь и хвала им за это — не попрекнули его ни единым словом, но наследник Аквилонии прекрасно понимал: кабы не его стремление любой ценой настоять на своем, ничего подобного не случилось бы. Последовавшие события — лишь рушащаяся лавина, сдвинутая его неосторожным шагом.

Он просидел так еще с колокол, борясь с дремотой и прислушиваясь к звукам, наполнявшим приземистую темную конюшню с низкими тяжелыми балками, освещенную единственным фонарем над двустворчатыми входными дверями. Звуки успокаивали, напоминая о находящихся рядом живых созданиях — невнятные шепоты, вздохи, шорохи, сонное бормотание. Они были мирными и обыденными, в отличие от тех яростных воплей, что разносились по крепости днем, дробясь о стены и отдаваясь в ушах долгим пронзительным эхо. Крики доносились из одного и того же места — загона для йюрч, но порой все обитатели Цитадели, не исключая победителей, замирали, ощущая затягивающуюся на горле невидимую петлю.

Мерзкое чувство длилось два-три удара сердца, затем пропадало, и тогда многие поневоле косились на левый шпиль Серебряных Башен, лишившийся во время взятия крепости своей верхней части. Над изломанной линией зубцов теперь постоянно клубилось облако зыбко искрящегося тумана. Сквозь него отчетливо проступали контуры массивного треножника, сколоченного из длинных толстых бревен, и распластанного на нем силуэта, объятого языками призрачно-зеленого пламени.

Зловещее сооружение, куда больше подходящее для пыточного подвала, воздвигли на башне вечером четвертого дня после падения крепости, когда состоялось торжественное вступление победителей в захваченный замок. Пленных заставили расчистить дорогу от разрушенных Врат Рассвета до барбикена Серебряных Башен, вдоль которой вперемешку вытянулись отряды двергов и альбов Исенны. Уцелевших побежденных — коих насчитывалось около четырех с небольшим тысяч душ — сперва намеревались держать под замком. Внезапно решение переменилось. Всех пленных, способных держаться на ногах, выгнали наружу. Там их связали попарно, безжалостно скругив руки за спиной, и выстроили вдоль проезда, ведущего к Вершинам — на коленях, под присмотром арбалетчиков и

лучников, способных выпустить три стрелы за два удара сердца.

Шествие получилось мрачное. Коннахара — и не его одного — поразило, что возглавлявший колонну вождь победителей ехал в полном одиночестве. Казалось, даже свита стремится держаться от него подальше. Об уходе Олвина Морехода слышали все, но куда подевался другой верный соратник Аллерикса, Эрианн Ладрейн? И почему величественная фигура на тяжелом белом коне, наглухо закованная в сияющие доспехи, держится так прямо, будто опасается совершить лишнее движение? Еще принц подметил меч, перевешенный на правое бедро, и то обстоятельство, что альб сжимал поводья левой рукой, держа правую несколько на отлете. Стало быть, решил он, при штурме Исенну серьезно ранили, и рана еще не зажила. Коннахару удалось мельком заглянуть в лицо покорителя Черной Твердыни — твердое, чеканное, неестественно красивое, больше напоминающее мраморную маску, оправленную в золото. А тот словно бы не замечал ни рядов пленных, ни собственных воинов, выкрикивающих приветствия — бесстрастной статуей Аллерикс Феантари проехал мимо тех и других, скрывшись в проеме наскоро сооруженной на месте былых Полуденных Врат Вершины деревянной арки триумфаторов.

Зато ведомого в середине колонны пленника отлично разглядели все — как того и добивались победители.

Создатель и былой сюзерен Черной Цитадели вернулся в свое владение — на цепи, сковывавшей его руки и крепившейся другим концом к ярму на загривке чудом уцелевшей после недавнего штурма бронированной твари. Зверюга, подпихиваемая со всех сторон острыми пиками в руках окруживших ее двергов, шла неохотно, мотая рогатой башкой и взревывая. Следовавшего за ней человека Коннахар и его друзья рассматривали с болезненно-жгучим любопытством, хотя и понимали, что в точности уподобляются деревенским ребятишкам, сбежавшимся поглазеть на бродячих фигляров с прирученным медведем.

Всадник Ночи, о существовании и деяниях которого до будущих времен дошли только отголоски путаных и маловразумительных легенд, имел облик вполне обычного мужчины из рода людей, довольно высокого и хорошо сложенного. По мнению принца, хозяину Цитадели с виду было лет тридцать или немногим меньше — если бы возраст воплощенного божества мог исчисляться обычными годами. В плену у Аллерикса с ним не слишком церемонились: увлекаемый натягивающейся рывками цепью, он изрядно прихрамывал, а его одеяние больше напоминало какие-то лохмотья. Однако сломленным и угнетенным своим поражением Всадник не выглядел и голову с тяжелой гривой растрепанных иссиня-черных волос пока еще держал высоко. Вокруг него иногда вспыхивал тускло-зеленый ореол порхающих искр, похожий на осиный рой — так представало действие заклятия, лишающего жертву возможности творить, какие бы то ни было чары. Пару раз Владыка Твердыни споткнулся на камнях, едва не потеряв равновесия, и огрызнулся на карлика, ткнувшего его в спину навершием секиры.

Цепочка всадников и пеших воинов постепенно втянулась в пределы замка, пленных разогнали на работы — надсмотрщики из числа двергов были в тот день особенно злы, — а к закату стало ясно, для чего на Серебряном Пике установлен деревянный треножник и какую судьбу уготовил Исенна Аллерикс побежденному сопернику. Темного Роту вздернули на бревне, его тень стала продолжением тени башни, медленно двигаясь по развалинам крепости вслед за перемещением солнца по небосводу. Юсдаль-младший как-то осторожно обмолвился, якобы казнимые таким способом люди редко протягивают дольше двух-трех дней, но плененное создание на вершине башни оставалось в живых гораздо дольше. То ли

быстрая смерть врага не входила в планы Исенны, то ли истинная сущность Всадника обернулась против него, не позволяя ему покинуть этот мир.

Аллерикса после торжеств победителей видели редко. Он обосновался в покоях захваченных Серебряных Башен, не слишком пострадавших от штурма, распоряжаясь через своих подчиненных и большую часть времени проводя на открытой всем ветрам площадке, где находился его пленник.

... Назойливое дребезжащее звяканье надтреснутого гонга раздалось так неожиданно, что Коннахар едва не свалился с сенного тюка. Он все-таки заснул, привалившись к шершавой стене. Ночь тем временем сменилась полагающимся рассветом, лязгали отпираемые снаружи замки на дверях конюшни, внутри раздавались голоса, не проснувшийся толком Ротан сидел и душераздирающе зевал во весь рот — а место Лиессина по-прежнему оставалось пустым. Конни уставился на накрытую драным одеялом лежанку, уговаривая себя не впадать в панику. Может, нынешнее выступление темрийца так понравилось двергам, что они оставили его в своем жилище... или, упаси боги, совсем наоборот?..

- Эй, вы, твари! А ну подъем! низкий раздраженный рев стоявшего в дверях карлика заставил подростков торопливо вскочить. Утро еще не началось толком, а дверги уже принялись доказывать, кто здесь хозяин. Ты и ты, или кто угодно, мне без разницы, живо сюда! Забирайте свою падаль! Да пошевеливайтесь, пока его не сожрало воронье!
- А не заткнуть ли тебе пасть твоей же бородищей? угрюмо буркнул Юсдальмладший. Но тут к ним заглянул один из соседей по несчастью, сиидха, деливший с еще тремя соплеменниками клетушку слева.
 - Кажется, там какое-то несчастье с вашим другом...
- Льоу! Коннахар не понял, выкрикнул он имя вслух или мысленно, обнаружив, что несется через конюшню, расталкивая тех, кому не повезло оказаться у него на дороге. Вылетев из душного полусумрака на яркое солнце, он наткнулся на нечто вроде каменной тумбы и тут же перегнулся пополам от тычка древком секиры подвздох.
- Глаза разуй, немочь бледная! рявкнул карлик, преградивший ему дорогу, и махнул короткопалой рукой в сторону покосившейся пристройки на задах конюшни. Вон туда иди. Там твой певец валяется, смердит от него на целую лигу, так что не промахнешься... Дверг заржал, довольный собой. Если подох порядок знаешь, обыскать и в ров. А ну быстро, бегом, не то еще добавлю!

Из-за сбившегося дыхания Коннахар только кивнул, хотя обычно надзиравшие за пленными дверги требовали при обращении к ним непременно добавлять «почтеннейший», а за проявленное неуважение могли и кулаком проучить.

Отпрыск Бриана и Идрунн Майлдафов лежал под самой стеной, неуклюже свернувшись на боку, весь перемазанный в липкой вонючей грязи. На серых камнях рядом с ним натекла лужица крови, успевшая загустеть — значит, он находился здесь уже два или три колокола. Только непонятно, пришел он сюда сам либо же его притащили и бросили, как сломанную и непригодную в хозяйстве вещь. Когда Коннахар осторожно дотронулся до него, Льоу дернулся и глухо застонал, и принц поспешно отдернул руку, соображая, как поступить и что сделать в первую очередь. Что ж, старший в их компании добился желаемого, выведя своим злословием двергов из себя. Мысль о возможной расплате вряд ли посещала эту бесшабашную голову с белой шевелюрой, теперь свалявшейся в паклю и приобретшей неприятный бурый цвет.

Подбежавший следом Ротан едва не врезался в сидящего на корточках Конни. Узрев печальную картину, он только присвистнул и озабоченно спросил:

- Живой или как?
- Скорее «или как», буркнул Коннахар. Нам нужны носилки... и лекарь тоже не помешал бы, только где ж его взять?
- Придумаем что-нибудь, одним из полезнейших качеств характера Юсдалямладшего была способность отыскивать выход из самой безнадежной, на первый взгляд, ситуации.

Он умчался обратно, к конюшням, а Кони остался дожидаться его возвращения, прислушиваясь к неровному, хрипящему дыханию Льоу. Внезапно, как удар колдовской молнии с ясного неба, ему подумалось — если карлики не удовлетворились тем, что просто всыпали насмешнику, но позаботились, чтобы он впредь никогда не смел раздражать их?..

Косточки в человеческих пальцах так легко ломаются... никому еще не удавалось дерзить или петь, лишившись языка... Последнее соображение бросило Коннахара в холодную дрожь. Он едва справился с желанием трясти приятеля до тех пор, пока тот не очнется и не произнесет хотя бы одно внятное слово.

Пусть ругается, пусть кричит от боли, но хотя бы подаст голос! Молчание для Льоу равнозначно смерти, а он, Коннахар Канах, никак не мог позволить себе потерять еще одного из спутников. Ну, зачем, зачем этому упрямцу понадобилось высмеивать приплюснутый народец? Что они будут делать, если Лиессин так нелепо и внезапно умрет?

Пики над тремя башнями Вершины назывались «Серебряными» с полным на то основанием — их и в самом деле облицевали тонкими серебряными пластинами. Когда рухнул верхний ярус левой башни, осыпавшиеся черепицы веером разлетелись вокруг и, отражая солнечные лучи, походили на крохотные лужицы, расплескавшиеся в самых неожиданных местах. Жадные до драгоценных металлов дверги начали было собирать их, но, собрав часть, плюнули, и блестящие чешуйки размером в ладонь там и сям попадались под ноги. Сам остроконечный шпиль, падая, глубоко ушел в землю острым концом и остался торчать уродливым подобием огромной раковины. Укоротившаяся в размерах башня смахивал на надломленный в верхней трети стебель камыша, выставив напоказ свое некогда потаенное содержимое.

Раньше тут располагался большой округлый зал с множеством окон, напоминанием о которых служили нижние части проемов с торчащими кое-где осколками разноцветных стекол. Сохранился мраморный пол в перекрестьях сине-алых зигзагов, и две большие витые лестницы, пронизывавшие насквозь всю башню. Часть комнат в нижних этажах оказалась вполне пригодна для жилья — после того, как оттуда вынесли груду обломков мебели и потолочных украшений, рухнувших во время сотрясения башни, вымели пыль со щебенкой и расставили вещи, ранее составлявшие обстановку походного шатра Исенны. Разлетевшиеся вдребезги стекла и витражи заменить не удалось, но, поскольку на дворе стояло лето, это пока не причиняло неудобств.

Аллерикс, как и намеревался когда-то, прошел в сопровождении своих Владеющих Силой и двергских воевод по захваченному замку, не выказав особенного интереса к чемулибо из увиденного. Он побывал в Зале Решений, почти не пострадавшей, если не считать пустых оконных проемов, где распорядился перенести громоздкое кресло с зубчатой спинкой на вершину башни, а радужный мозаичный стол изрубить на части и сжечь. Ему показали разрозненные остатки книжного собрания, которое защитники Крепости не успели ни

вывезти, ни спрятать, устроенный в покоях правой башни маленький храм состоявшей на постаменте бронзовой фигуркой лошади, брошенные прямо на лестничной площадке сундуки, полные золотых слитков и драгоценной утвари, однако никто не брался ответить на единственный, заданный очень холодным тоном вопрос Исенны: где камни Семицветья и их Хранители?

Едва Цитадель пала, Исенна приказал наиболее проверенным и толковым своим приближенным, а также немногим уцелевшим магам забросить все прочие дела и любыми средствами искать Кристаллы Радуги. Он занялся бы поисками самолично, но рана, нанесенная Алмазным Жезлом, на три дня погрузила его в полубессознательное состояние — Воитель валялся пластом, из последних сил сдерживаясь, чтобы не заорать от боли, на попечении лучших лекарей обоих племен. Розыскники из кожи вон лезли, работая денно и нощно, не за страх, а за совесть — ведь от их усилий зависел итог всей войны, оправданность или бесцельность чудовищных жертв — но все их старания канули втуне.

Тому имелось множество вполне веских причин.

Хранители могли быть убиты во время штурма, а их тела и находившиеся при них Кристаллы Радуги спрятаны, либо затерялись среди руин Цитадели. Растаскивание обрушившихся зданий и бастионов силами пленных могло занять не день и не луну, а никак не меньше одного-двух полных солнечных кругов. И то — если согнать сюда жителей окрестных покоренных городов да обратиться за помощью к мастерам подгорного народа, умеющим разрушать самые крепкие скалы. Если же кто-то из ковена Радуги остался в живых, то задача становилась еще сложнее. Они могли скрываться в подземельях Крепости — по слухам, внизу тянулся целый лабиринт; неузнанными таиться среди пленников, выжидая удачного момента для побега или нападения...

Перетряхнуть руины гигантского города-крепости представлялось трудом вовсе невыполнимым. Тщательно обыскать каждое мертвое тело, всякий закоулок, разобрать и обследовать рухнувшие постройки, отыскать и обезвредить спрятанные тайники с хитроумными ловушками... Если учесть, что подневольные пленники участвовали в поисках крайне неохотно, а гордые воители-альбы попросту гнушались раскопками, основная работа — после бурных споров, едва не приведших к рукопашной — опять-таки досталась двергам. Поначалу те взялись за дело с большим пылом, рассчитывая вскоре добраться до потаенных сокровищ. Опыта и упорства им было не занимать. Но почти сразу выяснилось, что жадных карликов в первую голову интересуют золотые кладовые и ничего более; к тому же, случалось, в обнаруженном тайнике срабатывала скрытая ловушка, уничтожая алчных грабителей вместе с драгоценным содержимым... Словом, уже на вгорой день стало ясно, что поиск вслепую — не что иное, как бесполезная трата времени и сил.

Мудрые маги пошли иным путем и добились большего успеха... но результаты их изысканий оказались столь ошеломляющи, что не сразу сыскался храбрец, готовый пожертвовать собой и доложить о них Исенне.

Было допрошено более пятисот пленных — в основном те, кого взяли в самом замке, в Серебряных Пиках. На допросы забирали десятками, от зари до зари. Коннахар и Лиессин Майлдаф также попали в. их число, сохранив об этом самые отвратительные воспоминания. Впрочем, Конни и Льоу еще посчастливилось — к ним, как и ко всем допрашиваемым, всего лишь применили Заклятие Ключа, делающее невозможным любую ложь; некоторых к тому же пытали — но и под пыткой, и под властью заклятия ответы звучали одинаково. Та часть допрошенных, которая что-либо знала, в один голос твердила: все три дня штурма, до того

момента, когда армия завоевателей ворвалась в Вершину, в одном из дворов замка стояло некое чародейское творение, «врата, сотканные из огня и тумана», как их описывали. Сквозь него ушла большая часть мирного населения крепости, во множестве уносили какие-то сундуки и ящики, а порой даже протаскивали груженые подводы. Сквозь них же ушли Хранители Радуги, когда стало ясно, что Цитадель обречена. Ушли — и унесли с собой Семицветье, после чего Врата исчезли начисто.

Услышав такое в первый раз, альбы не поверили. Когда рассказы стали повторяться, приближенные Исенны наотрез отказались идти к своему повелителю с подобным известием, здраво утверждая: их жизнь в этом случае можно смело считать завершенной.

Аллерикс незамедлительно впадет в ярость — что с ним в последние дни случается все чаще — и в таком настроении он вполне способен прикончить явившихся к нему с дурными вестями. Возможно, потом он пожалеет о содеянном. Только какой с этого прок жертве его гнева, пребывающей за Гранью? Лестью, общими уговорами и посулами в должности гонца убедили выступить Кельдина Грохота. Угрюмый дверг не боялся ни смерти, ни злости Безумца. По сути, он вообще не умел бояться, также, впрочем, как льстить или угождать. Возможно, именно за это Исенна испытывал к подгорному воителю нечто вроде уважения и выделял его среди остальных.

* * *

Пока коротконогий и массивный дверг преодолевал несколько сотен ступеней, ведущих к самой верхней площадке изящной башни, он изрядно запыхался, несколько раз останавливался перевести дух и напрочь забыл ценные советы и мудреные слова, коими напичкали его в качестве напутствия незадачливые дознатчики. Наверху было хорошо — куда прохладнее, чем у подножия. Кельдин с наслаждением подставил разгоряченный лоб прохладному ветерку, искренне сожалея о невозможности стянуть тяжелую кольчугу вместе со стеганой войлочной поддевкой. День выдался по-настоящему летний, жаркий, солнце палило вовсю, в ярком небе белели редкие облачка. Внизу тысячью дымов курилась разоренная Цитадель. Долина Вулканов лежала перед Кельдином как на ладони, безжалостно перепаханная недавним противоборством титанических сил.

Здесь, на Вершине, двергу прежде бывать не доводилось. Высота вызывала у обитателя подземелий не то чтоб страх, но противную тошноту и слабость в коленях, потому он поспешно отвернулся от изуродованного пейзажа внизу и заозирался в поисках Исенны. Альб обнаружился на самом краю круглой площадки — стоял, заложив за спину руки и склонив голову не то в задумчивости, не то, высматривая что-то у подножия башни. Привычную золотую кольчугу сменила просторная белоснежная хламида, развеваемая ветром, но на неизменном золотом поясе с рубинами по-прежнему висел длинный меч. Довольно шумного появления Кельдина Исенна не заметил, погруженный в свои невеселые размышления.

Еще на площадке, ранее бывшей красивым круглым залом с мозаичным мраморным полом, стояло тяжелое кресло красного дерева, напоминающее трон. Над ним растянули холщовый навес и установили рядом маленький одноногий столик. В дальнем конце былого

зала деловито возились с грудой лязгающего и вспыхивающего на солнце железа трое или четверо двергов из незнакомого Кельдину рода. Один, кряхтя от усердия, раздувал тлеющие угли в большой бронзовой жаровне. В самом начале похода отряд в два десятка подозрительных чужаков явился откуда-то с Полуночи, с Синего Кряжа, предложив свои услуги. Прочие карлики их презирали — пришлецы не участвовали ни в одном из сражений, за щедрую плату занимаясь исключительно выполнением личных поручений Аллерикса и не особенно разбираясь в средствах.

Сбоку, на противоположном краю от замершего в неподвижности Исенны, возвышалось массивное сооружение, отвратительное даже для незамысловатой натуры Кельдина. Дверг прекрасно знал, для чего оно, и изо всех сил старался туда не смотреть — но взгляд его помимо воли нет-нет да и возвращался к зловещему треножнику из толстенных оструганных бревен. Прикованного к бревнам пленника Грохот разглядеть не сумел — вокруг того стремительно кружилось переплетение черных, желтых и бурых невесомых лент, похожих на огромных толстых змей. Для полного сходства они еще и негромко шипели. Внутри созданного ими кокона угадывалось судорожное подергивание, и иногда сквозь шелест доносился едва слышный протяжный стон.

Подгорные жители никогда не отличались большим терпением, а молчание затягивалось. Выждав для приличия с десяток ударов сердца, Кельдин громко прокашлялся и решительно шагнул к одетой в белое фигуре на краю пропасти:

- Здесь Кельдин, сын Хотфарра. Я пришел говорить с тобой, Исенна.
- О чем же ты хочешь говорить со мной, Кельдин, сын Хотфарра? спросил Исенна, не оборачиваясь и не переменив позы. Может быть, ты, наконец, принес добрые вести? Вы нашли Радугу? Или хотя бы часть ее?
- Боюсь, мне нечем тебя обрадовать, напускать дипломатического тумана Кельдин не умел и решил сразу перейти к сути. Магических кристаллов, которые вы зовете Семицветьем или Радужным Кругом, похоже, в Цитадели нет.

Сгорбленная фигура в развевающемся белом одеянии явственно вздрогнула, будто от удара.

Медленно, очень медленно Исенна повернулся и откинул глубокий капюшон, скрывавший его лицо. Кельдин Грохот смотрел как завороженный.

На первый взгляд гигант-воитель ничуть не изменился. Те же чеканные, неподвижные черты, пышная грива золотых волос, прихваченных на затылке в подобие конского хвоста. Лишь вглядевшись более пристально и задержав взгляд подольше, да стоя на расстоянии не более пяти шагов, можно было заметить некую странность в этом почти совершенном лице. Когда Исенна говорил, двигалась только левая половина четко очерченных губ. Правое веко не закрывалось, отчего временами создавалось впечатление, будто альбийский вождь заговорщицки подмигивает, а правый глаз своей неподвижностью походил на стеклянный шарик. Что же до роскошных волос цвета червонного золота, то даже самый сильный ветер не смог бы всколыхнуть ни единого волоска — ибо они, как и вся правая сторона лица Безумца, являли собой не более чем искусную колдовскую иллюзию.

Когда на второй день после покушения Эрианна Ладрейна стало ясно, что все искусство альбийских лекарей бессильно перед ранами, нанесенными магией Благого Алмаза, Аллерикс пришел в страшное бешенство. Он готов был изрубить в куски всякого, кто подвернется под руку, а в особенности бесполезных целителей, но не смог удержать меч в сожженной ладони и с трудом стоял на ногах. Тогда он сорвал злость иным способом.

Конная сотня, посланная за стремительно уходившим на Восход изменником Ладрейном, вернулась ни с чем — горстка предателей как в воду канула. Исенна в ярости распорядился казнить каждого десятого из злосчастных охотников. Потрепанное войско Альвара, от начальной численности которого после штурма осталась едва ли четверть, перешло под начало Исенны — но всех уцелевших командиров в чине старше сотника по приказу Безумца обезглавили и заменили новыми, предположительно верными Аллериксу.

В течение длившейся трое суток кровавой кутерьмы никто, кроме лекарей и особо доверенных лиц, не входил в шатер, где за шелковым пологом исходил бессильной злобой раненый Воитель. От имени Исенны в лагере распоряжался Зокарр Два Топора, что едва не послужило поводом для новой распри: альбийские офицеры сочли оскорбительным подчиняться выскочке-наемнику из «сплющенного народца», как за глаза именовали двергов, пусть даже этому выскочке вождь обязан жизнью.

Среди простых мечников поползли невнятные слухи. Говорили, будто Эрианн в решающий момент струсил и переметнулся на сторону Темного Всадника; что Хранители Радуги напоследок прокляли обоих вождей; болтали даже, якобы от непосильного напряжения Эрианн тронулся умом и напал на собственного союзника... Поскольку немногочисленные живые свидетели происшествия в ставке, дверги Зокарра и Кельдина, хранили глухое молчание, слухи множились, обрастая самыми невероятными подробностями.

На четвертое угро Исенна откинул узорчатый шатровый полог и вышел к войску. Он приветствовал заранее выстроенное войско краткой воодушевляющей речью, и каждый мог видеть, что вождь по-прежнему крепок, поступь его легка и упруга, как раньше, и в седло могучего боевого коня он взлетел так же легко, как всегда. Немногие обратили внимание на перевешенные на правое бедро ножны, и уж совсем никто не углядел перемены, произошедшие в облике Воителя. Лишь лекари, пользовавшие раненого, знали подлинные обстоятельства возвращения Исенны к жизни. Но они, все трое, увы, вдруг куда-то запропали, и сколь ни искали их — впрочем, довольно вяло — так никого и не нашти...

Там, где оказалось бессильно искусство врачевателей, помогло волшебство. Исенна вновь, как к последнему средству, прибегнул к мощи Алмаза. Однако магией Целительства он владел не столь виртуозно, как разрушающей Силой Стихий, а может быть, эти раны вообще не подлежали исцелению — хотя рука действовала, обугленная кисть так и осталась стянута уродливыми рубцами, тянувшимися вверх по руке до самой ключицы. Правый глаз выгорел начисто, левый порой затягивался мутно-алой пеленой. Оставалась еще слабая надежда, что со временем природа Сотворенного возьмет верх, и раны заживут сами собой. Сейчас же Феантари следовало постоянно сдерживать свой бешеный нрав, иначе сотканное наваждение начинало таять, открывая неприглядную истину.

Вот и теперь — на глазах у Кельдина фальшиво-благородные черты дрогнули, подернулись рябью, поплыли, и на дверга глянула жуткая половинчатая рожа демона.

Безумного демона. И очень, очень опасного.

- Что ты сказал, карлик? прорычал демон, прожигая Грохота пылающим взглядом и угрожающе придвигаясь. Что значит «нет»?! Ты... ты смеешься надо мной, ничтожество?! Объяснись, или я велю разрезать тебя на куски, клянусь Предвечным!..
- Смерти я не боюсь, Исенна, и смеяться над тобой не собираюсь, ответил дверг со спокойствием, которого вовсе не ощущал. Близкое соседство Исенны Безумного даже самых стойких заставляло нервничать. Выслушай сперва, а уж потом можешь казнить, если

- угодно.
 - Говори, но если…
- Твои маги допросили уйму пленных почитай, каждого десятого. Так вот, они, пленные то есть, талдычат одно: Семицветье, а вместе с ним горожан, и все, что было самого ценного в Цитадели, вывезли через колдовские врата. Я в этих штуках, сам понимаешь, не силен. Слова «прямая дорога» или «прямая тропа» говорят тебе что-нибудь?

Исенна качнулся назад, будто Кельдин крепко толкнул его в грудь. Демонская личина на одно мгновение из гневной превратилась в растерянную... нет, скорее это было выражение незаслуженной, несправедливой обиды — словно у ребенка отобрали игрушку. При иных обстоятельствах Грохот рассмеялся бы, но сейчас подобная несдержанность могла стоить ему жизни. В голосе альба, когда он снова заговорил, слышалось горькое недоумение:

- Прямая... Нет, невозможно! Они не могли так поступить... У них не хватило бы сил... Никто из нас не владеет искусством создания Врат, даже Эрианн, искуснейший из носителей Жезлов, только начал...
- Никто из *вас*. Он, рука дверга отмахнула в сторону висящей на бревнах фигуры, вам неровня. Мне не раз доводилось слышать, якобы твой пленник один из творцов этого грешного мира. Если так, то кто знает предел его сил?
- Темный Всадник могуч, но не всесилен! взвился Аллерикс, словно продолжая какой-то давний спор, ведущийся не с собеседником, а скорее с самим собой. Мы захватили его в плен и забили в колодки, как раба! Он не смог отбросить наши армии от стен Цитадели, даже имея под рукой Радужную Цепь!..
- Не смог, согласился Грохот. Или не захотел. Что до рабских колодок, Исенна, так чародейские умения тут ни при чем. Трудновато колдовать, ежели тебя обласкают обухом по затылку, а потом еще десяток ражих мужиков, всем скопом навалившись, выкручивают руки. Ведь так оно было в той палатке, когда вы с Хитроумным затеяли свои, якобы мирные, переговоры?
- Даже если так! огрызнулся альб, явно избегая любых напоминаний о ложном перемирии. Он проиграл битву и теперь беспомощен. Я сделаю из него приманку. Может, Радуга и позволила бежать отсюда тем, кто не мог сражаться, но я никогда не поверю, чтобы Семицветье решилось оставить своего вожака в плену! Нет, они прячутся среди руин, боясь показаться на свет. Я знаю, под крепостью целый лабиринт ходов. Рано или поздно мы выманим их наружу, выкурим, как крыс... Ищите в подземельях! Найдите их, и я не поскуплюсь на награды! За каждого Хранителя, приведенного в кандалах, я отсыплю золотом втрое по его весу...
- Вот как? Хорошо бы они все были толстяками... А вдруг ты ошибаешься, и они не настолько дорожат его жизнью? пожал плечами дверг. Он дал им Кристаллы и научил колдовать. Радуга способна управляться с чарами и сталью самостоятельно, без его помощи мы видели это при штурме. Они бросили его, Исенна. Или он сам повелел им уходить. Мол, ты все равно ничего ему не сделаешь. Даже если оттяпать ему голову или вздернуть на стене, пройдет лет сто, двести, пятьсот и он вернется снова. Он же Рота, Ночной Всадник. Он, как говорят, бог во плоти, живущий на земле... Но разговор-то не о нем, а об этой, язви ее, Прямой Тропе. Я ж ее не выдумал, верно? Пленные твердят...
- Вас обманывают! зарычал Исенна. Они сговорились! Темный Всадник приказал им так отвечать... они могли видеть морок, колдовское наваждение, что угодно... Проклятье, невозможно создать такие Врата, чтоб вывести тридцать тысяч душ за три дня!

— Тогда где они, эти тридцать тысяч?! — теряя терпение, вскипел в ответ Кельдин. — Под землю закопались, что ли?! Пленных мы сотен сорок содержим, но где остальные? Как ты велел, мы всякого ихнего мертвяка мало не догола раздеваем, ищем незнамо что, а твои-то мечники руки марать не желают, только надсмехаться горазды! Так вот, мертвецы все доспешные воины, мирных горожан — один-два на сотню. Громадная крепость, одних кузней два десятка, лавки на каждом шагу, склады, дома, замок — ну, куда жители подевались? Голые камни нам сдали, улизнули через Врата и оставили нас в дураках!

Исенна молчал, глядя в сторону. Ошибочно истолковав его безмолвие как согласие, Кельдин разошелся еще пуще:

— Мне ваши игры, вообще-то, без интереса. Радуги в крепости нет, это наверняка. Если хочешь, мы продолжим поиски, только воины уже сейчас крепко недовольны. Чем дальше обернется, я и думать не хочу. Оно конечно, альбы будут верны присяге, да и мы стараемся держать слово, но сколько же можно? Какого демона мы торчим на развалинах, как бельмо на глазу? А развалины-то трясутся день ото дня все сильнее, огонь внизу ревет, вот-вот проснется... Усмиришь ли ты своей магией лаву, когда она попрет наружу? Условия договора исполнены, пора уносить ноги. Отыскали горстку золота да склады с припасами, твои чародеи разжились уймой горелого пергамента и парой десятков книжек — за это воевали, что ли? Или за возможность подвесить Темного Всадника над жаровней? Так он лично мне ничего плохого не сде...

Из груди Исенны исторгся звериный рев. Утративший осторожность Кельдин и глазом не успел моргнуть — пальцы альба впились в его плечи подобно стальным клещам, и в следующий миг зарвавшийся дверг с ужасом и изумлением почувствовал, как все двадцать стоунов его веса отрываются от мозаичного пола. Некстати ему вспомнилось вдруг, насколько высоки башни Серебряных Пиков.

— Не смей так говорить со мной, червь! — рявкнул альб прямо в физиономию Кельдину, встряхивая тяжеленного дверга, как провинившегося котенка. Исенна был невероятно силен, а сейчас его сила приумножалась гневом. — Не смей учить меня, что и как делать, если не хочешь поучиться летать! И никогда не говори мне, что я проиграл! Я всегда добиваюсь своего, всегда, запомни это накрепко, если жизнь тебе дорога! Добьюсь и теперь! Мне плевать, что болтают пленные! Мне нет дела до вашего недовольства! Я знаю — Радуга где-то в крепости, и я отыщу ее, пусть мне придется искать до скончания времен!

Возившиеся с пыточным железом дверги побросали свои дела и с любопытством уставились на ссору, не делая, однако, никаких попыток прийти на помощь соплеменнику. У Кельдина, чьи подошвы жалко болтались в локте от пола площадки, в глазах начало темнеть, дыхание пресеклось — скрученный кольчужный ворот сдавил горло. Забыв, что сдал все оружие мечникам, охранявшим вход, он судорожно шарил на поясе кинжал.

— Пусти, удавишь... — прохрипел наемник, чувствуя, что теряет сознание.

Еще пару раз тряхнув злосчастного гонца, Исенна с отвращением отшвырнул его прочь, и Кельдин покатился по мраморным плитам, кашляя и растирая шею.

— Убирайся, — бросил Аллерикс, поворачиваясь спиной к двергу. — Ступай к тем, кто тебя подослал. Скажи им, что они рассудили верно, отправив именно тебя — если б те же слова сказал мне кто-то другой, его мертвое тело уже клевали бы вороны!.. Впрочем, постой. Магов, занимавшихся допросами, пришли ко мне, и немедленно. И еще: извести всех — пусть глашатаи донесут мое слово до каждого — никто не двинется отсюда, пока я не получу Самоцветы, — сделав над собой изрядное усилие, вождь альбов заговорил прежним ровным

и уверенным голосом. — Я ощущаю: они спрятаны здесь. Россказни о Прямой Тропе еще ничего не означают. В конце концов, я могу потребовать ответа у того, кому в Личности известно все о тайнах Цитадели.

— Сдается мне, не слишком-то он разговорчив, — вполголоса пробормотал Кельдин Грохот — но так, чтобы не услышал безумец. Хватит с него эдаких задушевных бесед. Покосившись на могучую фигуру в белом и пробурчав нечто, могущее сойти за просьбу удалиться, дверг поспешно нырнул в люк, ведущий прочь с башни Серебряного Пика.

Утешало его во всей этой истории единственное ехидное соображение. Упомянув «горстку золота» и недовольство воинов, Кельдин изрядно согрешил против истины. Исенна мало интересовался всяческим драгоценным добром — а между тем количество захваченных трофеев уже сейчас с лихвой окупало участие наемного войска двергов в этой странной войне. Оружие, золото, самоцветные камни, украшения, несколько подвод удивительной синей стали, секретом изготовления которой владели только кузнецы Черной Цитадели... За такую корысть подгорные жители могли рискнуть задержаться на содрогающихся руинах еще луну-другую, благо всякий день приносил новые удивительные находки. Да и к грязной работе им не привыкать, а вот какие гримасы состроят альбийские чистоплюи, узнав о безумном решении их вождя?..

Глава шестая

За поверженной ратью встанет новая рать...

9 — 13 дни месяца Саорх

История злоключений Майлдафа-младшего выяснилась ближе к ночи, когда он вновь обрел способность здраво рассуждать и внятно говорить. Утром же Коннахар и Ротан, приволочив слабо вздрагивающее тело в барак, первым делом избавили бедолагу от зловонной и изодранной одежды. Затем Коннахар притащил пару ведер студеной воды из огромной бочки, вросшей в землю у входа в конюшню, и они вдвоем, как могли, отмыли Льоу от грязи.

Проделывать все это пришлось в большой спешке, покуда зверовидные надзиратели не погнали пленных на дневные работы. Соседи по несчастью, айенн сиидха, населявшие бывшую конюшню, помогли, чем могли — для пострадавшего каким-то чудом сыскали чистую рубаху и штаны, а один из сиидха, сказавшийся лекарем, наскоро осмотрел раненого.

Вынесенный им вердикт прозвучал неожиданно. Льоу явно был жестоко избит, вся правая половина его лица скрывалась под огромным кровоподтеком, губы напоминали недожаренные оладьи. Даже самое легкое прикосновение к лицу и ребрам исторгало у него болезненный стон... но если злосчастному скальду и грозила смерть, то разве что от чудовищного перепоя.

— А я-то гадаю, чем таким знакомым от него несет, — с отвращением принюхавшись, заявил Ротан. — Вот теперь вспомнил! Отцу по старой памяти на Йоль знакомцы из

Граскааля присылают бочку-другую сгущенного вина. Того, которое дверги гонят у себя под горами. Я как-то пробовал — мерзость редкостная, хотя некоторым из папиных друзей пришлась по душе...

- Ты хочешь сказать, что он всего-навсего мертвецки пьян? мрачно уточнил Коннахар. Он только что переворошил подвернувшейся щепкой кучку грязного тряпья, выудив пришедший в полную негодность длинный шерстяной шарф в мелкую красно-зеленую клетку. Украшавшая его вычурная серебряная фибула с каплями аметистов уцелела. Принц отцепил ее и спрятал, зная, как Льоу дорожит этой вещицей, перешедшей к нему от отца.
- Ну, его к тому же сильно измолотили... но разит от него в точности, как от тех памятных бочонков, Юсдаль поднял очередное ведро, готовясь выплеснуть его содержимое... и тут вытянувшееся на каменном, слегка присыпанном соломой полу тело выгнулось и открыло уцелевший глаз.
- Не лейте больше... утону... или замерзну... шепеляво, но вполне связно пробормотал Лиессин, после чего вновь провалился в тяжелый полусон полуобморок. Расталкивать и расспрашивать его у Коннахара не было ни желания, ни времени хриплые окрики надсмотрщиков уже приказывали всем пленным выстроиться снаружи. Потомок Бриана Майлдафа остался в конюшне, под присмотром раненых сиидха, коим дозволялось не участвовать в тяжком деле растаскивания каменных глыб и обгоревших до черноты бревен.

С наступлением сумерек работы завершились. Коннахару в этот день выпало наравне с двумя десятками собратьев по плену разбивать кирпичную кладку в указанном месте стены какого-то здания в Вершинах: дверги сочли этот участок подходящим для возможного устройства тайника. Никакого секрета не сыскалось, да и врученной увесистой киркой наследник Аквилонии помахивал более для виду — впрочем, так поступало большинство пленников. Бурная деятельность начиналась только при появлении надсмотрщиков, немедля затихая, стоило им удалиться. Неудивительно, что работы шли из рук вон медленно. Разозленные карлики уже не раз наказывали отлынивающих пленных, но толку не добились. Другое дело, что такая работа, тупая и бессмысленная, под непрерывными пинками и оскорблениями надзирателей, выматывала до полного изнеможения.

На обратном пути в конюшни наследнику Аквилонского трона, как и все, еле волочащему ноги от усталости, довелось пройти мимо расчищенной круглой площади. Коннахар несколько раз бывал здесь и прежде, всякий раз задаваясь вопросом — чего ради дверги так старательно убирают отсюда обломки камней? Теперь он смекнул, зачем: карликам понадобилось большое открытое пространство, дабы превратить его в подобие гладиаторской арены. По окружности площадь обнесли решеткой с зубцами по гребню, в середине установили тяжеленный каменный жернов с вделанным в него железным кольцом. Имелись даже зрительские трибуны, сколоченные из первых попавшихся под руку досок и бревен. Сейчас, под вечер, эти грубые скамьи заполняли дверги, явившиеся поглазеть на захватывающее развлечение. Что это было за действо, Коннахар понял с первого взгляда — и похолодел.

Рыча и сквернословя, в круге метался йюрч, прикованный длинной цепью за одну ногу к валуну в центре площадки. Шкура зверообразного воителя отливала солово-желтым цветом, перечеркнутым расплывающимися буро-красными полосами. Принцу показалось, что он узнал Норо Трехпалого, хотя он вполне мог ошибиться — среди йюрч наверняка имелось немало особей подобного окраса. Всей защиты у йюрч было — маленький круглый щиток не

более локтя в поперечнике, а в двадцати шагах от него выстроилось трое или четверо двергов с арбалетами. Щелкали спускаемые тетивы, стрелы с металлическими наконечниками звонко ударяли о вывороченные гранитные плиты... Зрители одобрительно вопили, подбадривая стрелков, арбалетчики обменивались ленивыми замечаниями, неспеша выцеливая живую мишень... Коннахар еще успел заметить, как очередной арбалетный болт вспорол обреченному воину бедро, но тут ближайший надсмотрщик его самого огрел копейным древком так, что помутилось в глазах — а в следующий миг колонна, в которой шел Коннахар, свернула вниз по разгромленной улице.

... Близкое присутствие смерти, своей или чужой, стало настолько привычным, что чувства притупились и выцвели, точно присыпанные пеплом. Отчаяние, надежда, беспомощность, дружеская поддержка, горе, сострадание — в течение дня они настолько быстро сменяли друг друга, что вряд ли у кого достало бы сил уделять внимание каждому из них. День прошел, ты еще жив, и замечательно. А если еще один из твоих спутников вернулся к жизни, то лучшего и пожелать нельзя. К жизни в этот вечер вернулся вдохновенный певец Лиессин Майлдаф. Когда уже в сумерках пленных работников загнали обратно в бывшую конюшню, Коннахар с облегчением увидел, что Льоу пришел в себя и прячется в дальнем темном закутке.

Несколько мгновений принц всерьез размышлял, что будет лучше — обнять вернувшегося в мир живых приятеля или влепить этому приятелю хорошую затрещину по здоровой щеке. Ведь предупреждали же его — не буди лихо, покуда тихо!

— Ожил, герой-сказитель? — буркнул Ротан, без сил валясь на гнилую солому. — Поведай, чем ты так прогневал незлобивый сплющенный народец, что они тебя мало не прикончили? Предложил Зокарру остричь бороду? Сложил скелу о том, как гном сватался к каменной идолице? Ты теперь смахиваешь на Одноглазого Хасти, только помоложе лет эдак на сотню. И разит от тебя к тому же — плескался ты, что ли, в их пойле?

Льоу скорчился в углу стойла, завернувшись в попону, и на вопросы не отвечал. Его колотил крупный озноб, одна половина лица была зеленоватого, другая — черно-синего цвета, левый глаз совершенно заплыл. От предложенной похлебки, в должное время подтащенной к воротам конюшни, как обычно, в огромном медном котле, он с отвращением отказался. Проходившие мимо сиидха бросали на него сочувственные взгляды. В конце концов, тот, что представился целителем, едва не силком заставил Майлдафа проглотить крохотную голубую облатку, затем положил ладони на лоб и на грудь Льоу и пошептал что-то, прикрыв глаза. Целебное действие сказалось немедленно — Льоу вскоре перестал трястись, порозовел и даже смог влить в себя пару ложек сомнительного варева.

- Говорят, якобы у двергов напрочь отсутствует чувство прекрасного, многозначительно рассуждал Ротан Юсдаль, созерцая, как Лиессин неуклюже управляется с ложкой распухшими пальцами. Врут, должно быть. Все-таки ты им пришелся по душе, иначе они б тебя живым не отпустили. Да и вообще, тебе несказанно повезло.
- Так что случилось? Коннахар присел напротив, старательно отводя взгляд от стянувшейся на сторону и полиловевшей физиономии приятеля. Кроме синяка и опухоли, щеку Льоу от глаза до подбородка пересекали глубокие запекшиеся ссадины видимо, ему с размаху заехали по губам латной рукавицей или чем-то похожим. Не хочешь говорить?
- Скорее не могу, с усилием произнес Майлдаф-младший и закашлялся. Ладно, признаю, я сам виноват. Уж очень хотелось допечь коротышек.
 - Поздравляю, ты своего добился, одобрил Ротан, тщательно вытирая свою миску

- огрызком хлеба. Чем же ты их так, а?..
- «Легендой о Предвечном Кователе», пожал плечами Лиессин, изъясняясь по возможности более короткими фразами.
- Легенда о Кователе? недоуменно переспросили за тонкой деревянной стенкой. В соседней клетушке завозились, и над верхним брусом показалась голова и плечи одного из сиидха. Но отчего подгорные жители так оскорбились? Это длинная баллада, красивая на свой манер, хотя и несколько тяжеловесная, как мне кажется... но ничего обидного в ней нет...
- Я... э-э... слегка изменил содержание, прошепелявил Льоу. В «Легенде» говорится о сотворении подгорного народа... Я добавил туда кое-что. Мол, Предвечный Кователь сперва сотворил двергов высокими, красивыми и статными, как и Старший Народ. А потом на радостях упился хмельного меда... Спьяну праотцы двергов представились ему жуткими уродами... Схватил Кователь свой тяжелый молот, размахнулся и ударил, причем попал... С той поры дверги как раз и сделались уродами, как в кошмаре Кователя кривоногими злобными карликами, а заместо вылетевших мозгов Творец напихал им в черепушки чего попало под руку соломы там, глины...

Вокруг захихикали, сначала тихо, потом громче, по мере того, как история передавалась сидевшим дальше. В конце концов, по узилищу покатилась волна здорового хохота, поутихшего только тогда, когда обеспокоенные караульщики замолотили дубинками в ставни. Лиессин сделал паузу, дотянувшись до стоявшего рядом с ним кувшина с водой, отхлебнул и продолжил уже бодрее:

- Клянусь Лугтом и Морригейн, это их проняло. До самых печенок! Они даже галдеть перестали и дружно вытаращились на меня. Вдруг Зокарр, их король или старейшина не знаю, как они его именуют, отрывает свой зад от скамьи и провозглашает: никогда доселе не доводилось им слышать ничего подобного и, пожалуй, не доведется услышать впредь. Он, дескать, считает своим долгом вознаградить столь остроумного скальда и желает сделать это немедленно, собственной рукой... Мне бы сразу заподозрить неладное да шмыгнуть за дверь, а я сижу, довольный как дурак, и жду вдруг и в самом деле чего преподнесут?
- Дождался, оно и видно, хмыкнул Ротан. Лиессин одарил его хмурым взглядом уцелевшего зрачка.
- И вот в зал, где мы сидим, парочка двергов втаскивает здоровенную кадку из чистого серебра и водружает на стол. Над бадьей витает узнаваемый за сто шагов аромат двергского сгущенного вина. Того самого, что разъедает металл и прожигает дырки в граните. Тогда-то я уразумел, как здорово влип, но уж поздно было. Двое громил сгребли меня за шиворот и потащили вручать награду этот их Зокарр рявкнул, что раз уж сам Предвечный Кователь, по моим словам, не гнушался хмельного, то и мне положено. Схватил лапищей за загривок, окунул в лохань и держит, а сам говорит: «Выпьешь останешься жить, утонешь так тому и быть». Ну и я выпил... уж очень жить хотелось... А лицо это когда бадья опустела, Зокарр мне отвесил железной перчаткой. Чтоб, говорит, не поганил своим дрянным сиидхским языком святое... Потом я плохо помню. Кажется, били меня долго, анриз растоптали, скоты... Какая-то тварь на пальцы наступила, хорошо хоть, кости целы. Под конец вынесли куда-то на задний двор, раскачали и швырнули в яму. Воняло там как у демона в заднице. Как выбрался ума не приложу. А может, это я и вовсе не сам помогли, вытащили... Знать бы еще, кто?..

Позже Коннахар вспоминал этот вечер как последний сравнительно спокойный перед последовавшей затем катастрофой.

Утром нового дня в барак доставили, как обычно, скудный завтрак, но на работы никого не погнали. Вместо этого около полудня в забитую до отказа конюшню ворвались надзиратели. На сей раз с ними были альбийские воины. Коннахар уже научился различать захватчиков-альбов по внешности, цветам доспехов и еще десятку признаков и теперь без труда определил, что мечники в синих с серебром кольчугах принадлежали к отборной гвардии самого Аллерикса. Каждого из трех сотен пленных грубо, но тщательно и быстро обыскали. У многих нашли спрятанное оружие — среди руин его валялось в избытке, и коекто не удержался от соблазна тайком сунуть за голенище кинжал. Сыскалась даже пара мечей, укрытых в соломе. Всех, пойманных «на горячем», альбы увели с собой.

Назад они больше не вернулись. Узилище опустело на треть.

Понятно, что надзиратели не делились новостями со своими поднадзорными и старались не допускать никакого общения между заключенными разных бараков, но странным образом пленные сиидха почти мгновенно узнавали обо всем, происходящем в Цитадели, и особенно в Вершинах. Коннахар крепко подозревал, что Старший Народ обладает некой загадочной способностью общаться на расстоянии, не прибегая к устной речи. Уже к вечеру стало известно, что такие обыски проведены повсеместно. Уличенных в малейшем неповиновении, доставляли прямиком в Серебряные Пики, точнее — в тот из них, где безвылазно угнездился Исенна. Что с ними сделали, не ведали наверняка даже всезнающие сиидха... но единственный взгляд в сторону некогда прекрасных и стройных шпилей наводил на мысль о самой незавидной участи.

Спустя еще пару дней обстановка на руинах поверженной Цитадели стала в буквальном смысле огнеопасной. Последствия ужасной раны или же предательство ближайших соратников, а может, предчувствие полной неудачи лишили Исенну Феантари последних остатков разума. Оставив попытки разыскать Семицветье обычными способами, он вновь прибегнул к магии Жезла. Однако, теперь огромную колдовскую силу направлял воспаленный рассудок безумца, и результат не заставил себя ждать.

Синее небо над Долиной Вулканов сплошь затянули тяжелые, свинцового оттенка грозовые тучи. Над Серебряными Пиками эти облака, то и дело прорезаемые блеском молний, образовали подобие бешено крутящейся воронки, в сердце которой таилась непроглядная тьма, подобная окну в вечную ночь. Солнце померкло, и все вокруг окрасилось в мертвенный багрово-сиреневый цвет, какой бывает от зарева далекого пожара. Ни единый порыв ветра не касался поникшей листвы уцелевших в долине деревьев. Земля дрожала почти беспрерывно, и сполохи зеленого колдовского огня денно и нощно метались над вершиной поверженной башни, озаряя зловещий силуэт треножника с распятой на нем человеческой фигурой.

Словно всех этих мрачных знамений Безумцу показалось мало, отголоски творимой в Вершинах волшбы стали уносить жизни, разя внезапно и без разбору, подобно слепой и бесшумной молнии. Дверги и альбы из воинства Исенны без видимых причин падали мертвыми, напоминая в посмертии удавленников. То же самое порой случалось с пленными.

Если до сих пор воинство Аллерикса хранило, по крайней мере, видимость спокойствия, то теперь холодная длань ужаса коснулась даже самых бесстрашных. Одно дело — биться в честном бою с противником из плоти и крови, и совсем иное — покорно и беспомощно ожидать, пока лопнет сердце в тисках неведомой темной силы!

Альбийские командиры, сохранившие остатки былой верности, отправили в Серебряные Пики своих представителей на переговоры с вождем. Исенна принял их, но на увещевания ответил презрительным смехом, а на угрозу мятежа безразлично пожал плечами. Попробуйте убить меня, сказал он, и взойдете на погребальный костер вместе со мной — ведь только сила Алмаза удерживает теперь подземный огонь Долины Вулканов... Военачальники ушли ни с чем, однако, едва спустившись по длинной витой лестнице, рассудили по-своему — сотникам велели спешно сворачивать лагеря. Пусть спятивший вождь ищет Радугу сам. Приказ не затронул лишь несколько сотен мечников, тех, что носили синие с серебром доспехи. Личная гвардия Исенны присягала Аллериксу на Жезле. Душа и тело этих великолепных воинов полностью принадлежали вождю, власть данной ими клятвы превышала и угрозу огненной погибели, и даже страх Живущих Вечно перед самой смертью.

Что касается двергов, то наемники, как всегда, проявили свойственную подгорному народу предусмотрительность. Часть их войска, и немалая, покинула Долину тремя днями раньше — после достопамятной беседы Кельдина с Аллериксом — под предлогом охраны богатого обоза. К ним присоединился и Кельдин Грохот вместе с двумя другими вождями подгорного народа, Терганом и Ярреном Краснобородым. Те, что еще остались, готовы были выступать в любой момент. Эти мешкали лишь по двум причинам: из-за непонятной медлительности Зокарра, повадившегося в последнее время все чаще навещать Серебряные Пики, — и трех тысяч пленных, нескольких сотен йюрч в том числе, вверенных «заботам» подгорных воинов. В последние дни надобность в пленных отпала — Исенне больше не требовались ни заложники, ни рабочая сила, ни материал для допросов. Даже еду в бараки доставляли теперь не каждый день и кормили сущими объедками. Поэтому, когда Зокарр Два Топора, в конце концов, задал Аллериксу вопрос, Безумец отмахнулся с полнейшим равнодушием.

— Они в твоей власти, — бросил он двергу. — Делай что хочешь.

Зокарр откровенно почесал в затылке. Выпустить на все четыре стороны? Ну, уж нет! Во всяком случае, не йюрч, давних и непримиримых врагов. Истребить? Сиидха, безвылазно содержавшиеся в бараках, конюшнях и складах, не могли этого знать, но после ухода Кельдина с большей частью войска тюремщиков на земле Цитадели осталось меньше, чем самих пленных. Устраивать резню при таком раскладе Зокарру было не с руки. Да Тьма Подгорная с ними, решил дверг, запрем покрепче, и дело с концом. Если Исенна своим колдовством все-таки пробудит к жизни дремлющий до поры вулкан, то сложности с заключенными разрешатся сами собой. А вот йюрч... Если подогнать к загону, где их содержат, парочку «саламандр»... Представляя столь приятную картину и посмеиваясь в бороду, дверг двинулся к люку, ведущему вниз с верхней площадки Серебряного Пика.

Коннахар и его друзья не догадывались о расколе среди вражеской верхушки и о решении Зокарра по прозвищу Два Топора. Они не обладали сверхъестественным чутьем сиидха и получали лишь обрывочные известия о происходящем за стенами пропахшей страхом и смертью конюшни, однако они, так же, как и все, чувствовали приближение драматической развязки. В ночь, последовавшую за обыском, четверо сиидха, обитавших в самом дальнем конце барака, бежали через отдушину под потолком — немногочисленные окна к тому времени были прочно заколочены толстенными досками. До этого уже совершалось несколько попыток побега, но все они заканчивались печально. Головы пытавшихся бежать, были облиты черной смолой и выставлялись на шестах возле барака, из которого произошел побег. Однако на сей раз свирепые надсмотрщики вроде бы и не заметили отсутствия четверых поднадзорных, а вечером следующего дня тем же путем в конюшню незаметной тенью скользнула молодая лучница из бывшего отряда госпожи Гельвики. Обитатели барака немедля окружили ее плотной толпой.

Заметив фигуру в темно-фиолетовой короткой хламиде, Коннахар в числе прочих бросился с расспросами. В первую очередь его интересовала судьба тех, с кем ему довелось свести близкое, хотя и краткое знакомство: Цурсога, самой Гельвики, Мизроя, и, разумеется, Эвье Коррента. Лучница отвечала кратко: Гельвика погибла в уличном бою, ее соратница видела это собственными глазами; Мизрой сгорел в арсенале, когда «саламандры» шли через Верхний Город. Юноша из рода людей, старательно описанный Коннахаром и Ротаном, в других бараках ей не попадался. Хотя кто теперь обращает внимание на происхождение соседа по заточению... Принц Аквилонии мысленно согласился: это в первые дни жизни в Цитадели у него вызывала несказанное удивление внешность воителей из рода сиидха, особенно их необычно длинные пальцы и уши с отчетливо заостренными кончиками. Потом он привык и воспринимал эти отличия, как должное. А вот с Цурсогом Коннахара ждал приятный сюрприз.

— Мохнатое Копье будет рад услышать, что ты беспокоишься о нем, — улыбнулась альбийка. — Возможно, вы еще встретитесь, и весьма скоро. И не в плену, это уж точно.

Пришелица поведала узникам еще кое-что, воспламенившее их сердца надеждой, постаралась подбодрить каждого — а под угро вновь исчезла, растаяла, словно дым.

Вот так, сперва, прислав знамение своего грядущего пришествия, настала та самая памятная ночь, круго изменившая участь наследника Трона Льва и его спутников. Ворота конюшни целый день оставались наглухо закрытыми, и вместо окриков караульных снаружи доносился непонятный шум, суета, лязг железа и топот бегущих ног.

Временами глухо рокотал гром. Несколько раз далеко, на самом пределе слышимости, возникал и мгновенно обрывался исполненный отчаяния вопль. Пленники, помня о словах ночной гостьи, почти не разговаривали, внутренне собираясь, точно перед боем. Кое-кто, достав из укромного тайничка незамеченный при обыске кинжал, пробовал на ногте остроту лезвия.

У Коннахара кинжала не было. Он вынул из крохотной захоронки между досками серебряный значок с крылатой восьмиконечной звездой и приколол слева на рубаху. Поглядев на него, Лиессин сделал то же самое со своей аметистовой фибулой. Потомок Бриана Майлдафа почти оправился от недавних побоев, хотя пока напоминал лишь тень прежнего умелого воина и покорителя женских сердец. Ротан отыскал завалявшуюся пряжку от конской сбруи, выковырял с ее помощью сучок из досок на окне и почти не отлипал от щели. Все, что ему удалось разглядеть — воронку в тучах над Серебряными Пиками и

зловещее багряное сияние под ней, пронизанное сетью алмазно блистающих нитей. Юсдальмладший и сам толком не знал, что надеется высмотреть, однако бездельное ожидание под замком в темном, душном помещении с нависающим над головой потолком изнуряло душу не хуже любой пытки. Приземистое здание конюшни мелко подрагивало, скрипя деревянными сочленениями, будто в стены бился сильнейший порывистый ветер.

Несмотря на все старания, Коннахар упустил тот краткий миг, когда за накрепко запертыми створками вспыхнула короткая, занявшая не более десятка ударов сердца и почти беззвучная потасовка. Раньше него это почуяли соседи справа, находившиеся ближе к дверям, и резко вскинувший голову Льоу — хотя последний даже и не понял толком, что его встревожило. Лязгнула, ударив по железной оковке ворот, связка ключей, толстенная створка медленно, без скрипа, отвалила в сторону. В проем скользнул гибкий силуэт, освещенный тусклым пятном фонаря в руке.

— Выходите все, — ясный голос отчетливо слышался во всех уголках конюшни. — Да поживее, пока недомерки не подняли тревоги.

Повторять приглашение дважды не требовалось, и ненужной суеты не возникло — все были заранее предупреждены. Выжившие вопреки всему полторы с небольшим сотни пленников устремились по проходу между стойлами. Наследник Аквилонии и его спутники оказались где-то в числе первой полусотни, и, миновав дверной проем, Коннахар с небывалым наслаждением втянул ночной воздух. Тот отдавал едкой гарью, пеплом и застоявшейся водой, но все-таки это был воздух свободы, а не опостылевшей тюрьмы!

На мощеной площадке перед конюшней, где совсем недавно дверги строили пленников, пересчитывали и частенько устраивали примерные экзекуции, шла быстрая, хлопотливая и явно направляемая опытной рукой деятельность. Из освобожденных составляли маленькие отряды в два-три десятка душ, тут же растворявшиеся в темноте окружающих развалин. Коегде мелькали притушенные лампы со слюдяными окошками, слышались тихие команды и оклики. Сиидха свет, в общем-то не требовался — они сами не раз говорили, что неплохо видят в темноте, но люди замешкались, не зная, куда бежать. Ротан споткнулся обо что-то тяжелое и, глянув вниз, скорее угадал, нежели разглядел закованный в кольчугу труп карлика — одного из караульных при конюшне.

- Вот они! приглушенный, но явно обрадованный возглас прозвучал почти над ухом Коннахара. Звука шагов принц, разумеется, не услышал сиидха передвигались тише кошки. Из сумрака вынырнула давешняя девица, на сей раз вооруженная длинным луком, а следом за ней некто, немедленно заворчавший странно знакомым голосом на аквилонском наречии, услышав которое, Юсдаль-младший едва не прослезился:
- Митра Светоносный, сыскалась пропажа! Ну и извелся я, месьоры, разыскивая вас по всяческим гноилищам! Ага, и горское отродье здесь, благодарение уж не знаю кому, и даже ковыляет собственными ногами. С тебя причитается, Лиессин за избавление от позорной смерти в выгребной яме. Файоли, там всех вывели?

Последняя фраза прозвучала на альбийском. Девица-сиидха на миг склонила черноволосую голову к плечу, словно прислушиваясь к беззвучным репликам, и утвердительно кивнула.

- Эвье, выдохнул Коннахар. Это ты?
- Нет, мой неупокоенный призрак, огрызнулся молодой воитель в темно-алом кожаном доспехе, не имевший, кроме внешности, почти ничего общего с сохранившимся в памяти принца Эвье дие Коррентом, легкомысленным и излишне болтливым придворным

шалопаем, обитавшем в Тарантийском замке. — Держитесь за нами и ради всех богов, древних и новых, не отставайте, а то опять пропадете среди эти треклятых руин. Я тогда вас больше искать не буду, надоело.

Довольно долго они плутали меж наводящих страх развалин с риском споткнуться в темноте, переломав ноги. Когда конюшня, последних две седмицы, служившая местом заточения, скрылась во мраке, Эвье зажег захваченный с собой фонарь, но толку от него было чуть — пятно света размером в ладонь выхватывало лишь отдельные участки кирпичных стен, нагромождения каменных глыб и торчащих деревянных балок. Коннахар уже совершенно отчаялся понять, в какую часть Цитадели их занесло — тускло мерцающие шпили Вершин остались далеко позади — когда лучница по имени Файоли остановила колонну повелительным взмахом руки. Фонарь в руке Эвье мигнул трижды с неравными промежутками, в ответ послышался негромкий переливчатый свист, исходящий, казалось, прямо из огромной кучи битого камня. Файоли снова двинулась вперед и вдруг, как почудилось изумленному Коннахару, утекла прямо в ровную гранитную плиту под ногами. Следом за ней так же сгинули двое сиидха и Эвье, несший фонарь, — а там уже и сам принц разглядел черный квадрат открытого люка и крутую каменную лестницу, уводящую далеко вниз, где еле заметно мерцал теплый оранжевый свет.

* * *

Слухи о тянущихся под Цитаделью катакомбах оказались правдивыми от первого до последнего слова, и даже слегка преуменьшенными. Коннахару показалось, что в этих запутанных, прихотливо соединяющихся друг с другом подземельях вполне может разместиться армия численностью в пять или шесть тысяч мечей, но, наверное, он погорячился в оценках. Их вели длинными коридорами, то выложенными глазурованным желтым кирпичом, то прорубленными прямо в диком камне, освещенными через равные промежутки укрепленными на стенах бронзовыми чашами с трепетавшими язычками огня, мимо ответвлений, за которыми, судя по гулкости эха, тянулись большие помещения. Однажды они пересекли самый настоящий мост, под которым с плеском и журчанием текла забранная в парапет речка. Вокруг, что странно, ощущался не промозглый холод, как обычно бывает в устроенных глубоко под землей потаенных укрытиях, но идущий откуда-то из глубин ровный поток теплого, даже жаркого воздуха.

«Крепость же стоит на усыпленном с помощью магии вулкане, — вспомнил наследник Аквилонии. — Надо же, мы ходили и не подозревали, что у нас под ногами прячется еще один город. Интересно, а завоеватели об этом знают? Дверги-то должны были догадаться, им же только дай куда-нибудь закопаться поглубже и глянуть, не отыщется ли там чего».

Жизнь в подземной части Цитадели била ключом. Коридоры отзывались на перекличку голосов, причем чем ниже спускался отряд, тем чаще навстречу попадались здешние обитатели. Многие, подобно Коннахару, сохранили свои значки, где посредине серебряной звезды горели зеленые, синие или оранжевые камешки, символы погибших бастионов. Часто и раскатисто звякал по наковальне молот, из какого-то прохода долетел ни с чем не сравнимый аромат готовящейся пищи, едва не заставивший Ротана свернуть на

притягательный запах.

- Сюда, выполнявший роль проводника Эвье, наконец, остановился перед вытесанной в камне полукруглой аркой. За ней открывался небольшой сводчатый зал с устроенным в стене очагом, у которого как раз хлопотали две женщины из айенн сиидха. Посредине стоял длинный и даже накрытый скатертью стол со скамьями, а вдоль стен темнело с десяток дверных проемов, где завешенных тканью, а где закрытых дверцами в половину человеческого роста. Из-за одной такой дверцы тут же высунулась чья-то голова, с истинно альбийской учтивостью осведомившаяся: сыскал Эвье свою пропажу или и впредь придется выслушивать его ежевечерние жалобы на жестокую судьбу, разлучившую молодого человека со старинными друзьями?
- Сыскал, Фадин, отстань, отмахнулся Коррент и повернулся к спутникам, примолкшим частично от удивления, частично от невозможности до конца поверить в увиденное. Ведь еще утром они могли в любой миг распрощаться с жизнью, а вечером не только оказались на свободе, но и встретили того, кого в глубине души считали погибшим. Эвье тем временем невозмутимо объяснял, сопровождая слова быстрой жестикуляцией: Значит так: сперва помыться и переодеться. То рубище, которое на вас немедленно в огонь. Через дверь с красной занавесью горячий источник и бассейн. Воды хоть залейся, и кипятить не надо. Новую одежду вам сейчас принесут. Эх, ваше высочество, видели бы вы, на что стали похожи... А уж запах...

Коннахар смотрел во все глаза, не переставая удивляться, и с трудом узнавая прежнего беззаботного мальчишку в стоявшем перед ним деловитом молодом воине. Эвье за минувшие три седмицы раздался в плечах и вроде бы даже стал повыше ростом, альбийский доспех из тисненой кожи сидел на нем как влитой, а из-за правого плеча виднелась истертая рукоять узкого длинного меча. Холеные ладони загрубели и покрылись твердыми мозолями мечника, лицо украшала короткая курчавая бородка, над правой бровью тянулся заживающий шрам. Но самое поразительное впечатление производила не внешность, а то уверенное и несуетливое достоинство, с которым держался Коррент.

- Эвье, спросил Коннахар, улучив маленькую паузу, у вас тут зеркало есть?
- Что? А... Где-то завалялось. Далее: оружие, доспехи и прочее нужное добро подберете сами, это в арсенале от нашего зала налево, второй поворот, бронзовая дверь. Тамошним хозяйством заправляет Рэйлив, обращайтесь прямо к нему. Но это потом. А сейчас, как умоетесь милости прошу к столу. Еда, что там готовят специально для вас. Подадут, когда скажете. Мы с Файоли пока вас покидаем, он состроил извиняющуюся гримасу, нужно устроить остальных прибывших. Мы с ней вроде подручных старшины нашего отряда сделай то, подай это. Вернусь и потолкуем. Да, еще: вот эта и эта кельи свободны. Располагайтесь как угодно.

Он выскочил за дверь прежде, чем кто-либо успел задать хоть один вопрос. Лучница Файоли, кажется, обладала способностью просто растворяться в воздухе — только что стояла у входной колонны, и вот ее уже и след простыл.

— На самом деле нам все это снится, — предположил слегка пришедший в себя Юсдаль-младший, озираясь по сторонам, и заключил: — Но такой сон мне нравится куда больше, чем застенки у двергов.

Дие Коррент объявился где-то спустя колокол. Время было потрачено с пользой и на приятные хлопоты — беглецы, наконец, получили возможность не спеша помыться, переодеться в чистое и истребить хорошо приготовленный обед или все-таки ужин? —

разительно отличавшийся от холодных помоев, которыми потчевали в недоброй памяти конюшне. К приходу Эвье трое недавних узников успели даже занять пустующую келью, вытесанную прямо в скале, но просторную и чистую, освещенную масляными светильниками. Из предметов обстановки здесь имелись четыре узких каменных ложа вдоль стен, выстланные сухим упругим тростником, и каменный же стол, кругом которого стояло несколько табуретов.

Объевшийся Ротан, уступил незаметно подкравшейся сонливости и задремал прямо за столом, пристроив голову на скрещенных руках. Лиессин тоже вовсю клевал носом, но Коннахар был полон решимости устроить приятелю форменный допрос с пристрастием. Скажем, почему госпожа Файоли, навестив барак, ни словом не обмолвилась о том, что прекрасно осведомлена о месте пребывания Эвье?

- Так ведь ты что спросил? Не видела ли она меня среди других заключенных, правильно? Она честно ответила среди заключенных не видела, среди мертвецов тоже. Разумному достаточно, по-моему, хмыкнув, разъяснил Коррент, придвигая ближе высокий стеклянный кувшин, до краев заполненный густой золотистой жидкостью, и тяжелый оловянный кубок. Я с этой их привычкой поначалу тоже намучился. Между прямым ответом и уклончивым айенн сиидха всегда выбирают тот, над которым приходится ломать голову. Кроме того, мы все равно рассчитывали следующей ночью навестить вашу тюрьму, так что мы бы встретились. Меня только две вещи изводили: вдруг вы ушли через Врата или убиты где-то на улицах?
- Ты что, в самом деле, считал, будто мы уйдем и бросим тебя здесь? искренне возмутился Коннахар. И вообще, это не мы потерялись, а ты! Где тебя носило?
- О-о, это длинная и занимательная история из тех, которые, как сказал бы наш вдохновенный друг, — Эвье комично закатил глаза и задвигал руками, словно бы перебирая струны анриза, нужно рассказывать долгим зимним вечером у камина... Поначалу-то я состоял при катапульте на Топазовом бастионе. Служба гордая, но скучная — взвел-выпалил, попал-промахнулся, разве что, пожалуй, попадали мы чуть точнее прочих. Единственное удовольствие — рядом держала оборону стрелковая сотня, я там свел кое с кем знакомство... хе-хе... ну, про то особый сказ... Так вот, когда самое главное началось и бастион заполыхал, мы подхватили то, что можно перетащить на руках, и подались к соседям, на Аквамариновый. Вскоре там тоже стало жарко — с неба посыпались железные шары с пламенем внутри. Мы отступили, засели на втором ярусе и держались до утра второго дня штурма, когда эти ожившие скалы поперли на нас, как бык на тряпицу. С Аквамаринового нас к середине дня вышибли, и ничего не оставалось, как перебираться в Верхний город. Катапульту пришлось бросить, зато «Змеиные пасти» мы забрали, болтов к ним — сколько смогли поднять, да еще к нам прибилась госпожа Гельвика с остатками своих стрелков и десятка два йюрч с Топазового бастиона. Отыскали мы замечательный переулок, навалили засеку из всего, что под руку подвернулось, укрыли за ней три «Змеиных пасти» и приготовились захватить с собой на Серые Равнины как можно больше врагов.

Рассказчик зажмурился и потряс головой, не в силах подобрать верные слова для пережитого и испытанного.

— Прямо на нас вынесло «саламандру», под хвостом у которой болталось сотни три двергов вперемешку с альбийскими мечниками. Я решил — все, конец. Но обощлось! «Саламандры» в узких переулках, считай, все и сгинули — их с крыш закидывали горючими снарядами — мы тоже так поступили, правда, дорого нам далась та сороконожка

громыхающая... Латников сперва проредили из «пастей», а потом йюрч махнули через засеку и сцепились с коротышками в рукопашную. Ничего, отбились. Долго мы там держались, почти до середины ночи. Перекрыли площадь засеками на четыре стороны, стрелков отправили на крыши, к вечеру еще йюрч подошли, с синими и лиловыми значками...

Тут Эвье замолчал. Лицо его омрачилось каким-то неприятным воспоминанием, и он долго, жадно глотал из кубка разведенное вино.

- В Гельвику попали арбалетным болтом, она почти сразу умерла, как свеча погасла... С каждой атакой нас становилось все меньше и меньше. Ближе к утру стало ясно, что нас вот-вот раздавят всмятку, и тут пришла Госпожа.
- Какая Госпожа? дружным хором пожелали узнать наследник Аквилонии и встрепенувшийся Лиессин, безошибочно уловив, что незамысловатый титул надо произносить с заглавной буквы. Даже дремавший Ротан приоткрыл один глаз, прислушиваясь к беседе.
- Та самая, что заправляет всей этой круговертью, Эвье сделал всеобъемлющий жест, включавший в себя подземелья Цитадели с доброй частью Материка, и старательно выговорил непривычное для человеческого языка имя: Иллирет ль'Хеллуана. Королева Огня. Хранительница Рубина.
- Так ведь Радуга покинула Цитадель, медленно произнес Льоу, подавшись вперед весь сон с него как рукой сняло. Оттого, говорят, Безумный Исенна и исходит желчью. Или... или все-таки...

Коннахар же ничего не сказал, вспоминая пролетевший мимо него по стене бастиона опаляющий багряный вихрь. В плеске и кружении алых тканей он тогда не различил облика. Цурсог назвал мелькнувшее видение хозяйкой Твердыни и подругой Владыки Цитадели. Каково сейчас приходится несчастной женщине — всякое утро, день и ночь видеть своего господина и наставника прикованным на верхушке Серебряного Пика? Похоже, эта госпожа Иллирет весьма незаурядная особа с решительным характером, раз не потеряла присутствия духа и умудрилась создать малую армию уцелевших защитников крепости прямо под носом у Аллерикса и его воевод.

- Радуга да, покинула. А Иллирет осталась в самый последний миг. Она «собирала осколки», как Файоли выразилась, продолжил Коррент-младший. Уводила бойцов, кто еще уцелел, в подземелья, чтобы продолжить борьбу. Когда пыль немного улеглась и наверху стало потише, мы стали наведываться в крепость искали, где содержат пленников, считали, много ли воинов осталось у Исенны и двергов, да высматривали, где они разбили лагеря. Вдобавок я еще разыскивал, куда вас угораздило запропаститься. Уже совсем отчаялся, когда прослышал о каком-то языкатом сиидха, поющем для Зокарра Два Топора и его карликов. Мы рассчитывали перехватить тебя где-нибудь по дороге из лагеря Зокарра в ваш загон, Эвье повернулся к темрийцу, но ты, как всегда, по резвости нрава сам все испортил. Волочь тебя мимо альбийских ночных дозоров почти через всю крепость, да еще при том, что ты в любой момент мог завопить спьяну, мы не рискнули. Но теперь я уже сообразил, в каком из бараков вас искать. Файоли вскоре наведалась туда и подтвердила, что вы именно там.
- Допустим, пленных, нас в том числе, вы освободили, подвел итог наследник Трона Льва. Как с ними поступают дальше? И вообще, сколько здесь народу? Тысячи три? Больше?

- Меньше. Подземелья Цитадели не так велики, как может показаться на первый взгляд. Вместе с теми, кто освобожден сегодня вечером а мы ведь не только вас вытащили около тысячи, развел руками Коррент. Но сражаться могут не все, многие ранены. Раненых подлечивают, кое-кого уводят в горы, там есть какие-то тайные тропки, по которым маленькая группа может незаметно просочиться на Полдень. Но большинство остается здесь, портить жизнь завоевателям и выручать тех, кого продолжают держать в плену. Кроме того... он замялся, скосив на друзей испытующий взгляд. Кроме того, Госпожа набирает воинов в отряд для вылазки в Вершины. Она хочет освободить... ну, вы поняли.
- Что? Конни показалось, он ослышался. Ты это всерьез, или вы тут перегрелись и дружно спятили? Меньше тысячи клинков против всего исенновского войска! Да там, в замке, шагу небось ступить нельзя, чтобы не натолкнуться на стражника! И вдобавок там безвылазно торчит Безумец! Не хочу сказать ничего дурного о здешней Госпоже, но ее войско превратится в пепел даже раньше, чем они хотя бы достигнут ворот Башни!
- Ничего-то вы не знаете, сочувственно присвистнул Эвье. Пока вы маялись в своем загончике, здесь многое переменилось. Мы тут болтаем, а тем временем армия Аллерикса бодрым маршем покидает Долину. Не то чтобы они взбунтовались, просто малость поразмыслили и решили больше не рисковать своими бесценными альбийскими головами, выполняя его приказания. Почти все дверги тоже улизнули, прихватив награбленное в здешних кладовых. В Вершинах остались только сотни три Бессмертных Клинков, личной гвардии Исенны. Вы их наверняка видели мечники в бело-синих доспехах, они шли первыми при взятии замка. Эти никуда не двинутся, даже если небо начнет падать на землю, и с ними точно придется сражаться. Еще есть около тысячи двергов во главе с лично Зокарром Два Топора. Что касается Исенны...
- Погоди, погоди! перебил Майлдаф. Ну-ка скажи, прав я или нет ты входишь в этот отряд, что полезет отвоевывать Серебряные Пики? И когда они намерены это проделать?
- Я надеюсь, что меня возьмут, протестующая реплика принца канула втуне, поскольку Льоу с силой пнул его ногой под столом. Вылазка же состоится завтрашней ночью. И знаете, что я вам еще скажу? Вновь Коннахару показалось, что он видит перед собой другого Эвье такого, каким юноша, вероятно, станет лет через пять. Иногда я думаю: если чудо все-таки произойдет и нам дадут возможность вернуться обратно я не уверен, что захочу ею воспользоваться. Странно прозвучит, но здесь, в Крепости, я впервые в жизни почувствовал себя на своем месте. Там, где мне и должно быть. И Файоли здесь ни при чем, угадал он невысказанную мысль сотоварищей. То есть при чем, но не настолько, чтобы совсем потерять голову. Она просто мой друг и соратница.
- Знаем мы такую боевую дружбу, невнятно пробормотал Ротан, доказывая, что дремота отнюдь не мешает ему слушать разговоры по соседству.
- Ничегошеньки вы не знаете, задумчиво повторил Эвье. Впрочем, ладно. Нет, Лиессин, довольно расспросов на сегодня. Вы и так еще не заснули, похоже, исключительно из вежливости. Отдыхайте, а завтра вас ждут обещаю! еще более интересные дела.

Уже в дверях Дие Коррент остановился и с досадой хлопнул себя по лбу:

— Да! Чуть не забыл! Один наш общий знакомец, большой любитель стричь бороды двергам, передает вам горячий привет. Сегодня он прийти не смог — у них с Госпожой какой-то жутко важный военный совет — но завтра с утра навестит обязательно. У него касательно вас какие-то планы. Точно-точно, он сам мне сказал.

Эвье церемонно откланялся — сперва на аквилонский манер, а затем по-альбийски, прижав ладонь ко лбу и к сердцу — и исчез за толстой войлочной занавеской.

- ... Юсдаль-младший провалился в сон, кажется, еще до того, как коснулся тростникового ложа. Коннахар, задув светильники, тоже лег, но сон почему-то не шел. Принц ворочался на своей постели, безуспешно пытаясь понять, что за мелочь мешает ему уснуть, когда из дальнего угла донесся негромкий голос Лиессина Майлдафа:
 - Послушай, Конни... Ты ведь не спишь?
 - Не сплю, откликнулся Коннахар. И что с того?
 - Помнишь легенды о падении Полуночной Твердыни? И о проклятии Безумца?
 - Еще бы не помнить. Сколько манускриптов мы перетаскали из Обители Мудрости...

Коннахар с трудом удержался от истерического смешка. Всего лишь — сколько? — ну да, всего лишь луну тому это было: группа изрядно перепуганных подростков, ночь, корявый магический круг белой краской на паркете и он сам, приносящий "кровавую жертву" — отрубающий голову курице... Делле, гнусавым голосом зачитывающий самодельное заклинание... Совсем недавно — нет, целую вечность тому назад — или восемь тысячелетий спустя... Голова кругом идет. А завтра он и его друзья из Братства Охотничьей Залы, может быть, своими глазами увидят смерть Исенны Безумца и возвращение Темного Роты, увидят, как меняется история мира... Тут Коннахар понял, наконец, что хочет сказать ему Льоу и что не дает уснуть ему самому. Он похолодел и рывком сел на постели, откинув тонкое шерстяное одеяло.

— Ага, дошло, — сказал невидимый в темноте Лиессин. — Понимаешь, очень может быть, что госпожа ль'Хеллуана завтра и впрямь добьется своего. Ты представляешь, что тогда начнется?!

В голове аквилонского наследника с калейдоскопической быстротой замелькали картины, одна другой жутче.

Вот Ночной Всадник спасен, а Безумец повержен в прах... Кровавая Жажда не довлеет над племенами Старшего Народа... Полуночная Твердыня отстраивается заново во всем своем величии, альбы Темного Роты, сохранив могучую силу Семицветья и присовокупив к ней Благие Алмазы, вырванные из неправых рук, становятся безраздельными хозяевами мира... Кхарийцы и атланты не выстроят своих империй, люди не расселятся по бескрайним просторам Хайбории, а если и расселятся, то лишь на правах младших полудиких братьев айенн сиидха... да и называться все это будет не Хайбория, а как-нибудь совершенно иначе, и уж конечно, не будет ни Аквилонии, ни Киммерии, а будет — Альвар, Сембердал, Халарийская Марка... И, наверное, никогда не родится в маленьком горном клане Канах мальчик с именем Конан, который станет потом великим королем Трона Льва, не появится на свет его сын Коннахар...

- Погоди, пробормотал принц. Погоди-погоди... это что же выходит?
- Вот и я думаю, мрачно сказал Лиессин. Что же это такое выйдет?

Разум Коннахара отчаянно пытался найти разрешение вопроса. Спустя двадцать ударов сердца, прошедших в молчании и в беспорядочном кружении мыслей, принцу показалось, что он нашупал-таки правильный ответ.

— Нет, — твердо сказал он, пытаясь унять бешено бьющееся сердце. — Смотри: мы же сами видели, что будет спустя восемь тысяч лет. Мы знаем, что Ночной Всадник изгнан за Грань Мира, Полуночная Цитадель погибла при великом землетрясении, а Проклятие Рабиров произнесено. Если бы история пошла по другому пути, нас бы сейчас здесь не было,

- так? Но вот мы здесь, следовательно...
- Так ведь она еще и не пошла по другому пути, резонно возразил Льоу. Помнишь, нам кто-то рассказывал то ли почтенный Озимандия, то ли отец твоей дамы, Райан Монброн: иногда выпадают такие дни, когда на прямой дороге времени возникает перекресток. Развилка. Без указателей, налево идти или направо. И тогда все целиком и полностью зависит не от воли богов, не от игры случая, а от решения людей, которые будут стоять на этом самом перекрестке. Куда они задумают свернуть туда и побежит дорога. Я только одного опасаюсь, поколебавшись, добавил он, как бы мы и не оказались этими самыми людьми. Мы ведь не принадлежим этой жизни, этому миру, мы тут вообще чужие. Посторонние свидетели, мало заинтересованные в исходе дела. Зато со стороны мы видим все не так, как представляется тем, кто плоть от плоти этого времени. Может, нас потому сюда и закинуло, что мы способны справедливо рассудить, кто прав, а кто виноват. Или какнибудь исправить сделанные ошибки. Или, наоборот, помещать чему-то совершиться...
- Да ну тебя с твоими выдумками! нарочито резко огрызнулся Коннахар, в глубине души опасаясь, что приятель прав от первого до последнего слова. Такие деяния подходят для настоящих героев из легенд, а мы кто? Что мы можем сделать?

Глава седьмая

Проклятие Безумца

Ночь с 14 на 15 день месяца Саорх

— Довольно. Уберите жаровню. Я хочу поговорить с ним.

Подобострастно кланяясь на каждом шагу, заплечных дел мастера бросились выполнять приказание. Унося раскаленную докрасна жаровню с рдеющими на ней углями, один из палачей напоследок приложил обжигающий металл к обнаженному животу своей жертвы. Раздалось явственное шипение горящей плоти, но человек, подвешенный на пыточном станке, не издал ни звука — лишь выгнулся в короткой судороге боли, тряхнув свалявшейся гривой густых черных волос.

— Довольно, я сказал! Проваливай! — рявкнул гигант в белоснежной тунике, приподнимаясь с кресла. Ретивого палача как ветром сдуло. Сгрудившись на дальнем краю круглой площадки вокруг грубого стола с наводящими ужас и отвращение орудиями своего ремесла, мучители боязливо посматривали на того, в чьей руке была их жизнь и смерть — ибо, вздумай Исенна прогневаться на любого из них, полет вниз головой с башни станет для провинившегося самым легким наказанием. Когда-то Исенна нанял маленький двергский клан, презираемый даже соплеменниками за крайнюю жестокость по отношению к пленным чужакам, для выполнения скверной работы, за которую не брались настоящие воины. Он соблазнил их, как и прочих, самой сладкой для подгорного жителя приманкой — золотом. Теперь они жалели, что связались с безумным альбийским вождем, и разрывались между жадностью и страхом. Исенна платил более чем щедро — но при одном взгляде на

изуродованное ожогом и яростью лицо альба самым алчным палачам хотелось оказаться как можно дальше от этой треклятой крепости с ее мрачными тайнами и ужасающим колдовством.

Аллерикс, похоже, не замечал их страха — как не замечал и всего остального, происходящего вокруг себя. Зловещие приметы близкой катастрофы не волновали его, повальное дезертирство собственного войска оставило безучастным. Он вообще потерял интерес ко всему, кроме своего противостояния с Темным Всадником.

Поначалу, в первые дни после того, как треножник из бревен появился на вершине Серебряного Пика, Исенна избегал пыток, стараясь разговорить пленника, вызвать его на беседу. Но человек, подвешенный на цепях, как туша в мясной лавке, не желал поддерживать разговор с клятвопреступником. Правда, он и не молчал. Бывший Хозяин Цитадели не опускался до грубых оскорблений или крика — на крик срывался Аллерикс, не выдерживая ядовитого потока насмешек, произносимых спокойным и ровным, даже немного скучающим голосом. Тогда Исенна распорядился кормить подвешенного на солнцепеке пленника солониной и не давать воды, — сам же при этом, удобно устроившись напротив, под полотняным навесом, потягивал охлажденное вино. Довольно быстро просто сидеть ему прискучило, и он приказал палачам пустить в ход батоги.

Смертного человека или сотворенного альба, даже самого выносливого, подобное обращение доконало бы через два дня на третий. Но Темный Всадник не был ни смертным, ни Сотворенным — он был Творцом, воплощенным богом в человеческом обличье, он умел справляться с болью измученной телесной оболочки. Исенна упрямо требовал одного — выдать Радужную Цепь. Ответы плененного, закованного в кандалы Хозяина Полуночной Цитадели были, напротив, очень разными. Эти ответы, едкие, как яд халарийской гидры, доводили Аллерикса до белого каления, и тогда бессловесные палачи наблюдали странную картину: грозный, почти всемогущий альбийский вождь в золоте и белоснежных шелках стискивает мощные кулаки в постыдном бессилии, а изможденный пленник в изодранных черных лохмотьях отчитывает его, как несмышленого мальчишку, даже не меняясь в лице, когда тяжелая плеть рассекает израненную спину.

Противостояние победителя и побежденного грозило затянуться. Но как раз в эти дни Кельдин принес Исенне известие о Прямой Тропе, равносильное признанию поражения непобедимого воителя. Вот тогда-то здравый рассудок, и без того не всегда свойственный Аллериксу, покинул его окончательно, уступив место черной нерассуждающей злобе. Дверги прибегли к каленому железу и щипцам, пробуя все известные им пытки и изобретая неизвестные. Сам Исенна, как последнее средство, использовал магию Жезла, и это послужило началом конца. Благой Алмаз, отвечая велениям больного разума, выпускал в мир то, что, строго говоря, даже не являлось магией — на прикованного пленника обрушилась воплощенная ненависть, причинявшая неизмеримые муки не телу, но бессмертной сущности Темного Всадника.

Это подействовало. Темный Владыка начал кричать — хрипло, отчаянно, но этот вопль для Безумца звучал сладчайшей музыкой. Именно тогда в Цитадели начались беспричинные смерти, все чаще мелко тряслась земля, кое-где уже прорывался на поверхность подземный огонь, и все шире расходился над Серебряными Пиками страшный мертвый зрачок иномировой тьмы.

В последние дни смысл задаваемых Исенной вопросов несколько изменился. Под давлением непреложных фактов альбийский вождь все-таки поверил в то, о чем ему

толковали собственные маги, военачальники и предводители наемников — в существование Прямой Тропы и исчезновение Радуги. Безумный, выворачивающийся наизнанку рассудок Аллерикса немедля подсказал новый замысел: ежели Всадник и впрямь способен творить столь протяженные и большие Тропы, почему бы ему не повторить содеянное? Не протянуть Тропу туда, где скрылись беглецы из Цитадели? Или — пусть хотя бы укажет направление, в котором совершался Исход. Где беглецы пытаются укрыться от гнева Феантари — может быть, на Полудне, в благословенном краю вечного лета? На Восходе, куда уже давно обращали свои взоры альбийские полководцы, или на стылой Полуночи, владении кочевых племен йюрч и отдаленно похожих на них людей?

О том, что он будет делать — без войска, без союзников — если даже Всадник совершит требуемое и откроет Тропу, Аллерикс не думал.

— … Я хочу поговорить с ним, — далеким голосом повторил Исенна, не отрывая взгляда от бессильно обвисшего в цепях тела, и легко поднялся из глубокого кресла, еще недавно принадлежавшего самому хозяину Полуночной Твердыни.

Исенна зачастую оставался на Вершине допоздна, порой даже после наступления темноты, и тогда — как теперь — пытка длилась не под серым светом дня, а в багровом колдовском сиянии. Но на сей раз даже привычные ко всему палачи умаялись и поглядывали на своего нанимателя с тревогой. Давно минула полночь, руины Цитадели окутались тьмой, лишь кое-где расцвеченной редкими и робкими огоньками, да еще возле двергских казарм двигалось множество факелов. Беспрерывно ворчал гром в низких плотных тучах, вторя частому блеску молний, но за последние два дня этот звук в Черной Цитадели сделался привычным. Альб сделал шаг и как-то сразу оказался рядом с человеком в цепях — несмотря на тяжеловесную фигуру, двигался он с плавной грацией опасного хищника. Жезл Дракона, поблескивая голубыми бликами, свисал с его левой ладони.

— Ты слышишь меня, Всадник? — спросил он негромко, едва ли не вкрадчиво. Когда гигант-альб встал рядом с подвешенным за запястья пленником, их лица оказались почти на одном уровне. — Знаю, что слышишь. И знаю, как тебе больно. Ты, наверное, рад бы потерять сознание, но тут уж твоя божественная сущность обращается против тебя. Не молчи, поговори со мной! Я соскучился по твоему остроумию. Ну же!..

Тот, кого называли Рота-Всадник, медленно поднял голову и взглянул на своего мучителя. Только глаза, серые, как булатная сталь или речная галька, все еще жили на этом лице с резкими, точеными чертами, помертвелом от боли, но сохранившем чеканную мужественную красоту. Запекшиеся губы шевельнулись, породив невнятный хрип:

- Пить...
- Воды, живо! бросил Исенна, не оборачиваясь. Один из палачей торопливо сунул ему в руку металлический ковшик. Пленник пил долго, бесконечно длинными глотками, и благодарно кивнул, выпив все до последней капли:
- Хорошо... Вот не думал, что когда-нибудь буду тебе благодарен. Что, дела идут неважно, а?
- Ты знаешь, чего я хочу, Всадник, по-прежнему вполголоса произнес альб. И я не отступлюсь, пока не получу искомое... или не погибну. Мне нужна Радуга, и я не намерен более ждать.

Видимо, Темный Всадник собирался ответить привычной колкостью, но в последний миг передумал и довольно долго молчал, свесив голову на грудь. Когда Исенна уже решил, что ответа не будет, из-под спутанной массы черных, как смоль, волос вдруг донесся глухой

голос:

- Выслушай меня, Сотворенный, и не перебивай ради собственного же блага. Выслушай в первый и последний раз, пока не поздно. Оглянись вокруг. Ты лишился соратников одного предал ты, другой предал тебя. Ты потерял войско. Твои собственные воины бегут прочь в страхе перед тобой. Все, что у тебя осталось Благой Алмаз, который ты держишь в руке, но ведь и он не всесилен. Половина его силы сдерживает подземный огонь, другая половина сдерживает меня. А теперь подними голову и скажи мне, что ты там видишь. Знаешь, что это?
- Я не знаю, что это, но оно мне не по душе, буркнул альб. Ему не потребовалось лишний раз поднимать взгляд и без того было ясно, что бешено крутящаяся воронка в облаках никуда не делась. Отсюда, с вершины башни, гигантский не меньше лиги в поперечнике магический смерч был виден во всех неприглядных подробностях. Казалось даже, только протяни к небу руку, и коснешься несущихся по кругу туч, ощутимо упругих, подсвеченных изнутри алым болезненным светом.

Наверное, там, вверху, ветер просто чудовищный, внезапно подумал Исенна. И очень холодный. Ледяной.

Он зябко поежился, будто ветер иного мира уже дохнул ему в спину.

- Ты призвал силы, которых нельзя было касаться, и нарушил ткань бытия, продолжал Всадник. Пока еще не поздно закрыть эту дверь. Я могу это сделать, ты нет. И огонь Долины Вулканов тебе не удержать. Освободи меня, оставь свой Кристалл и уходи тогда, может быть, мы сможем что-то исправить. Таково мое последнее слово.
- ... На краткий миг Владыке Цитадели показалось, что Исенна колеблется, что здравый смысл одержал верх над безумной гордыней. Но надежда умерла, не успев родиться. В уцелевшем глазу альба зажегся знакомый фанатичный огонек, и он медленно покачал головой.
- Мое последнее слово нет, ответил Безумец. Игра зашла слишком далеко, Всадник. Если я отступлю, значит, все было напрасно и война, и обман, и дорогая цена, уплаченная мной, он поднял руку и коснулся сожженного лица, и тогда мне нет места под луной и солнцем.
- А если ты не отступишь, то сгинешь сам и утянешь за собой еще тысячи безвинных жертв. Пойми ты наконец, есть законы, которые не дано превозмочь никому!
- Отдай мне то, что я хочу! Каждая пядь этой проклятой земли полита кровью моих воинов. Пусть Семицветье станет вирой за убитых!
- Глупец! Не я развязал эту войну, и не тебе получать с меня виру. Вся эта кровь на твоих руках! А что до Семицветья, то теперь оно, хвала Предвечному, не в моей власти. Я не смог бы отдать его тебе, даже если б захотел. Ты можешь разрезать меня на куски или лизать мне ноги, но не получишь ничего, слышишь ничего! А теперь пошел прочь!

Исенна отшатнулся, будто пленник плюнул ему в глаза, его лицо перекосилось от ненависти. Он поднял Жезл, который сжимал в руке, угрожающе нацелил на Всадника, и неярко мерцающий алмаз в навершии вдруг налился пронзительным синим светом.

— Хорошо! — закричал он. — Будь по-твоему! Я проиграл, и я ухожу — но прежде ты умрешь! Интересно, каково это — убить бога, а?

Темный Всадник вдруг засмеялся. Он хохотал, громко и искренне, вглядываясь во мрак за спиной своего мучителя. Смех оборвался, когда стальные пальцы Исенны стиснули горло пленника.

- Почему ты смеешься? взревел Аллерикс. Что ты нашел смешного?
- Ты дважды дурак, я смеюсь над тобой, прохрипел Рота. Я-то, может, и умру. Но пройдет совсем немного времени, и я возрожусь снова в том же обличье. А вот ты, дурачок, возжелавший власти над миром, так и останешься уродом.

Грозовой разряд полыхнул над самой башней, заглушив яростный вопль Исенны и крики двергов, указывавших на что-то в долине. Там, где находились казармы Зокарра и загон для пленных йюрч, ширилось огненное озеро. Поднявшийся ветер доносил лязг стали и отчаянные вопли сражающихся.

Тяжелая бронзовая крышка люка, ведущего на площадку, вдруг откинулась, пропуская наверх темные фигуры, в руках которых блестела боевая сталь.

* * *

После ухода основных сил захватчиков те, что еще оставались на руинах Полуночной Твердыни, почти сравнялись по численности с силами Иллирет ль'Хеллуаны. Если бы не магия Жезла в руках Исенны — пожалуй, Госпожа без колебаний повела бы своих воинов в бой. Но колдовская сила Аллерикса могла испепелить армию вдесятеро большую, так что честная битва грозила обернуться самоубийством. Вместе с тем и тянуть с вылазкой более было нельзя. Не сегодня — завгра магические выходки Безумца могли закончиться катастрофой, и жизнь Темного Всадника висела на волоске, истончавшемся с каждым днем.

После долгих препирательств на импровизированном совете, предшествовавшем ночному штурму, был выработан рискованный, но единственно возможный план.

Охрану Серебряных Пиков, обиталища альбийского полководца и по совместительству пыточной башни, несли исключительно мечники-сиидха из числа Бессмертных Клинков. Воины в синих с серебром кольчугах и крылатых шлемах дозорами по трое денно и нощно обходили сверкающие шпили. У каждой двери, на каждом лестничном марше спиральных лестниц стояли караульщики с мечами наголо, неподвижные, как изваяния. Ночная тьма не была помехой для бессонных стражей Вершины — сиидха прекрасно видели в темноте, и мало кто мог незамеченным подобраться к такому патрулю ближе, чем на полет стрелы.

Ну, разве что другой воин альбийской крови.

... Трое в крылатых шлемах насторожились одновременно, уловив среди грозовых раскатов и треска осыпающихся камней подозрительный посторонний звук. Один из них сделал шаг, всматриваясь в завалы битого кирпича и горелого дерева, а другой положил ладонь на сигнальный рог, висевший у него на поясе. Ничего более они сделать не успели. Три длинных стрелы разом вылетели из мрака и с ювелирной точностью вошли в глазницы трех шлемов.

Невидимые стрелки не спешили покидать свое убежище. Лишь выждав положенное время и удостоверившись, что шумное падение трех тел в тяжелых кольчугах не привлекло внимания другого дозора, вереница быстрых теней переместилась на сотню шагов ближе к подножию Серебряных Пиков. Здесь, вблизи Вершины, темнота уже не могла служить им надежным укрытием — алое свечение в облаках превращало ночь в мутные багровые сумерки, а караул непосредственно у входа в башню удваивался. Но Иллирет недаром

отбирала для вылазки лучших из лучших. Шестеро Бессмертных Клинков, замерших у двустворчатой бронзовой двери по три с каждой стороны, даже не успели понять, откуда пришла к ним смерть. Четверо пали под стрелами, двое — от метко пущенных ножей.

Там и тут вокруг Серебряных Пиков свистели стрелы, унося жизни ничего не подозревающих стражей. Когда последний дозорный в сине-серебряном доспехе повалился со стрелой в глазнице, на границе ночи и красных сумерек по-прежнему беззвучно заскользили черно-зеленые силуэты. Оставалось лишь удивляться, каким образом такое количество воинов могло остаться незамеченным. Коннахар невольно вспомнил слова одного из йюрч — мол, сиидха пройдет по шелковой нити и спрячется на голом камне. Сам он, как и его друзья, таким умением, конечно, не обладал и оттого сидел в резерве вместе с мечниками, стараясь лишний раз не дышать и дожидаясь, покуда стрелки выполнят свою часть работы. Да и в резерв их вчетвером взяли исключительно благодаря личному поручительству Цурсога, а того пришлось долго и сообща умолять. Сам Цурсог, хотя поначалу его тоже записали в особый отряд, попросился на иное задание — основные силы Госпожи, что-то около четырех сотен клинков, сейчас вырезали часовых вокруг двергских казарм, подбираясь к охраняемому пуще глаза загону для пленных йюрч.

Одна из теней, четко видимая на белом фоне башни, выпрямилась и скрестила руки над головой — в этой вылазке, где неосторожный шум мог стоить жизни всему отряду, общение осуществлялось только посредством жестов и условных знаков. Скрещенные над головой руки означали, что снаружи все в порядке. Теперь наступала очередь мастеров рукопашной, но прежде должна была сказать свое веское слово магия — врата Вершины закрывались на ночь изнутри. Еще одна гибкая фигура, неотличимая на первый взгляд от остальных, приблизилась к высоким бронзовым створкам. Коннахар, стиснув рукоять меча, гадал, как Иллирет ль'Хеллуана справится без своего Кристалла. Он уже довольно насмотрелся на проявления высокой магии при штурме Цитадели и подсознательно ждал чего-то подобного — вспышки, грохота, с треском вылетающих дверей.

Однако, на сей раз, все произошло на редкость обыденно. Госпожа встала перед вратами, прижав пальцы к вискам, и спустя двадцать ударов сердца изнутри залязгали снимаемые засовы. Едва створки приоткрылись на длину меча, десяток лучников, стоявших наизготовку со стрелами на тетиве, дал залп в раскрывшийся проем. Следом за стрелами внутрь ворвались бойцы, но не с мечами, а с длинными кинжалами, какими одинаково удобно и колоть, и рубить в тесном помещении. Все закончилось очень быстро и без единого звука, и та же самая фигура в облегающей темной одежде трижды взмахнула разведенными в стороны руками — все чисто, всем внутрь.

Стрелки, сделавшие свое дело, растворялись в сумерках, охватывая Вершину широким кольцом. Теперь их задачей было в случае внезапной тревоги не подпускать на перестрел ни одно живое существо, могущее прийти на помощь запертому в башне Аллериксу. Из развалин, подчиняясь безмолвной команде, потекла резервная сотня, лучшие мастера меча уже были внутри. Настало время решающего боя.

Уже нырнув следом за Эвье в распахнутые настежь бронзовые створки, Коннахар успел заметить разливающееся над двергскими казармами зарево. И тут же сверху раздался тревожный крик.

Место, называемое в просторечии «казармы Зокарра», на самом деле не являлось казармами в полном смысле этого слова. Дверги облюбовали для постоя четыре больших и богатых каменных дома, выстроенных квадратом вокруг площади в Верхнем Городе, в той его части, которая менее прочих пострадала при штурме. Обожающие всюду, где бы ни появлялись, устраиваться основательно и надолго, подгорные карлики соорудили из этого квадрата подобие миниатюрного форта. Улицы, ведущие на площадь, они перекрыли валами из каменных глыб и за каждым таким завалом установили по рукотворной огнедышащей твари, готовой затопить улицу огнем при первой же опасности. Неподалеку держали и пленных йюрч, охраняя их, куда серьезней, чем всех прочих узников — два племени враждовали давно и прочно, и неукротимый нрав своих давних недругов дверги изучили весьма хорошо. Зокарр не переставал восторгаться остроумием, с каким было определено место для содержания йюрч. Косматых воинов загнали в узкие, скверно пахнущие лабиринты бывших боен, предварительно перегнав оттуда предназначенный к забою скот. Продуманный, безошибочный план ночного штурма рассыпался в прах по нелепому совпадению из тех, которые невозможно ни вычислить, ни предусмотреть заранее. Кто мог знать, что Зокарр Два Топора, старательно заглушавший в себе растущий страх непомерным употреблением сгущенного вина, выберет именно этот вечер, чтобы развлечь себя и своих воинов невиданным зрелищем? Развлечения наемников, состоявших при лагере Аллерикса, как правило, заключались в изобретении новых способов казни для йюрч, имевших несчастье уцелеть в битве, да еще в ежевечерних буйных застольях с распеванием боевых песен. То ли сгущенного вина этим вечером было выпито слишком много, то ли безумие Аллерикса оказалось заразным, но мысль об огненной казни разом всех узников бывших боен крепко засела в голове Зокарра. В разгар очередного пира он кликнул к себе сотника и приказал готовить «саламандру».

... Еще на подходе к «казармам» Цурсог Мохнатое Копье, возглавлявший сотню мечников — айенн сиидха и йюрч поровну — с острым беспокойством ощутил: что-то идет не так. Полночь давно миновала, однако лагерь наемников, вместо того чтобы мирно спать, шумел и сиял подозрительно большим количеством факельных огней. Прислушавшись, можно было различить здравицы в честь мудрого вождя Зокарра и пьяные песни, исполняемые нестройным хором.

На мгновение у Цурсога отлегло от сердца — коротышки насосались своего пойла? Лучше и быть не может! Хмельной воин — плохой воин, это всякий знает. Но потом шум голосов перекрыл знакомый оглушительный лязг стальной многоножки, и Цурсог снова насторожился. Для чего грязелюбам среди ночи в собственном лагере потребовалась огненная тварь? Йюрч жестом приказал своим воинам двигаться быстрее, так же поступили и остальные сотники. Четыре сотни воинов, наплевав на осторожность, почти бегом продвигались меж развалин к тому месту, где гремело железо, и орали наперебой грубые голоса.

Звуки выводили к старым скотобойням, где содержались захваченные в плен сородичи Цурсога. Внезапно йюрч *понял* — и серая шерсть у него на загривке встала дыбом. Еще десять раз стукнуло в груди сердце от бешеного бега, и с плоской крыши сарая, чудом

устоявшего при штурме, он увидел все своими глазами.

«Саламандра», растопырив три пары голенастых стальных лап, покачивалась напротив ворот загона. Ворота, за которыми ждали своей участи несколько сотен соплеменников Цурсога, были пока закрыты, но замок уже сбит, и десятка два двергов, засучив рукава, готовились потянуть створки. Прочие же, толпа числом сотни полторы, сжимая в руках ополовиненные кубки, одобрительно и нечленораздельно ревели в ответ на выкрики своего вождя. Взгромоздившись на широкую, как корабельная палуба, спину проклятой многоножки, Два Топора вопил:

- Я принял решение, и вот какое! Слушайте: завтра же, едва взойдет солнце, мы уйдем отсюда обратно под Синий Кряж, и пусть только кто-нибудь попробует нам помешать! Разве не так, братья-воители?
 - Так! Хвала Зокарру! Слава вождю! отвечала толпа.
- Ну, а теперь мы доделаем последнее дельце здесь, в Долине, чтобы никто не мог сказать мол, подгорный народ ушел, не выполнив работы! Открывай!..

Цурсог понимал, что, начни он атаку до условленного сигнала из Вершин, весь план окажется под угрозой. Бессмертные Клинки почуют неладное, поднимут тревогу, и Иллирет с ее бойцами встретят три сотни не ведающих пощады мечников, исенновская отборная гвардия, готовые за своего повелителя хоть в огонь. Огонь!.. Еще бы терцию подождать! Но створки ворот уже подались в стороны, и в темной глубине виднелись лица пленных. В брюхе «саламандры» родился и стал набирать силу тонкий свист, предвестник пламенной погибели. Цурсог в отчаянии оглянулся — не на соплеменников, готовых к бою, а на айенн сиидха: поймут ли, не станут ли удерживать?

Альбы молча и деловито натянули луки и обнажили мечи.

— ... Может быть, теперь меня следует называть Зокарр Жестокий? Или Зокарр, Повелитель Огня? — разглагольствовал Два Топора. Дверг, управлявший «саламандрой», бросил на него вопросительный взгляд, и Зокарр взмахнул рукой: — Давай!

Стрела, проникнув сквозь проволочную сетку подобно скорпионьему жалу, вошла сидевшему за рычагами двергу в толстую шею, и тот молча повалился лицом вниз. А перед онемевшим от неожиданности Зокарром вырос могучий воитель-йюрч в вороненой кольчуге, с двулезвийным копьем, на котором топорщились пряди жестких волос. Он ухватил дверга за кудлатую бороду:

— Тебя будут называть Зокарр Вороний Корм. Умри, червяк! — и одним взмахом снес ему башку с плеч.

Стрелы и мечи выкосили полупьяных и оторопевших наемников за двадцать ударов сердца. Обретшие свободу йюрч, едва покинув узилище, тут же вступали в бой чужим оружием или даже просто голыми руками. Но в «казармах» уже ударили в набат, поднимая остальных наемников — эти, трезвые и досиешные, злые до драки, сражались с яростью обреченных.

Цурсог Мохнатое Копье рубился в самой гуще битвы, когда чья-то тяжелая секира перебила ему позвоночник. Последним, что он увидел, была удивительно красивая огненная река, затопившая узкий переулок.

- Повелитель, на нас напали! крикнул первый же из Бессмертных Клинков, едва появившись на площадке Вершины. Следом поднялись еще с полдюжины воинов в крылатых шлемах, и последний поспешно захлопнул за собой крышку люка. Они появились, словно из-под земли и атаковали нас! Слишком неожиданно, мы не успели отразить... Но помощь уже на подходе, Высочайший!
 - Сколько их? прорычал Исенна.
- Мало, но они сражаются как демоны. Их ведет женщина, и она владеет Силой, против которой мечи бесполезны. Они рвутся сюда, несмотря на потери. Может быть, нам удастся их остановить, но, скорее всего...
 - Пусть идут, перебил Безумец. Откройте люк.
 - Но...
- Ты не слышал?! Я жду их... с нетерпением. Когда они появятся, не смейте встревать они мои.

Воин бросился исполнять приказание, а в напряженной тишине, нарушаемой далеким звоном клинков, вновь послышался смех Темного Всадника.

— А ты говорил — они бросили меня, — почти ласково сказал властелин Полуночной Твердыни. — Эх ты, глупец. Глупый и жадный мальчишка. Я ужасно ошибся, приобщив тебя к Силе. Но я еще исправлю свою ошибку, а вот твой кошмар останется с тобой навсегда... Пока мы ждем, может, расскажешь, наконец, как ты заполучил такую смазливую рожу? Жаровню, что ли, вместо подушки подложил?..

— ЗАМОЛЧИ!

Вся ненависть, все безумие и гнев Исенны прорвалось в этом вопле, и одновременно Альб развернулся и наотмашь, как плетью, хлестнул пылающим Жезлом по лицу Всадника.

Два крика слились в один. Рота страшно рванулся в цепях, но оковы выдержали — не выдержал крюк, крепивший цепь к бревнам, и пленник повалился на каменный пол. Три когтя драконьей лапы из полированной стали разодрали лицо Всадника жуткими рубцами, и вокруг этих рубцов кожа стремительно чернела, обугливалась, словно от огня, исходя струйками зловонного дыма, чернота подбиралась к глазу, глодала высокий лоб. Всадник снова закричал, сотрясаемый жестокими судорогами, и забился на мраморных плитах.

Алмаз в навершии Жезла сиял, как голубая звезда. Холодное голубое свечение охватило корчащееся тело хозяина Цитадели.

— Ты сам виноват, — торжествующе закричал Исенна, — не надо было смеяться надо мной! Теперь ты такой же, как я — как тебе это нравится? Ты никогда не вернешься в мир, ибо казнь твоя будет страшнее смерти! Я скормлю *тебя* той самой Бездне, которой ты пугал *меня*, скормлю живьем, прямо сейчас! Оставайся при своем уродстве, проклятый бог, оставайся при своем одиночестве, и знай, все грядущие тысячелетия помни — я все равно найду твой народ, разыщу Хранителей Радуги и не успокоюсь, пока хоть один из них дышит этим воздухом! Я изгоняю тебя навеки, Рота-Всадник! Изгоняю тебя! Отправляйся за Грань!

Крики Всадника сделались беззвучными, а его тело мало-помалу таяло, теряло плоть, расплывалось голубым туманом и, наконец, исчезло совсем. Тонкий синий луч ударил в зенит, в непроглядную черноту на дне гигантской воронки в тучах. Око Тьмы, казалось, впитало его с жадностью. Тяжкий громовой раскат прокатился над башней, сверкнула ослепительная молния. Колдовской вихрь над Вершинами стал стремительно оплывать, покуда не исчез совсем, затянувшись рыхлыми серыми тучами, из которых вдруг заморосил

мелкий холодный дождь.

... Иллирет ль'Хеллуана поднялась на Вершину первой. За ней, шатаясь и сжимая окровавленные, изрубленные клинки, появились остальные — всего около дюжины из сотни бойцов, вошедших в башню. Опустив руку с Жезлом, тяжело и часто дыша, словно после тяжелой работы, Исенна смотрел на них исподлобья, и на лице его змеилась недобрая усмешка.

* * *

Действуя быстро, бесшумно и скрытно, мечникам Иллирет удалось без помех пробраться на высоту третьей лестничной площадки. Но стоило кому-то из стражей Вершины поднять тревогу, как внутренние помещения башни наводнились воинами в синесеребряных кольчугах. Ночная атака была задумана, в том числе и с тем нехитрым расчетом, что по ночам все живое, кроме разве сов и летучих мышей, крепко спит — а значит, если даже Бессмертные Клинки и заметят неладное, большая часть из них, будучи спросонья и без доспеха, не сможет толком организовать отпор. Однако затея эта себя не оправдала. Может быть, гвардейцы Исенны спали в полном вооружении, а может быть, не спали вообще, по крайней мере, в эту ночь. Так или иначе, они были полностью готовы к драке, и на каждого воина Цитадели приходилось по двое Бессмертных. Так и вышло, что проникший в Вершину отряд Госпожи оказался со всех сторон окружен врагами, и оставался один путь — наверх.

Коннахару и трем его спутникам, затесавшимся в первую тридцатку, по всем законам полагалось пасть в самом начале рубки на узких лестницах. Первые мгновения после того, как прозвучал сигнал тревоги и стражи в крылатых шлемах набросились на них со всей яростью, все к тому и шло — двое сиидха, прикрывавшие принца своими спинами, один за другим пали под ударами противников. Но внезапно, словно боевое безумие вселилось в юношу, и клинок в его руке зажил самостоятельной жизнью, страх исчез, а тело исполнилось жестокой радостью битвы. Меч Коннахара, сына Конана, той ночью плел смертоносную паутину не хуже самых прославленных клинков Полуночной Твердыни. Краем глаза наследник аквилонского престола замечал, что и друзья его сражаются подобно львам — даже Лиессин, еще не до конца оправившийся от увечий. А уж по-настоящему умелые воины рубились так, что глаз просто не различал их мечей, сливающихся в туманное пятно, и казалось порой, что один и тот же боец находится одновременно в трех местах — таково было действие заклятия Иллирет ль'Хеллуаны.

Численное превосходство противника все же давало себя знать, действие заклятия рано или поздно должно было иссякнуть, и силы телесной оболочки имеют свой предел. Отряд Госпожи неуклонно, ярус за ярусом, продвигался к вершине башни, но чем выше, тем чаще то один, то другой воин Цитадели падал под ударами вражеских мечей. Коннахар даже не заметил, как и когда исчез Эвье Коррент. Он сам получил несколько ран, по счастью легких, пот и кровь, сочащаяся из пореза на лбу, заливали глаза, меч намертво прикипел к ладони. Стражи в крылатых шлемах, не выдержав натиска, отступали перед ними, лестницы сделались такой ширины, что двоим уже было бы не разойтись. Тонкая фигурка Иллирет маячила в десяти ступеньках впереди, неся перед собой щит оранжевого огня, заставлявший

лезвия мечей рассыпаться бурой ржавчиной, а живую плоть — серой золой.

Внезапно последний противник выронил меч и рухнул со стоном, а в лицо дохнул мокрый ветер.

Мраморный круг тридцати шагов в поперечнике, смутные фигуры с мечами на дальнем краю, и совсем рядом — гигант в развевающейся белоснежной накидке, с мечом на золотом поясе, сверкающим жезлом в левой руке и черным лицом демона из страшных преданий. Все поплыло у принца перед глазами, словно издалека, он услышал протяжный крик Иллирет, полный неизбывного горя, и увидел, как она бросается на гиганта в белом, занося кинжал. Небрежным жестом Исенна перехватил ее кисть, выкрутил кинжал из ее пальцев и заставил рухнуть перед ним на колени. Иллирет повалилась ничком и осталась лежать неподвижно, очевидно, лишившись чувств.

Только тогда Коннахар заметил, что массивный треножник из толстых, грубо отесанных бревен пуст, и понял с удивившим его самого равнодушием, что их отчаянный прорыв был напрасен. Ротан и с ним еще несколько воинов кинулись к Исенне, поднимая мечи, но Драконий Жезл замерцал навстречу им холодным светом, и они замерли, будто вмороженные в лед.

Коннахар почувствовал, как колдовское оцепенение охватывает и его, не давая шевельнуть ни рукой, ни хотя бы пальцем.

Исенна рассматривал их, поигрывая Жезлом. Издевательская ухмылка не сходила с его лица, страшного в своем уродстве и блестящего от влаги, сыплющейся из низко нависших туч.

- Так значит, вот они какие, герои, сражавшиеся как демоны, прошедшие сквозь моих непобедимых Бессмертных Клинков, как раскаленный нож проходит сквозь масло, готовые отдать свои жизни за жизнь своего Темного бога, наконец, насмешливо бросил он. Невероятно. Никогда не видел таких заморышей. Одна женщина, наделенная жалким подобием Силы, двое юнцов, кажется, даже не старшей крови, один полукровка и прочие, едва стоящие на ногах. Ты, поднявший на меня меч! Давай, покажи, на что способен!
- Ближайший к Аллериксу мечник вновь обрел способность двигаться. Молниеносно, без предупреждения, лишь крутанув клинком так, что воздух взвизгнул под лезвием, сиидха бросился на Безумца. Он был одним из лучших бойцов Цитадели, но его удар ушел в пустоту, острие высекло искры из мраморного пола Исенна увернулся столь быстро, что глаз не уловил движения, пригнулся, спрятав за спину Жезл, и выхватил из ножен собственный меч. Все кончилось за несколько ударов сердца. После короткого каскада выпадов, финтов и размашистых ударов, рассыпающих снопы искр, клинок Исенны вспорол противнику бедро и взлетел к горлу.

Сиидха покачнулся, глаза его помутнели. Он выронил свой меч и без звука перевалился за край площадки.

— Это все, на что вы способны! — загремел Исенна, выпрямившись в полный рост. Единственный глаз его сверкал, на белых, мокрых от дождя одеждах расплылся веер кровавых брызг. — Я мог бы убить каждого из вас поодиночке и всех вместе, а вы даже не коснетесь меня! Нет, я не стану марать свой меч вашей кровью, я сделаю так!..

Синяя вспышка Жезла — и воина рядом с Коннахаром охватило жадное пламя.

— И вот так!

Ледяная комета, сорвавшись с навершия жезла, ударила в одного из сиидха Госпожи. Мгновение тот простоял статуей синего льда, взорвавшись затем на тысячу прозрачных осколков.

— И еще вот так!

Коннахар напрягся изо всех сил, пытаясь разорвать путы обездвиживающего заклятия, но усилия его пропали даром — а тем временем невидимая колдовская сила вздернула в воздух Лиессина Майлдафа и принялась медленно, с натугой, скручивать его, как человек выжимает мокрую тряпку.

- Вы все умрете здесь! Ничтожества! Есть ли хоть один, кто бросит мне вызов? проревел Безумец, запрокидывая к небу изуродованное лицо.
- Есть, ответил спокойный и суровый голос, от звука которого у Конни на миг остановилось сердце.

Посередине площадки, в центре восьмиконечной звезды из золотых полос, вделанных в мраморные плиты, распахнулась трескучая фиолетовая арка магических Врат, а перед ней стоял демон — огромный, ростом под стать Исенне, в тусклой черной броне с серебряной насечкой, покрывающей его могучее тело с головы до пят, и черном шлеме с решетчатым забралом. В одной руке пришелец держал круглый щит, блестящий, как зеркало, и усаженный по краям шипами. В другой у него была массивная двулезвийная секира драгоценной синей стали, и руны на изящно выгнутых лезвиях горели собственным огнем.

Исенна отшатнулся, вскидывая Жезл. Благой Алмаз метнул в незваного гостя острый синий луч, способный прожигать сталь, как пергамент. Но демон лишь пошевелил своим зеркальным щитом, и убийственный луч безвредно отразился в ночное небо — зато с Лиессина, уже начинавшего синеть, спали чары, и он, кашляя и задыхаясь, упал ничком. В тот же миг и сам принц ощутил, что парализующее заклятье больше не властно над ним.

— Вижу, я успел вовремя, — спокойно и насмешливо произнес человек в демонской броне голосом Конана, короля Аквилонии. — Коннахар, сын мой, подойди ко мне. А ты, здоровяк, не вздумай ему помешать.

Исенна вскрикнул, яростно и зло, и метнул в пришельца ледяную молнию. Она покрыла корочкой льда мраморный пол под ногами гостя, не причинив ему видимого вреда.

- Кто ты, во имя Света?! взревел Безумец. Откуда ты взялся?
- Это долго объяснять, издевательски донеслось из-под решетчатого забрала. Один мой друг, которого здесь у вас называют Темным Всадником, передает тебе привет.

В следующий миг сверкающий обоюдоострый клинок Аллерикса скрестился с оружием Конана, а сиидха Госпожи схватились со стражами Вершины. Снова запела острая сталь. Коннахар кинулся к отцу, но внезапно подпрыгнувший мраморный пол сбил его с ног — на Серебряные Пики обрушился первым подземный удар.

Лиессин, шатаясь, поднялся и побрел к сияющим неподалеку Вратам — с него было довольно. На Юсдаля-младшего накинулись сразу трое палачей, явно сочтя его легкой добычей. Они размахивали тесаками, а один намотал на кулак обрывок цепи, но Ротана еще не отпустило недавнее боевое безумие — не успело сердце стукнуть трижды, как двое нападающих валялись безжизненными тушами, а третий пятился, отмахиваясь тесаком от наседавшего юноши, пока не оступился с края башни и с диким воплем покатился вниз. Потомок Халька Юсдаля огляделся — никто более не отваживался напасть на него, мечники Полуночной Твердыни добивали Стражей — подхватил на руки бессильно обвисшее тело Госпожи Иллирет и потащил к Вратам.

Во тьме Долины Вулканов разгорались многочисленные яркие огни, но то было не рукотворное пламя. Подземный огонь искал себе выход на поверхность. Новый толчок сотряс

Вершину, и по мраморным плитам побежали первые трещины.

— Коннахар! Сын мой! — кричал Конан, король Аквилонии, с трудом удерживаясь на ногах на качающейся, готовой обрушиться площадке. Он сбросил помятый шлем и отшвырнул щит. — Скорее! Башня вот-вот обрушится!

— Отец, я здесь!

Наследник аквилонского трона бросился к мерцающему порталу, но слова, произносимые еле слышным шепотом, заставили его задержаться.

- ... Исенна Феантари стоял на коленях, его меч валялся в двух шагах, и на выщербленном клинке переливался свет магических Врат, дробясь в каплях воды и крови. Секира киммерийца хлестнула его поперек груди, и кровь текла из-под судорожно стиснутых на рукояти Жезла пальцев Безумца, омывая сияющий кристалл. Губы его беззвучно шевелились, перечисляя какие-то имена. Внезапно альб возвысил голос, и Коннахар услышал:
- ... ценой крови и жизни, властью четырех стихий и моим истинным именем я, Экельбет Суммано Нуул, заклинаю: да будете вы гонимы и ненавидимы, и возжелаете крови друг друга и иных живых существ, и уничтожите себя в жажде своей и закоснеете в убийствах. Проклятие мое на вас, отныне и навеки! Да сбудется по слову моему!

Киммериец сгреб сына за шиворот, швырнул в портал и сам прыгнул следом, а за ним с грохотом рухнули башни Серебряных Пиков, и расплавленная лава вырвалась на волю, смывая останки Полуночной Цитадели, уничтожая память о правых и виноватых, обмане и предательстве, великой силе и великой доблести.

WWW.CIMMERIA.RU